

НАУЧНОЕ ОБОЗРЕНИЕ САЯНО-АЛТАЯ

Рецензируемый
научный журнал
Номер 4 (20), 2017
Выпуск 6

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор

д-р ист. наук **Тугужекова В. Н.**

Ответственный секретарь

канд. ист. наук **Данькина Н. А.**

канд. ист. наук **Кискидосова Т. А.**

канд. геогр. наук **Самрина Е. В.**

УЧРЕДИТЕЛИ:

Министерство образования и науки
Республики Хакасия
ГБНИУ РХ «Хакасский
научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории»
(ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ»)

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

655017, г. Абакан,
ул. Щетинкина, 23,
ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ».
Телефон: 8 (3902) 22-31-71.

e-mail: khaknauka@mail.ru

Зав. редакцией:

Данькина Надежда Анатольевна

ISSN 2304 – 7488

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Молина И. Г. (председатель)
канд. юр. наук (Абакан)

Анжиганова Л. В.

д-р филос. наук (Абакан)

Базаров Б. В.

академик РАН (Улан-Удэ)

Бичелдей К. А.

д-р филол. наук (Кызыл)

Екеева Н. М.

канд. ист. наук (Горно-Алтайск)

Салата Г. А.

канд. пед. наук (Абакан)

Худяков Ю. С.

д-р ист. наук (Новосибирск)

НАШ АДРЕС В ИНТЕРНЕТЕ:

<http://www.haknii.ru>

© Министерство образования
и науки Республики Хакасия, 2017
© ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ», 2017

Журнал зарегистрирован в ФС по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77 – 48678.

Подписной индекс 25199 в каталоге агентства «Роспечать».

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Самрина Е. В.

Социокультурный облик хакасских баев во второй половине XVIII – XIX вв. 4

Комлева Е. В.

Борьба с «гибельным действием»: здравоохранение в Туруханском крае в первой половине XIX в. . . . 11

Кискидосова Т. А.

«Блеск и нищета» города Енисейска во второй половине XIX – начале XX в. 17

Фаронов В. Н.

Политические предпочтения рабочих Западной Сибири в первой четверти XX в. 26

Тугужекова В. Н.

Вклад Кирилла Семеновича Тодышева в просветительскую деятельность хакасского народа (к 125-летию со дня рождения). 31

Каташев М. С.

Свержение Советской власти в Горном Алтае в июне 1918 г. 36

Шекшеев А. П.

«Ревность к городу». Отношение енисейских крестьян к горожанам в период революции 1917 г. и Гражданской войны 41

Кышпанакоев В. А.

«Забытая перепись» (к 80-летию со дня проведения Всесоюзной переписи населения 1937 г.). 56

Печерский В. П.

Партийно-советская номенклатура Хакасской автономной области в послевоенный период (1946–1953 гг.) 61

ЭТНОГРАФИЯ

Aktaş, Erhan

‘Sas Toy’ bir karşıtlama örneği sayılabilir mi? 68

Кривоногов В. П.

Динамика национально-смешанной брачности у хакасов во второй половине XX – начале XXI века 75

Мухамадеев А. Р.

Мотив партеногенеза как идеологическая основа власти тюрко-монгольских правителей 85

Прищепа Е. В.

Взаимовлияние в материальных культурах народов Хакасско-Минусинского края в XVIII–XX вв. . . . 93

Ушницкий В. В.

Заготовка сена летом в Якутии. 99

ИСТОРИОГРАФИЯ, ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Бородина Е. В.

Сословие, сословная группа, класс? Проблема социальной стратификации в России нового времени в англоязычной историографии. 104

Чертыхов В. К.

М. А. Кастрен и его исследования в Хакасско-Минусинском крае (середина XIX века) 110

ИСТОРИЯ НАУКИ

Савинова Т. Н.

Изучение памятника природы «Бузулукский бор» в XVIII в. 118

ПЕРСОНАЛИИ

Кискидосова Т. А.

Поздравляем! Шекшееву Александру Петровичу – 70 лет! 123

CONTENTS

HISTORY

Samrina E. V.

Sociocultural Appearance of a Khakass Rich Owner of cattle in the Second Half of the XVIII – XIX Centuries 4

Komleva E. V.

The Fight against the «Disastrous Effect»: the Healthcare in the Turukhansk Region in the First Half of the XIX Century. 11

Kiskidosova T. A.

«Brilliance and Poverty» of the Town of Yeniseisk in the Second Half of the XIX – Early XX Centuries 17

Faronov V. N.

Political Preferences of Workers in Western Siberia in the First Quarter of the XX Century 26

Tuguzhekova V. N.

Kirill Semyonovich Todyshev's Contribution to the Educational Activities of the Khakass People (to the 125 Anniversary) 31

Katashev M. S.

The Overthrow of Soviet Power in the Gorny Altai in June 1918. 36

Sheksheev A. P.

«Jealousy to the City» The Attitude of the Yenisei Peasants to Citizens during the Revolution of 1917 and the Civil War 41

Kyshpanakov V. A.

«The Forgotten Census» (To the 80th Anniversary of the All-Union Population Census of 1937) 56

Pechersky V. A.

The Party and Soviet Nomenclature of the Khakass Autonomous Region in the Postwar Period (1946-1953) 61

ETHNOGRAPHY

Aktaş Erhan

Can «Sas Toy» be Accepted as an Example of Antiphrase? 68

Krivotonogov V. P.

The Dynamics of the Khakass National-Mixed Marriage Rate in the Second Half of the XX – Beginning of the XXI Centuries 75

Mukhamadeev A. R.

The Motive of Parthenogenesis as the Ideological Power Basis of Turkic-Mongolian Rulers. 85

Prishchepa Ye. V.

Interaction in Tangible Cultures of the Peoples of the Khakass-Minusinsk Region in the XVIII – XX Centuries 93

Ushnitsky V. V.

Haymaking in the Summer in Yakutia 99

HISTORIOGRAPHY, THEORY AND METHODOLOGY

Borodina E. V.

Estate, Estate Group, Class? Problem of Social Stratification in Russia of Modern Period in Researchers Written in English 104

Chertykov V. K.

M. A. Castrén and his Researches in the Khakass-Minusinsk Region (the Middle of the XIXth Century) 110

HISTORY OF SCIENCE

Savinova T. N.

Studying of Nature Sanctuary the Buzuluk Pine Forest in the XVIIIth Century 118

PERSONALIA

Kiskidosova T. A.

Congratulations! Sheksheev Aleksandr Petrovich is 70 Years Old! 123

ИСТОРИЯ

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК ХАКАССКИХ БАЕВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – XIX ВВ.

Е. В. САМРИНА

УДК 94 (571.513)

В данной статье рассмотрены социокультурные характеристики баев, позволившие им приспособиться к новым социальным и экономическим реалиям Российской империи. Уделено внимание служебной деятельности баев, их образовательному уровню, традиционному патернализму, семье и быту. Патерналистская деятельность сглаживала социальную напряженность в улусах. Проанализирован образовательный уровень байской семьи, являвшийся свидетельством модернизационных изменений богатых хозяйств. Без исследования этих социокультурных элементов характеристика хакасских баев будет неполной и однобокой.

Ключевые слова: баи, аккультурация, служебная деятельность, образование, традиционный патернализм, семья, быт.

SOCIOCULTURAL APPEARANCE OF A KHAKASS RICH OWNER OF CATTLE IN THE SECOND HALF OF THE XVIII – XIX CENTURIES

E. V. SAMRINA

This article discusses the sociocultural characteristics a rich owner of cattle. Socio-cultural aspects allowed a rich owner of cattle to adapt to the new social and economic realities of the Russian Empire. Attention is paid to official activities, their educational level, traditional paternalism, family and way of life. Paternalistic activity smooth social tensions in the uluses. Their educational level was evidence of the modernization changes in the rich family. Without the study of these sociocultural elements, their characterization will be incomplete and one-sided.

Key words: a rich owner of cattle, acculturation, official activity, education, traditional paternalism, family, everyday life.

Существующие на данный момент оценки и характеристики баев как социального слоя хакасского традиционного общества недостаточно информативны, носят поверхностный иллюстративный характер, не раскрывают ни реального положения баев, ни результатов их хозяйственной и служебной деятельности. До недавнего времени этот вопрос решался исключительно в рамках «классового подхода», через призму идеологических догм, в соответствии с которыми вклад в отечественную культуру

социальной группы богатых скотовладельцев игнорировался, а участие в общественной жизни оценивалось отрицательно. Собственно история хакасских баев, их социальная характеристика и социокультурный облик в целом не стали предметом отдельного исследования.

Байское сословие – древняя социальная группа, основанная на владении материальными ресурсами и обладавшая властными полномочиями. Основой социальной стратификации была не только степень близости к правящему

кыргызскому роду, но и богатство, измеряемое в первую очередь количеством скота. В 1840-е гг. с открытием золотых месторождений, разработкой приисков (преимущественно в Енисейской и частично в Томской губерниях) оживилась экономика края, что способствовало развитию торгового скотоводства и предпринимательской деятельности баев. В связи с модернизацией во второй половине XIX в. хакасские баи получили импульс к дальнейшему хозяйственному развитию. Байство было неоднородным и в имущественном, и в социальном отношении. Прослеживаются три группы баев, отличающиеся по социальному происхождению и количеству скота, вовлеченности в предпринимательскую деятельность. Потомками старой потомственной аристократии были «тенгизы», выходцами из менее родовой среды, но владеющими значительным количеством скота – «пугдуры» и новые разбогатевшие баи – «кистемы». Потомственная аристократия баев не превышала 4 % [1, с. 117]. Но общая численность байских хозяйств была достаточно значительной (около 15%). Баи-«тенгизы» владели наследственными имениями, богатство их передавалось из поколения в поколение. Среди баев богатством выделялись Картины, принадлежащие к элитарному сеоку кыргыз. В середине XIX в. у «тенгиза» Чирка Картина было 12 тыс. лошадей, до 5 тыс. крупного рогатого скота, 12–15 тыс. овец¹. Известные баи пугдуры Х. Тугужеков, Н. Азракков, С. Сукин, Н. Сукин владели в среднем от 1 тыс. до 3 тыс. лошадей. В новый зарождающийся социальный слой вошли представители рядовых социальных слоев общества, мелкие баи – «кистемы». Путем рационального ведения хозяйства, настойчивости и расчетливости, за счет перепродажи скота, продажи товаров в кредит, ростовщических и других операций они сумели превратить свои хозяйства в доходную отрасль. Также «кистемами» считались обедневшие баи. В среднем они владели 100–200 головами крупного скота.

При правлении Екатерины II коренные народы Сибири были включены в государственную систему управления. Некоторой части родоплеменной знати присваивали жалованные

¹ Национальный архив Республики Хакасия (НАРХ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 18. Л. 9–12.

грамоты на княжеское достоинство, а рядовых старшин выбирали из состоятельных сородичей, которые впоследствии превращались в особый разряд государственных чиновников. Жалованную грамоту получил койбальский башлык Качалор. «...В старинных актах, земля их постоянно называлась Койбальской землицей. На владение его, в царствовании Екатерины Второй им была выдана владейная грамота. Она хранилась у одного из родоначальников и сгорела вместе с юртою...»².

Известные беги и башлыки второй половины XVIII в. почти все были крещены. Вероятно, принятие новой веры была адаптивной стратегией. Сагайский башлык Амзор принял православие еще во времена путешествия Палласа в Хакасско-Минусинский край в 1771-1772 гг. [2, с. 487] и распространял православие у сагайцев. Кызыльский бег Гаврила Ульчугачев потомок старой аристократии, обитавший на землях бывшего Алтысарского улуса, построил церковь в своих владениях (будущее село Ужур) и большой деревянный дом с балконом. Царские власти поддерживали тех, кто наиболее усердно проводил правительственную политику, как например Гаврилу Ульчугачева или Качелора [2, с. 488]. Кафтанами наградили Иптыша Аюжакова в 1740-х гг. башлыка Бельтырской землицы, сагайского башлыка Наира Тулбечкова в 1728 г. [3, с. 169]. Между тем источниками XVIII в. не выделяются качинские князцы, проявившие такое же усердие в крещении сородичей или внедрявшие земледелие. П. С. Паллас, отмечал, что качинцы «...не занимаются земледелием и не обращаются в христианство» [2, с.559].

Наградами и денежными вознаграждениями лояльная родовая элита поощрялась и в XIX в. Например, родоначальник Аскизской степной думы А. М. Кызласов и староста Бельтырского рода И. А. Асочаков за организацию массового крещения хакасов на реке Аскиз в июле 1876 г. получили кафтаны, украшенные золотыми позументами. А письмоводитель Аскизской степной думы Е.С. Катанов был награжден орденом Анны III степени и медалью «За усердие»³.

² НАРХ. Ф. 675. Оп. 1. Д. 84. Л. 21.

³ НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 27. Л. 1–2.

Выбор в пользу того или иного кандидата на родовые должности в первую очередь производился на основании лояльности к власти. Кроме того, необходимым условием занятия должности родоначальника думы было знание русского языка. Например, М. Чубугин был избран на должность родоначальника в Койбальской думе в 1843 г. как хорошо знающий русский язык⁴.

Для представителей традиционной элиты характерно изменение исходных культурных моделей – аккультурация. Оседлый образ жизни, строительство домов русского типа, занятие земледелием являлись дополнительной преференцией при утверждении на должность. Вышеупомянутый М. Чубугин характеризовался как имеющий не только «достаточное скотоводство», но и немалую запашку и дом со всеми к нему принадлежностями⁵. Н. Н. Козьмин отмечал, что еще во времена Палласа очень богатые инородцы, близко стоявшие к русским властям, имели построенные на русский образец дома, как башлык бельтиров и бирюсов Ептыш, кызыльский депутат Ульчугачев [4, с. 169].

Вместе со сменой религиозной ориентации происходит заимствование норм, ценностей другой культуры. Признание русского подданства сопровождалось отрезанием косы «киджеге» – традиционная мужская прическа. Между тем косичка «киджеге» для мужчин имела сакральное значение, и ее отрезание считалось позором [5, с. 273]. В связи с этим трудно сказать, что процессы аккультурации шли автоматически. В данном случае можно говорить об общей модели стратегии приспособления, выживания, традиционной элиты.

С вовлечением Хакасско-Минусинского края в орбиту внутренней жизни Российской империи, в связи с реформами Сперанского и принятием «Устава об управлении инородцами» 1822 г. богатые скотоводы стали занимать административные должности в степных думах. В их руках сосредоточивалась судебная власть в рамках обычного права, семейно-брачных отношений (за исключением уголовного наказания), распорядительная власть. Они имели полномочия по вопросам внутреннего управления и

сбора ясака. Но представители местных элит не сохранили свое влияние на политические и юридические институты. Кроме того вновь избранный административный аппарат утверждался гражданским губернатором или областным начальником, а родоначальники (беги) степных дум – генерал-губернатором. Они же могли отстранить их от власти. Характерной особенностью власти родоначальников была пожизненность и наследственность. Наследниками чаще выступали сыновья, а в случае их отсутствия, племянники. После смерти родоначальника Койбальской думы Никиты Кочелорова в 1824 г. власть наследовал его несовершеннолетний сын Владимир Качелоров. Ему исполнилось 19 лет, поэтому наставником и помощником в управлении до достижения им 21 года был назначен дядя Иван Васильевич Капсаргин⁶. В Кызыльской думе с 1822 г. бегом служил Петр Федорович Ульчугачев. Затем – его племянник Егор Григорьевич Ульчугачев [1, с. 74].

Административные должности приносили немалый доход. Наряду с денежными вознаграждениями за службу происходили хищения из казны думы. Также властные полномочия давали возможность использования лучших пастбищ, покосных угодий, территорий для зимника с незамерзающими родниками, колодцами и природными укрытиями – логами и заимками, зачастую в ущерб остальному населению.

Сглаживанию социальной напряженности в улусах способствовала древняя родовая взаимопомощь, своего рода патерналистская деятельность традиционной элиты, проявлявшаяся в различных формах. Для обеспечения бедных членов общества нормой питания, позволявшей им выжить, существовали традиционные способы внутренней саморегуляции общества. Это пиры и угощения, которые устраивались богачами, соревнования с призами и застольем, общественные работы на бая с последующим кормлением. Несомненно, что все эти меры можно рассматривать как способы эксплуатации рядового населения. Однако нельзя не признать и того, что они действительно продолжали оставаться формами родовой взаимопомощи, жизненно необходимой в условиях

⁴ НАРХ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 125. Л. 3.

⁵ НАРХ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 125. Л. 3.

⁶ НАРХ Ф. № И- 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 11,17.

зависимого от природы и нестабильного кочевого хозяйства. Лишенные такой помощи, бедные не имели других возможностей для существования и были обречены на голодную смерть. Отказ баев от традиционных форм взаимоотношений вызывал отток кочевого населения, согласного изъявлять им покорность, и мог привести к социальной напряженности.

Баи отдавали скот на выпас за приплод или молоко. Несмотря на действительно довольно жесткую эксплуатацию, бедняки получали возможность выжить, а общество сохраняло стабильность. Бедняк кормил полученную от бая в доение корову вместе с теленком в течение всего года, кроме этого, он был обязан отработать у бая на сенокосе (в течение одного-двух дней). Также практиковалась раздача баями лошадей за прокорм и отработку.

Использовались древние формы взаимопомощи (родственная помощь «абыр», являвшейся долговой; опека малолетних родственников). В 1824 г. койбалец Прокопий Дмитриев взял на воспитание малолетних сирот-племянников с обязательством содержать их до 17-летнего возраста. Скот и имущество малолетних находились в его пользовании, впоследствии он воспользовался вверенным имуществом и скотом в своих интересах [6, с. 281].

Помощь «абыр» предоставлялась крупным скотом со стороны богатых родственников. Например: «ат абыры» – долговая помощь конем (когда бедняку для разведения скота давали лошадь); «торбах абыры» – долговая помощь теленком и т. д. Согласно обычному праву, бай не имел права отказать в просьбе своему родственнику. Возвращали долг точно таким же количеством скота и того же возраста, какое было получено по закону «абыр». Вернуть «абырный» скот обязаны были даже дети умершего должника. Бедняки, которые не могли вернуть абырный скот, становились должниками и работали на бая. Например, у бая Торзан Тазмина в аале Тазмин постоянно работало по 5–10 бедняков, закабаленных родственной помощью «абыр» [1, с. 79].

Богатые баи противопоставляли себя остальному населению, подчеркивая знатность своего происхождения, богатство, статус. Они окружали себя роскошью и носили одежды из

дорогих тканей. Юрта была не просто жилищем, а символом богатства и мерилom общественного положения. Во второй половине XIX в. состоятельные баи стали строить для себя респектабельные дома в г. Минусинске.

Интерьер байского дома красноречиво описал первый енисейский губернатор А. П. Степанов: «...загляните в степную ротонду богатого татарина. Против самого входа стоит диван с сафьянным красным тюфяком, за шелковой занавескою китайской материи. От него по обеим сторонам, вокруг стен, поставлены в два ряда сундуки, обтянутые сафьяном разных цветов, окованные в решетку железом. Над ними, ближе ко входу, развешаны седла и узды с серебряным прибором. Ближе к дивану стоят на полках фарфоровые чашки, между костром и сундуком покрыто кошмами, коврами, сафьянными подушками» [7, с. 86]. Н. Н. Козьмин добавляет, что «мы должны представлять, какое количество скота должны были, при его дешевизне пойти на эти предметы элементарной роскоши» [4, с. 220]. К середине XIX в. упадок благосостояния был уже так велик, что сафьянные красные тюфяки и шелковые китайские занавески были, по словам Н. Кострова, «неслыханной редкостью в качинских кочевьях» [8, с. 31–32].

Одними из богатейших баев были Чарковы. Улус Чарков на правом берегу Уйбата принадлежал Ивану Николаевичу Чаркову, из сеока кыргыз. По описаниям Н. Ф. Катанова, «основатель улуса настолько богат, что на собственный счет построил церковь на правах молитвенного дома, дома свои обставил вполне по-русски, тем не менее, обычаи и обряды татарские (шаманские) здесь до сих пор держатся» [9, с. 53]. Он жил со своей семьей в крестовом доме. Кроме того у него был двухэтажный дом в Минусинске, служивший сборным пунктом торговцев.

Родственник Ивана Николаевича Полит Чарков значительно превосходил его по богатству. Он ежегодно перепродавал до 550 лошадей, 800 быков и до 1500 овец⁷. Хозяйство, напоминавшее княжеское владение, П. Островских описывал так: «Его громадный двор с большим русским домом, со многими юртами и разными надворными постройками, с многочисленной

⁷ Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Архив А. А. Ярилова. Д. 498. Л. 152.

дворней представляет нечто вроде княжеского двора. Здесь вы находите учителя из поселенцев – он же письмоводитель и т. д., фельдшера, кузнеца, слесаря и нескольких мастеров из коренных сибирских крестьян для более изящных работ (насечки, литья). Я уже не говорю о большом количестве пастухов, кожевников, коровниц и т. д.» [10, с. 312]. У него работали даже некоторые ссыльные, например, Людвиг Цибульский, сосланный в Сибирь как участник польского восстания 1863 г.

Описание предметов интерьера дома сына Полита Чаркова, Г. П. Чаркова сохранились в архиве А. А. Ярилова. Это и инкрустированные традиционные сундуки и шкатулки, и седла с тонкой серебряной насечкой, фарфоровая посуда, зеркала, часы. Дорогая мужская и женская одежда, серебряные украшения. Стоимость скота Чаркова Г. П. составляла значительную сумму – 25000 руб., а общего инвентаря – 5000 руб⁸.

У сына богатейшего бая Чирки Картина, который обучался в школе ссыльных декабристов братьев Беляевых, был большой дом, и, по описанию В. И. Якушкина⁹, посетившего аал Картин во время своей поездки по Минусинскому округу, «довольно прилично меблированный в первых комнатах, а в задних – совершенно татарское устройство: войлочные полога и т. п.» [6]. Типичный повседневный наряд байских дочерей описал Н. Костров «...перед вами пройдет по комнате дочь Картина, разряженная в широкое шелковое красное платье, наподобие китайской курмы» и украшенная «серебряной монетой и разными корольками» [8, с. 38].

В 1770-х годах в связи с функционированием Колыванских рудников, золотых приисков, особенно в 1840-е годы, баи стали перепродавать скот и в Тобольск, Барабу, Красноярск, Томск, Иркутск. Золотые прииски требовали и потребляли в больших количествах массы самых разнообразных товаров, в том числе продукты животноводства и земледелия. Баи делают свое скотоводство товарным, продавая и по 800 голов крупного рогатого скота, 550 лошадей и

⁸ Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Архив А. А. Ярилова. Д. 498. Л. 118, 120.

⁹ В. И. Якушкин был старшим сыном декабриста И. Д. Якушкина и служил в Восточной Сибири.

до 1500 овец, как бай П. Чарков или П. Доможаков, продававший до 600 быков [1, с. 87].

Эволюция байских хозяйств от простого расширенного занятия скотоводством до предпринимательской деятельности косвенно было связано с растущим образовательным уровнем байского сословия. Элементарная грамотность не была каким-то исключительным явлением среди баев. В 1755 г. новокрещеный Кондратий Афанасьевич Орешков расписывался за себя и за отца. По мнению В. Г. Карцова, русской грамотой овладевала качинская знать – феодалы, ранее владевшие джунгарской письменностью, теперь сменившие ее на русскую [3, с. 86]. В XVII в. кыргызская знать обучалась у буддийских монахов, при ставках бегов, и непосредственно в Монголии, Джунгарии. Известный князь Еренак Ишеев получил образование в Джунгарии [11, с. 160]. Потомки традиционной аристократии, занявшие должности в административном аппарате Степных дум, тоже были грамотными. Например, качинские князцы, старшины и заседатели – Прокопий Доможаков, Спириин, Сукин, Чаптыков, письмоводитель думы Щужелачев; родоначальник Сагайской думы Орешков, князец Чапчагашев, заседатель Чебакчинин и др. Минусинский окружной начальник А. К. Кузьмин отмечал, что в первой трети XIX в. века насчитывалось до полусотни грамотных хакасов [6, с. 296]. В среде традиционной элиты в XIX в. образование становится престижным. Байские отпрыски могли научиться читать и писать как дома, с помощью домашних учителей, так и в частных школах. А в связи с отсутствием школ народного образования почти все дети обучались на частной платной основе. Например, сын Ф. Арыштаева учился грамоте у одного поселенца, Н. Спириин, В. Арыштаев получили образование дома¹⁰. Более глубокие знания ученики получали в школе ссыльных декабристов братьев Беляевых в г. Минусинске. В частности, здесь обучался вышеупомянутый сын бая Чирки Картина. Он жил и воспитывался в доме Беляевых. Позднее Чирка служил письмоводителем в Качинской думе.

Но грамотными были и не столь богатые баи, как Картины. С открытием министерских школ

¹⁰ Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Архив А. А. Ярилова. Д. 498. Л. 10, 21-24.

в хакасских аалах (Усть-Абаканское, Аскиз) в 1860-е гг. образование стало более доступным. Здесь получили азы грамоты будущие представители первой волны хакасской интеллигенции. Хакасское байство можно рассматривать как один из источников формирования национальной интеллигенции. Всемирно известный тюрколог Н. Ф. Катанов, этнограф и общественный деятель С. Д. Майнагашев также были выходцами из обеспеченных семей.

Баи заботились об изменении качественного состава стада, породности животных. Эта племенная работа была продиктована интенсивным развитием в крае товарно-денежных отношений. У крупного бая Петра Маркова сын Григорий разводил арабских и английских скакунов. Доможаков занимался улучшением породы местных овец и лошадей¹¹.

Благотворительная деятельность баев во многом была построена в рамках традиционного патернализма. Это в первую очередь родовая помощь бедным, сиротам. Но в то же время благотворительная деятельность стала показателем гражданской позиции. Например, по инициативе и на средства баев Чарковых была организована школа в конце 1880-х годов в улусе Чарков на Уйбате¹². Многие баи построили церкви на собственные средства.

Байские семьи были экономически самостоятельны, имели условия с большими возможностями для обмена, расширенного воспроизводства стада. Таким семьям была присуща полигамия. По свидетельству Палласа, богатые бельтирцы берут себе по две жены и более [2, с. 498]. Обычное право разрешало иметь до трех жен¹³. Экономическая состоятельность бая позволяла нести ответственность за свою большую семью, обеспечивая их материально, выделяя отдельную юрту для каждой жены. Все жены и дети от этих браков считались законными. Старшей считалась первая жена. Обычное право юридически защищало детей, они носили фамилию отца и

пользовались всеми правами даже после развода родителей.

В 1834 г. после смерти бая Кубина, имевшего 366 голов скота, осталась третья жена с одним полугодовалым малолетним сыном, а от другой жены – восьмилетняя дочь. Две жены имел Харатай Тугужеков, три жены – у бая Дмитрия Абдина. Крупные шаманы также могли иметь 2–3 жены. Например, шаман Прон Тодыков имел две жены: старшую из фамилии Тугужековых и младшую – Райкову [8, с. 41]. Бай Спирин взял в качестве второй жены дочь другого бая Сукина и заплатил калым деньгами (1 тыс. руб.).

Вероятно, байская семья состояла не из 5, а из 8–10 чел. Например, семья Ондуровых-Майнагашевых, входившая в состав Казановского административного рода в 1855–1856 гг. состояла из 11 чел. В хозяйстве было 402 лошади, 237 голов рогатого скота и 336 овец, а в их улусе 50 платежных душ располагали всего лишь 204 лошадьми, 149 головами крупного и 183 головами мелкого скота. В 1836 г. патриархальная дальнекаргинская семья Баядиевых насчитывала вместе с сородичами 21 платежную душу. Семья Баядиевых размещались в четырех юртах, а зависевшие от них сородичи, судя по числу их юрт, составляли 20 семей. Им принадлежало 673 лошади, 238 коров с быками, 225 овец [6, с. 281].

Существенные перемены произошли и в политическом поведении. Еще в 1767 г. кызыльский князь Гаврила Ульчугачев наряду с бурятскими князьями-нойонами и якутскими тойонами приглашался к участию в работе Уложенной комиссии, созванной Екатериной II [3, с. 101]. В активную политическую, общественную деятельность включилось следующее поколение баев, сформировавшиеся в новой экономической и социальной среде. В отличие от своих отцов, они получили образование, обладали более широким кругозором и по-иному расценивали свое значение в экономической и общественной жизни. Это способствовало появлению новых политических устремлений. На волне революционных событий 1905 г. баи собрали сход в с. Аскиз, в ноябре 1905 г. Был разработан проект нового управления инородцами. Они впервые за последние два столетия в составе российской империи поставили вопрос

¹¹ Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Архив А. А. Ярилова. Д. 498. Л. 9.

¹² Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Архив А. А. Ярилова. Д. 498. Л. 10, 21–24.

¹³ НАРХ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 18. Л. 10.

о самоуправлении. В разработанном «Проекте нового степного земского положения» баи требовали устранить всякий контроль над управлением хакасами со стороны царских властей. Они добивались передачи власти Национальным земским организациям, построенным по «родовому» принципу. Власти не приняли байскую реформу. Вскоре царские чиновники провели административную реформу, заменив старое степное управление обычным волостным, основанным на территориальном принципе.

Социокультурная традиция хакаских баев подверглась трансформации в XVIII – начале XX в. В течение этого времени они показали достойную внимания способность к адаптации, к новому социокультурному окружению. Оказалось, что традиционная элита, консервативная по своей сути, которая должна была противостоять инновациям, в действительности приспособилась к требованиям времени, часто выступая в качестве проводника современности в условиях традиционной социальной организации. Безусловно, социокультурный облик традиционной элиты хакасов и широкий спектр их деятельности, обозначенные нами в рамках данной работы, требуют дальнейших исследований.

Литература

1. Бутанаев В. Я. Социально-экономическая история хакасского аала (конец XIX – начало XX вв.). Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1987. 175 с.
2. Паллас П. С. Путешествие по разным

провинциям Российской империи. Ч. III, первая половина. 1772 и 1773 годов. Перевел Василий Зуев. СПб.: Императорская АН, 1788. 624 с.

3. Карцов В. Г. Хакасия в период разложения феодализма. XVIII – первая половина XIX в. Абакан, 1970. 198 с.

4. Козьмин Н. Н. Избранные труды: Хакасы. Туба. Князь Иренак. Д. А. Клеменец и историко-этнографические исследования в Минусинском крае / сост. В. К. Чертыков, С. А. Угдыжеков. Абакан: Журналист, 2010. 311 с.

5. Бутанаев В. Я., Торбостаев К. М. Киджеге // Энциклопедия Республики Хакасия. Абакан: Поликор, 2007. Т. 1. 430 с.

6. История Хакасии с древнейших времен до 1917 года / под ред. Л. Р. Кызласова. М.: Наука, 1993. 523 с.

7. Степанов А. П. Енисейская губерния. СПб.: Типография К. Винтебера, 1835. 603 с.

8. Костров Н. Качинские татары. Казань: Типография Губернского правления, 1852. 66 с.

9. Катанов Н. Ф. Отчет о поездке в Минусинский уезд Енисейской губернии, совершенной по поручению Историко-филологического факультета Императорского Казанского университета, летом 1899 года. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1900. 57 с.

10. Островских П. Этнографические заметки о тюрках Минусинского края // Живая старина. СПб., 1885. Вып. I. IV. С. 297–348.

11. Бутанаев В. Я., Худяков Ю. С. История енисейских кыргызов. Абакан: Изд-во Хак. гос. ун-та, 2000, 160 с.

БОРЬБА С «ГИБЕЛЬНЫМ ДЕЙСТВИЕМ»: ЗДРАВООХРАНЕНИЕ В ТУРУХАНСКОМ КРАЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.*

Е. В. КОМЛЕВА

УДК 616.9–036.2 (571.5) «17/18»

В статье рассмотрено развитие здравоохранения в Туруханском крае в первой половине XIX в. Представлена характеристика эпидемиологической ситуации в регионе, который периодически охватывали такие болезни, как оспа, корь, «горячка», цинга. Эпидемии усугублялись голодом, что вносило дополнительные трудности в нормализацию обстановки. Проанализированы меры, принимавшиеся властями для борьбы с заболеваниями, фиксировавшимися как среди аборигенного, так и среди русского населения. Особое внимание уделено освещению шагов, направленных на ликвидацию оспы: распространение оспопрививания, введение в лекарский штат Туруханска «оспенных учеников». Показано взаимодействие туруханской администрации с направлявшимся в регион медицинским персоналом. Выявлены фамилии и краткие биографические сведения о работавших в Туруханске врачах, освещен вклад некоторых из них в развитие местной медицины.

Ключевые слова: Туруханский край, население, эпидемии, здравоохранение, медицинский персонал.

THE FIGHT AGAINST THE “DISASTROUS EFFECT”: THE HEALTHCARE IN THE TURUKHANSK REGION IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

E. V. KOMLEVA

The article describes the development of healthcare in the Turukhansk region in the first half of the 19th century. The characteristic of the epidemiological situation in the region, which was periodically covered with such illnesses as smallpox, measles, “fever” and scurvy, has been presented. The epidemics were deteriorated by hunger that brought additional difficulties in the normalization of the situation. The measures taken by the authorities to resist diseases, observed among the indigenous as well as the Russian population, have been reviewed. Special attention is paid to the steps aimed the elimination of smallpox: the spread of smallpox vaccination, the introduction to the medical staff of Turukhansk “smallpox disciples”. The interaction between Turukhansk administration with local physicians has been shown. The names of the doctors working in Turukhansk, brief information about their biographies and their contribution in local medicine are given.

Key words: the Turukhansk region, population, epidemic, healthcare, medical staff.

* Статья подготовлена в рамках работы по проекту РФФИ № 16-11-24009 а(р) «Туруханский край: освоение и изучение в конце XVIII – начале XX в.», при финансовой поддержке краевого государственного автономного учреждения «Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности».

Несмотря на достигнутые в течение XVIII в. результаты в становлении и развитии здравоохранения в Сибири (появились врачи, началась подготовка местных медицинских кадров, открылись первые аптеки, стали вводиться прививки), тем не менее, квалифицированная медицинская помощь оставалась доступной далеко не повсеместно, для большинства населения по-прежнему основным способом лечения оставались домашние народные средства [1, с. 157]. Особенно остро нехватка медицинского персонала ощущалась в северных районах Сибири, население которых было подвержено частым эпидемиям. Современники оставили описания страшных картин, которые можно было наблюдать во времена разгула болезней как среди аборигенных народов, так и среди русских поселенцев. Одним из наиболее неблагоприятных в эпидемиологическом отношении регионов был обширный Туруханский край, на территории которого свирепствовали оспа (в 1808, 1850–1852 гг.), корь (в 1807, 1833 г.), «простудно-воспалительная горячка» (в 1803, 1810, 1814, 1822, 1832–1833 гг.), цинга (в начале XIX в.) [2, с. 158, 161, 168, 170, 202, 227, 309, 312; 3, с. 56]. В данной статье рассмотрены принимавшиеся государством меры по борьбе с заболеваниями и состояние профессиональной медицины в Туруханском крае на протяжении дореформенного периода.

На масштабы эпидемий, порой приобретающих катастрофический характер, указывают следующие данные: в 1832 г. из 512 заболевших горячкой умерли 184 чел. [2, с. 227], в 1850–1851 гг. «гибельные действия натуральной оспы» стали причиной смерти 251 из 1203 заболевших¹, к 1852 г. оспа унесла жизни 734 из 1916 чел. (189 чел. из 951 заболевшего среди русского населения и 545 чел. из 965 заболевших среди коренных народов) – по словам Н. В. Латкина, «в эти годы вымерли целые инородческие роды» и «многие северные зимовья, заселенные русскими, почти потеряли всех жителей, где было 10–15 человек, там осталось 2 или 3» [4, с. 449]. Ситуация усугублялась голодом, периодически охватывавшим низовья Енисея: по мнению А. И. Кытманова, в начале

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1265. Оп. 1. Д. 90. Л. 8 об.

XIX в. «положение края было печальное: голод, болезни истощали население» [2, с. 161]. В 1814 г. свирепствовавшие в Туруханском уезде болезни, особенно горячка, «в связи с недостатком хлеба повергали население в ужасное состояние. Остяки, пораженные горячкой, голодные, умирая по дороге, бежали с звериных промыслов в село Монастырское, где их удалось спасти начальством и частными людьми, но немногим удалось добраться до села» [2, с. 181–182].

Эпидемии наносили урон благосостоянию и без того едва сводивших концы с концами туруханских жителей. В одном из губернаторских отчетов за 1850-е гг. «свирепствовавшая в Туруханском крае оспа» названа среди главных причин роста недоимок с местного населения, «потому что расселяла по неизвестным местам инородцев, главных потребителей произведений туруханских мещан»².

Несмотря на многочисленные случаи фиксации в Туруханском крае опасных болезней, некоторые из них всё же обходили регион стороной. Так, среди местного населения не было отмечено массовых случаев заболеваний сифилисом и проказой, от которых страдало аборигенное население Камчатки, Среднеколымского, Зашиверского, Нарымского и Березовского уездов. В 1835 г. в Березове и Нарыме даже были открыты «на казенный счет» больницы для лечения инородцев от сифилиса [5, с. 227, 239, 310]. Тем не менее, в соответствии с государственной политикой в сфере лечения «заразительных» болезней, с начала 1760-х гг. ставившей под контроль распространение сифилиса [6], власти Енисейской губернии, в которую Туруханский край входил с 1822 г., надлежащим образом следили за борьбой с «любопытной болезнью», «исполнение мер к прекращению» которой «как полициями, так и врачами производилось с постоянной заботливостью»³.

Наибольшую опасность для населения региона представляла оспа, для сопротивления которой постоянно принимались различные меры. Важным шагом, позволившим снизить уровень смертности от этого заболевания во всей Сибири, стало введение в 1760–1770-х гг.

² РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 90. Л. 11 об.

³ РГИА. Ф. 1265. Оп. 5. Д. 112. Л. 25 об.

оспопрививания, открытие в 1763 г. «оспенных домов» в Тобольске и Иркутске [7, с. 26]. На рубеже XVIII–XIX вв. начали делать прививки и в Туруханском уезде. В 1812 г. в Туруханске впервые упоминался особый «оспенный ученик», занимавшийся привитием оспы [2, с. 178]. На помощь профессиональным медикам власти пытались привлечь и представителей северных народов. Так, в 1808 г., когда случаи заболевания оспой стали встречаться по Туруханскому тракту, было решено проводить привитие оспы в нескольких пунктах (Ярцевой, Дудиной, Верхнеинбатском, Хатангском и на р. Нижней Тунгуске), направив в каждый из них для обучения по два ясачных [2, с. 170]. В 1855 г. «в видах распространения оспопрививания в Туруханском крае» было сделано распоряжение о назначении для этого четырех оспопрививателей «из местных инородцев» с жалованьем по 40 руб. серебром в год за счет общих земских повинностей Енисейской губернии⁴. В отчете енисейского гражданского губернатора за 1855 г. говорилось, что оспопрививание «производилось под управлением городских и окружных врачей оспенными учениками с должною деятельностью и успехом»: только в течение одного года прививки получили 7810 младенцев⁵.

Борьба как с оспой, так с другими инфекционными заболеваниями не ограничивалась лишь врачебной помощью – к ней, помимо медиков, подключались чиновники и все влиятельные лица Туруханска. Согласно указам, принятым в XVIII в. («Наказ воеводе» 1728 г. и «Наставление губернатору» 1764 г.), в случае эпидемии и эпизоотии местные власти обязаны были обеспечить карантинные меры: оцепить поселение, изолировать больных, останавливать проезжающих [7, с. 24, 26]. Приведем несколько примеров того, как проходило взаимодействие медицинского персонала и местной администрации в Туруханском крае. В 1812 г. в Туруханске был учрежден комитет для проведения предохранительной прививки от оспы, включавший несколько членов. Среди оказывавших содействие комитету был поселенческий комиссар Давыдов, который по заданию лекаря

Паскевича доставил в город необходимый для прививок материал – «оспенную материю», взятую у детей священника Вахрушева [2, с. 178]. Когда в декабре 1849 г. оспа вновь появилась на Верхнеинбатском участке, то туруханский отдельный заседатель Францев с лекарем Шавровым отправились в низовые станки, а в самом Туруханске было созвано «совещание» в составе помощника заседателя Абалакова, благочинного Славцева, винного пристава Шереметьева и соляного пристава Зарубаева. Члены этого «совещания» даже выразили сомнение в том, что разразившееся заболевание было оспой – ведь «больные заболели и умирали в один день». Было решено при въезде в Туруханск, в с. Монастырском и на пути к городу разместить специальные карантинные балаганы, поместив в каждом из которых по два караульных для поддержания «курева» и остановки на три часа лиц, едущих из неблагополучных местностей (в постройке этих балаганов приняли участие в том числе и водворенные на поселение скопцы). Жителям рекомендовалось «соблюдать чистоту, окуривать комнаты смолой или дегтем, а то и просто конским калом, и каждому жителю иметь деревянный огонь». Ситуацию с большим трудом удалось взять под контроль, учитывая многократную присылку не действовавшей «оспенной материи» [2, с. 309].

Поскольку инфекционные заболевания, как правило, начинались среди коренных северных народов – тунгусов, остяков, самоедов, юкагиров, долганов и якутов, – а уже затем перекидывались на русское население, то для остановки распространения болезни вводился запрет на контакты между жителями края. Обеспечить контроль за выполнением этого условия можно было только с помощью проживавших в Туруханске казаков. В 1806–1807 гг., когда в Туруханском крае «свирепствовала корь», от которой умерло 42 инородца, туруханский городничий приказал развести на берегу большой костер («деревянный огонь»), а исправник и заседатели наблюдали, чтобы русские не сообщались с инородцами [2, с. 168].

Помимо частых вспышек опасных болезней на территории края фиксировались и заболевания среди ограниченного числа людей, а также несчастные случаи, требовавшие

⁴ РГИА. Ф. 1265. Оп. 4. Д. 189. Л. 2–2 об.

⁵ РГИА. Ф. 1265. Оп. 5. Д. 112. Л. 25.

профессиональной медицинской помощи. Например, в 1824 г. заседатель Красноярского земского суда Лобковский, командированный в Туруханск для ревизии запасных казенных хлебных магазинов, обнаружил сильно обморозившего руки и ноги крестьянина, перевозившего хлеб с замерзшего на Енисее судна на станок Вахтинский. Он же обратил внимание на то, что в Инбацком проживает несколько поселенцев, зараженных венерической болезнью [2, с. 207].

Тем не менее, несмотря на остро ощущавшуюся необходимость, в Туруханске долгое время не было постоянного врача, лишь во время эпидемий в город направлялись медики, преимущественно, из Енисейска. В 1803 г. туруханский городничий доносил, что некому оказывать медицинскую помощь больным горячкой, в том же году в город прибыл лекарь Мальцевич. Он поставил вопрос об открытии в Туруханске госпиталя, при котором он мог бы жить и работать, но Тобольская врачебная управа, в ведении которой в то время находилось туруханское здравоохранение, посчитала содержание больницы крайне обременительным для бедных жителей города, которые с трудом изыскивали средства «на платеж податей и на содержание себя»⁶, и распорядилась в случае крайней необходимости использовать под больницу комнату в одном из наиболее подходящих домов [2, с. 158]. С того времени в Туруханске побывали несколько врачей, но, по всей видимости, их пребывание в городе носило эпизодический характер. По крайней мере, в 1832 г., в разгар кори, туруханская администрация вновь сообщала, что «эпидемии прекращать некому: нет ни лекаря, ни фельдшеров» [2, с. 227].

«Особый» врач и два лекарских ученика появились в Туруханске лишь в 1832 г., когда инспектор медицинской части в Восточной Сибири обратился с соответствующим предложением к начальству Енисейской губернии «по тому уважению, что в сем отдаленном краю, кроме обыкновенных болезней, весьма часто свирепствует повальная гнилая горячка, от которой тамошние жители, до прибытия посылаемых туда из других мест врачей, умирают

целыми семействами»⁷. Инспектора поддержали генерал-губернатор Восточной Сибири А. С. Лавинский и министр внутренних дел Д. Н. Блудов, направивший свои соображения в Первый сибирский комитет. А. С. Лавинский предложил назначить в Туруханск одного врача с жалованьем в 1600 руб. в год, «дабы обеспечить его в приличном содержании в столь отдаленном краю, при существующей там на всё дороговизне и затруднительности способов к приобретению необходимых жизненных потребностей»⁸. Надо сказать, что для привлечения грамотных специалистов по медицинской части в Сибирь еще в 1782 г. их оклад был увеличен вдвое против штатного [7, с. 27]. В начале 1830-х гг. окружной врач в Енисейской губернии получал по 800 руб. в год, а состоявшие при нём лекарские ученики – по 250 (старший) и 200 (младший) руб. в год. В северных районах Тобольской губернии врачи получали по 1300 (в Обдорском отделении) и 1000 (в Пелымском отделении) руб. в год, а лекарские ученики по 450 и 350 руб. Ознакомившись с мнением восточно-сибирского генерал-губернатора, Д. Н. Блудов нашел «полезным и необходимым» содержать в Туруханском крае с населением 6308 чел. обоюбого пола «не только особого лекаря... но и двух при сём лекаре учеников с жалованьем, какое положено лекарским ученикам в Обдорском и Пелымском отделениях... ибо... жители того края во время болезней, по крайней своей бедности, не имеют людей, кои могли бы выполнять все предписания врача. При том считаю также нужным предоставить местному начальству учредить в Туруханске больницу, в которую принимать и инородцев»⁹. В результате в сведениях о состоянии Туруханска и Туруханского края, поданных в конце 1832 г. туруханским отдельным заседателем енисейскому окружному начальнику, отмечалось, что местная «медицинская часть» состоит из старшего лекарского ученика и оспенного ученика¹⁰. Что касается больницы,

⁷ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 654. Л. 7.

⁸ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 654. Л. 7–7 об.

⁹ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 654. Л. 17–18 об.

¹⁰ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 117. Оп. 1. Д. 598. Л. 3 об.

⁶ РГИА. Ф. 1265. Оп. 4. Д. 85. Л. 31 об.

то к концу рассматриваемого периода она так и не появилась [8, с. 9].

Помимо более высоких окладов, отправлявшимся на службу в северные районы медикам, как и другим государственным служащим, предоставлялись и другие льготы. Например, в 1821 г. вышел указ о производстве безденежного провианта гражданским и медицинским чиновникам на Камчатке, в Гижиге и Охотске [5, с. 251]. Высокое жалование наряду с прочими поощрениями делало службу в суровом климате более привлекательной. Однако кадровый вопрос в развивавшейся системе сибирского здравоохранения стоял очень остро на протяжении всего XIX в. [9, с. 486]. Согласно губернаторским отчетам, в 1851 г. во всей Енисейской губернии насчитывалось 19 врачей «на действительной службе» и 3 вольнопрактикующих¹¹, в 1855 г. – уже только 16, при этом «городовые врачи» находились лишь в Енисейске, Канске и Красноярске¹².

Про врачей и младший медицинский персонал Туруханского края в первой половине XIX в. известно крайне мало: в основном фамилии и скудные сведения о работе. В начале XIX в. в Туруханске проживал лекарь Мальцевич, получивший строгое взыскание от Тобольской врачебной управы за нарушение субординации, когда, минуя «свое непосредственное» начальство, обратился к Сибирскому генерал-губернатору И. О. Селифонтову с предложением учредить в городе больницу. В 1806–1807 гг. во время эпидемии кори в Туруханске находились врач Малиновский (он сам заболел и не мог оказывать помощь в уезде) и командированный ему в помощь енисейский штаб-лекарь Паскевич. Ему же вместе с учеником Михалевым пришлось бороться с оспой в 1812 г. В начале 1850-х гг. упоминались врачи Шавров, Большанин, Скворцов, лекарский ученик Нидершейер. Несмотря на служебные обязанности, не все медики охотно совершали опасные поездки: в 1822 г. открывшаяся в августе в Красноярске Енисейская врачебная управа вынесла выговор штаб-лекарю Фоссе за то, что он не поехал в Туруханский край в разгар горячки [2, с. 158,

161–162, 168, 178, 202, 309].

Одним из деятельных врачей был Яков Яроцкий, работавший в Туруханске в 1820-х гг. и впоследствии опубликовавший свои замечания о Туруханском крае [10]. Я. Яроцкий проявлял интерес к окрестностям города – в частности, он обратил внимание на находившееся неподалеку озеро Вшивое, или Подбанное, вода из которого, несмотря на название, по всей видимости, обладала целебными свойствами, помогая при заболеваниях кожного покрова и желудочно-кишечного тракта. Я. Яроцкий, проанализировав воду по методу французского естествоиспытателя А. Лавуазье, приписал ее целебные свойства жизнедеятельности обитавших в озере насекомых. В 1827 г. он сообщал о старике из Енисейска, в молодости вылечившегося с помощью этой воды от чахотки и с тех пор принимавшего ее для поддержания здоровья по стакану ежедневно [11, с. 308–309].

Посильный вклад в развитие здравоохранения в Туруханском крае старались внести не только находившиеся на государственной службе чиновники и врачи, но и частные лица. Известно, например, что в 1810 г. енисейский купец М. Хорошев устроил в Туруханске при Рождественской церкви богадельню, для которой В. Скорняков пожертвовал дом «6 саж. длины и 2 саж. поперечнику – строение о двух избах с сенями и чуланом; оконцы летом закрывались бумагой, зимой вместо стекол вставлялись льдины». Правда, попытка успеха не имела: «В богадельне не бывало ни одного богадельщика и чрез семь лет дом продан был с торгов» [2, с. 172]. В 1826 г. в Туруханск прибыл декабрист Ф. П. Шаховской, о котором туруханский отдельный заседатель доносил енисейскому гражданскому губернатору, что тот «читал книги, составлял из них описание лекарств, которыми пользовал больных» [2, с. 215; 12, с. 94].

Таким образом, на протяжении первой половины XIX в. в Туруханском крае происходило постепенное становление системы народного здравоохранения, без чего было немыслимо дальнейшее освоение этой территории, население которой периодически подвергалось вспышкам тяжелых заболеваний, уносящих десятки и сотни жизней. От эпизодических командировок лекарей власти перешли к

¹¹ РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 90. Л. 7 об.

¹² РГИА. Ф. 1265. Оп. 5. Д. 112. Л. 24 об.- 25.

содержанию в Туруханске особого врача и двух лекарских учеников. Для достижения наибольшего успеха в борьбе с оспой активно привлекались для обучения оспопрививанию представители аборигенных народов. Несмотря на тяжелые условия, в которых оказывались приезжавшие в Туруханский край медики, большинство из них добросовестно выполняли свою работу, делали полезные наблюдения и даже публиковали научные статьи. Их усилия в совокупности с поддержкой администрации и частных лиц способствовали развитию медицины в регионе.

Литература

1. Копылов А. Н. Культура русского населения Сибири в XVII–XVIII вв. Новосибирск: СО «Наука», 1968. 168 с.
2. Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии. 1594–1893 год. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. 850 с.
3. Крутовский В. М. Очерки Туруханского края. Попытки хлебопашества в Туруханском крае // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1898. Вып. IX. С. 53–68.
4. Латкин Н. В. Енисейская губерния, ее

прошлое и настоящее. СПб.: Типография и литография В. А. Тиханова, 1892. 467 с.

5. Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. Сургут: Северный дом, 1993. 463 с.
6. История здравоохранения дореволюционной России (конец XVI – начало XX в.). М.: ГЭОТАР-Медиа, 2014. 248 с.
7. Акишин М. О. Государство и становление профессиональной медицины в Сибири XVIII века / М. О. Акишин // Пятые Татищевские чтения. Духовность и нравственность на Урале в прошлом и настоящем. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2004. С. 23–28.
8. Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи. СПб., 1852.
9. История Сибири. Л.: Наука, 1968. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. 538 с.
10. Яроцкий Я. Некоторые замечания о Туруханском крае // Казанский вестник. 1826. Ч. 16, кн. 2–3. С. 156–169; кн. 4. С. 257–271.
11. Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь. С.-Петербург: Типография В. Безобразова и комп., 1865. 259 с.
12. Декабристы: биографический справочник. М.: Наука, 1988. 448 с.

«БЛЕСК И НИЩЕТА» ГОРОДА ЕНИСЕЙСКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Т. А. КИСКИДОСОВА

УДК 94(47)08(571.5)

Статья посвящена истории Енисейска во второй половине XIX – начале XX в. Показано неоднозначное влияние золотопромышленности на повседневную жизнь местных жителей. «Золотая лихорадка» стимулировала развитие городского хозяйства и способствовала материальному благополучию малой доли горожан. Стремление к наживе и получение высокой прибыли от добычи золота привели к моральному разложению и нравственному падению енисейцев. В то же время на средства деловых кругов в городе проводились мероприятия, направленные на развитие городской инфраструктуры и образования. С упадком золотопромышленности Енисейск потерял свое величие и превратился в обычный провинциальный город.

Ключевые слова: Енисейск, город, горожане, золотопромышленность, предприниматели.

«BRILLIANCE AND POVERTY» OF THE TOWN OF YENISEISK IN THE SECOND HALF OF THE XIXTH – EARLY XX CENTURIES

T. A. KISKIDOSOVA

The article is devoted to the history of Yeniseisk in the second half of the XIX – early XX centuries. An ambiguous impact of gold mining on the everyday lives of local residents is shown. «Gold rush» stimulated the development of urban economy and contributed to the material welfare of a small number of townspeople. The pursuit of gain and getting high profit from gold mining led to the Yeniseisk residents' moral decay and lapse. At the same time in the town events, aimed at the development of urban infrastructure and education, were held at the expense of the business community. With the decline of gold mining Yeniseisk lost its greatness and turned into an ordinary provincial town.

Key words: Yeniseisk, town, townspeople, gold mining, entrepreneurs.

В названии статьи фразеологизм «блеск и нищета» употребляется в двух значениях. С одной стороны, рассматривается «взлет и падение» города Енисейска, а с другой стороны, понимается как величие и ущербность енисейского общества.

Во второй половине XIX – начале XX в. Енисейск был одним из самых заметных и красивых городов Восточной Сибири. Многие очевидцы восхищались его красотой и величием. Разнообразные стороны жизни городского населения представлены в основном в мемуарах современников и в сибирских периодических изданиях. Информация о городе и горожанах содержится в воспоминаниях как постоянно проживавших жителей, так и временно оказавшихся в Енисейске. Мемуаристы А. И. Баркова, А. И. Кытманов, А. Л. Яворский, М. П. Миндаровский, Ф. Нансен и др. оставили интересные и обстоятельные сведения о городе и его жителях. Корреспонденции, сообщения, фельетоны, очерки, отчеты, заметки, объявления и другие жанры периодической печати отражали повседневную жизнь Енисейска. Специально подготовленные журналистами, писателями, предпринимателями, чиновниками, общественными деятелями и частными лицами материалы являются ценным источником по истории города. Особую популярность получили очерки, их авторами были достаточно известные люди: М. Ф. Кривошапкин, С. В. Востротин, С. Я. Елпатьевский и др.

Енисейск второй половины XIX – начала XX в. можно было по праву назвать «городом контрастов». Общее представление о внешнем облике города складывается по описаниям современников. В Енисейске выделялись три основных района – Центр, Заречье и Гора. В каждой из этих частей обитали определенные слои населения. Центральная часть считалась лучшей в городе, через нее проходила главная городская улица – Большая. В данном районе располагались лучшие дома, преимущественно двухэтажные деревянные особняки со стеклянными верандами. В центре жили местные предприниматели, представители аристократии и зажиточные горожане. Здесь находились административные здания, полицейское управление, магазины, лавки. Иначе выглядела Зареченская часть

города. Тем, кто оказывался в этой части города, представлялась крайне неприглядная картина. Этот район резко отличался от центра, считался самым грязным и некрасивым, у него была дурная слава. На Кузнецкой улице сосредоточились публичные дома и кабаки. В низменной части города ютились небольшие и убогие домики, там в основном обитали рабочие и беднота. К Заречью с левой стороны примыкали кузницы, с правой – предместье Каштан. Рядом с поселком находился винокуренный завод купца Харченко. В весеннее время предместье отделялось от города разливом, большой протокой. Менее всего представлена информация о третьем районе. На Горе (старая часть города) находились старые здания, уцелевшие после пожара 1869 г. [11, с. 7].

До начала разработок золотых приисков Енисейск производил впечатление «патриархального и упорно трудящегося города». Традиционно енисейцы занимались земледелием и скотоводством. Город процветал за счет неутомимого трудолюбия жителей и развития всевозможных ремесел. На протяжении многих лет в Енисейском округе местные жители занимались обработкой железа [5, с. 9]. Наиболее известным ремеслом считалось производство ниток, которые по качеству отличались разнообразными оттенками и белизной. Многие горожанки были вовлечены в этот вид рукоделия¹. С началом «золотой лихорадки» в 1840-е гг. в енисейской тайге большая часть городского населения имела связь с золотопромышленностью. Если местные жители не были заняты непосредственно в добыче золота, то принимали участие в поставках на прииски. Дальнейшая судьба горожан зависела от случайной находки золота. До конца XIX в. золотые прииски оставались нервом енисейской жизни.

Современники отмечали, что «значительная часть капиталов уходила в тайгу: нет почти капиталиста, который бы не принимал участия, давая в ссуду капитал» [11, с. 11]. М. П. Миндаровский считал, что жизненные условия горожан сложились под влиянием времени и окружающей обстановки. Жители Енисейска уже не могли вернуться к той доброй поре, когда их отцы

¹ Архив Русского географического общества (АРГО). Разряд 57. Оп. 1. Д. 10. Л. 16.

строили храмы и лили колокола. Новое поколение, которое родилось и выросло на мешке с золотом, не желало заниматься кропотливым трудом кустика-ремесленника. «Енисейца тянуло в тайгу, на следы того волшебного камня, у которого жили и умирали его отцы. В поисках желтого песочка нередко тратились унаследованные состояния» [8, с. 57]. В Енисейск в поисках удачи стекались различного рода авантюристы. Все они надеялись на удачу в поисках золота. Крупных золотопромышленников Барковых, Малевинских и Мошаровых можно было назвать «хищниками енисейской тайги», для которых ничего не существовало, кроме наживы» [8, с. 97]. Городской исправник составил книгу записей о добыче золота и поверивших в фортуна игроков золотого азарта. Среди горожан популярностью пользовались рассказы о золоте и золотой горячке. У всех на устах была история о местном жителе Гоголеве. Обычный городской аптекарь Гоголев приобрел золотосодержащие участки, принесшие ему большую прибыль. Для дальнейшего расширения дела он вложил значительные средства в разработку, нанял рабочих и служащих. Однако удача больше не сопутствовала ему, и бывший аптекарь потерпел убытки. Гоголеву пришлось свернуть добычу золота, он оставил в тайге постройки, оборудование и мебель. Неудачливый предприниматель был вынужден продать аптеку для того, чтобы рассчитаться с долгами. Среди горожан прошел слух, что он «вывернул шубу», т. е. разорился. Его имя стало нарицательным, енисейцы так и говорили – «он как Гоголев»². Подобных «вылетевших в трубу компаньонов» в Енисейске было много. «Золото – это зараза», – рассуждали енисейские «Гоголевы», сидя за самоваром до рассвета. Они рассказывали приятелям, у которых тоже было «как у Гоголева», о своих приключениях в тайге³.

Кроме добычи золота, горожане занимались торговлей, ловлей рыбы, ремеслами, огородничеством и т. д. Наиболее интенсивно развивалась торговля. В 1880-е гг. в городе насчитывалось 28 магазинов, 87 мелочных, 9 мясных и

10 мучных лавок. Такое количество торговых заведений позволяло очевидцу сделать вывод о том, что «торговля развита значительно, чем это можно было ожидать от такого незначительного городка». Город выполнял функции рынка сбыта товаров на прииски. Во многих магазинах и лавках предлагали всевозможные товары «начиная от часов и брюк, кончая сушками» [11, с. 11]. А. И. Баркова уверяла, что в 1850-е гг. в Енисейске «съестные припасы были такие, каких в губернских городах России не найдешь, потому что за ценой никто не гнался и платили бешеные деньги, только бы съесть, что-нибудь вкусное». В городе можно было купить золотые и серебряные вещи, книги, вино, чай, табак, «словом, чего хочешь, того и просишь». Все товары доставлялись с Ирбитской и Нижегородской ярмарок, модные материи хорошего качества присылались комиссионерами из Петербурга, но в малом количестве, так что «иная щеголиха разом закупала всё, чтоб ни у кого другого не было» [1, с. 180]. Спустя 30 лет качество предлагаемых в магазинах колониальных и мануфактурных товаров изменилось. Купцы продолжали один раз в год ездить на Ирбитскую ярмарку, оттуда они часто привозили гнилые и бракованные товары, стоившие в два раза дороже, чем в европейской части страны [11, с. 11].

Современники заметили, что прииски существенно оживляли городскую жизнь, но это оживление было периодичным и сопоставимым с ярмарочной торговлей. Жизнь в городе носила сезонный характер. Весной и летом Енисейск заметно пустел, казалось, что он проваливался в анабиоз. В сентябре после окончания приисковых работ и расчетов из тайги прибывали рабочие, служащие и владельцы приисков. С этого времени и до начала весны для них начиналось время отдыха или кутежей. Городские улицы заметно оживали, наполнялись толпами пьяных и возбужденных людей. Вокруг начиналась шумная и разгульная жизнь. Словно в сказке Енисейск превращался в «царство беспробудного пьянства и диких оргий» [8, с. 97]. Его можно было охарактеризовать как «пирующий, легкомысленный и беззаботно проживающий жизнь город» [5, с. 214]. По мнению В. Гашкевича, «кумиры Енисейска – приказчики и рабочие с обильным запасом желтых

² МБУК «Енисейский краеведческий музей» (ЕКМ). Яворский А. Л. Воспоминания. Рукопись. Л. 18.

³ ЕКМ. Яворский А. Л. Воспоминания... Л. 21.

кружков и разноцветных грамоток, развивали ужасную роскошь, а с нею вместе страстные и гибельные раздоры»⁴. Прибывшим из тайги в город было трудно устоять перед соблазнами. Яркие примеры легкого и быстрого обогащения на приисках были повсюду. Свидетельством прожигания жизни многих людей стали многочисленные кабаки, трактиры и другие питейные заведения с зеленоватыми вывесками, предлагавшими: «Распивочно и на вынос». В эту пору все увеселительные заведения работали круглосуточно, там посетители «гуляли до тех пор, пока не поставят на ребро последний рубль». А. Л. Яворский писал: «Масса соблазна, а за отсутствием разумных увеселений всё это приводило к одному – пропою и новому найму с новым задатком, который тоже и тут же частенько пропивался»⁵. Подобный образ жизни вызывал беспокойство со стороны современников. М. П. Миндаровский предсказывал: «Обыватель в чаду похмелья не представлял себе, какая будущность ждет его впереди» [8, с. 97].

В литературе сохранилась масса примеров разгула рабочих, прибывших с приисков. Популярной в народе стала история о рабочем, который купил за баснословную цену кусок шелковой материи и постелил ткань на грязной улице, чтобы «пройтись и не замарать своих и без того грязных сапог». Другой рабочий прославился тем, что «нанял на станции девок, запряг их в сани, и они тащили его по голой земле 15 верст до следующей деревни» [10, с. 21]. Известный в городе трактир «Ермошка» становился местом временного обитания для многих приисковых рабочих. Туда же устремлялись любители легкой наживы – карточные шулера. В трактире рабочие могли оставить все заработанные на приисках деньги⁶. В. Д. Скарятин заметил, что «рабочий мечется, как угорелый, из лавки в лавку, из трактира в кабак, из кабака к Венере, поселившейся где-нибудь за забором, в лачуге, вросшей в землю: его как будто тяготят с таким трудом добытые деньги, он спешит их сбыть...» [10, с. 39].

⁴ АРГО. Разряд 57. Оп. 1. Д. 10. Л. 16.

⁵ ЕКМ. Яворский А. Л. Воспоминания... Л. 24.

⁶ Енисейский листок. 1893. № 43. 24 октября.

Не задумывались о завтрашнем дне и жили на широкую ногу золотопромышленники. Принимая у себя дома посетителей в 10 ч. утра, угощали их шампанским. Традицией стало в домах предпринимателей раскидывать пасьянс, с условием платить по золотому, если пасьянс не выйдет. У богатых енисейцев мелкая монета была постоянно в ходу. Например, за молебен полагалось обязательно дать золотой, за вкусно приготовленный ужин повару платили золотой, отправившейся на рынок экономке вручали несколько золотых и др. [1, с. 171].

Золотопромышленники проводили свой досуг за бесконечными карточными играми, которые всегда сопровождалась попойкой. Игра в карты была настолько популярна в этих кругах, что в нее играли даже самые почтенные и положительные предприниматели, ворочавшие миллионами рублей. Заядлыми картежниками являлись в основном золотопромышленники и чиновники, тогда как простые горожане не имели высоких доходов и занимались хозяйственными делами. В. Д. Скарятин вспоминал о досуге предпринимателей, что «все жили в каком-то чаду. Эти энергичные люди не знали, куда деваться со своей энергией, и убивали ее на игру» [10, с. 25]. Игра в карты так прочно вошла в жизнь некоторых енисейцев, что нельзя было не согласиться с утверждением современника: «В Енисейске одна улада в жизни – карты»⁷.

В осеннюю пору в среде золотопромышленников существовала традиция устраивать обеды и балы в честь горных приисковых властей, состоявших из горного ревизора, его помощника, жандармского полковника. Как правило, они приезжали в сопровождении молодых людей. Также необходимо было пригласить отводчика площадей, правителя канцелярии и других нужных людей. С ними прибывало много бесполезных гостей, таких как адъютант иркутского губернатора, горные офицеры, певцы, артисты, разные авантюристы и т. д. Каждый золотопромышленник по очереди проводил вечера и балы, собиравшие до 100 гостей. Все эти праздничные мероприятия «устраивались по какой-то традиции, хотя все знали, что приезд какого-либо гостя ровно никакой пользы не приносил ни делу, ни личности

⁷ Сибирь. 1875. № 19. 2 ноября.

золотопромышленника» [1, с. 183]. С. Я. Елпатьевский отмечал, что на маскарады собирались чуть ли не все золотопромышленники, их управляющие и служащие. Они «задавали тон, они – цари вечера» [3, с. 75]. Особенным гостеприимством славился дом предпринимателя Григорова, там широко кутили, закатывали массовые завтраки и обеды, устраивали танцы и картежные игры [6, с. 427].

Наряду с разгулом наступало время масовых зрелищ, всевозможных концертов, театральных постановок, цирковых представлений. Горожане с нетерпением ждали выступления фокусников. В сколоченном на скорую руку шатре устраивались цирковые представления, которые не отличались высоким качеством. Несмотря на неудобства, публика усердно посещала представления и оставалась довольна увиденным [1, с. 182]. Временно устраиваемые зрелища в силу своей примитивности не могли обогатить городских жителей в культурном плане. О том, как горожане однообразно проводили праздники поведал журналист «Енисея»: «Вяло, утомительно, скучно тянутся праздничные дни. Как всё скучно и старо. Из года в год одно и то же. Маскированная публика движется, шумит, гудит, но искреннего веселья от души в ней не заметно»⁸.

Наиболее популярным праздником у енисейцев считались именины. В городе даже издавалась книга «Список именинников и именинниц г. Енисейска». В списки этого издания были внесены сотни имен горожан. Казалось, что именины купца И. П. Кытманова праздновал весь Енисейск. В этот день в его дом приезжали представители местной знати, чиновники, служащие и даже мелкие золотопромышленники, прибывшие из тайги и «не сбросившие таежного облика». Во время празднеств можно было пообедать и остаться на ужин, учитывая то, что между обедом и ужином подавали закуски и выпивку. С. Я. Елпатьевский вспоминал: «После ужина хозяин ушел спать, гости остались играть в карты, прикладываясь к неоскудевшему столу с напитками, и разошлись только перед утром» [2, с. 172–173].

Широкое развитие получила винная торговля. В 1881 г. в Енисейске насчитывалось

⁸ Енисей. 1896. № 8. 17 января.

7 питейных складов, 54 кабака, 4 ренсковых погреба и харчевни, которые ничем не отличались от кабаков. Изобилие значных мест стало тревожить городскую общественность. Местные власти пытались принимать меры борьбы с пьянством. В 1880-е гг. городская дума, видя бессилие полиции, постановила сократить количество питейных заведений в городе. Большая часть из них закрылась, в Енисейске осталось всего 7 кабаков. Однако виноторговцы не желали терпеть убытки. Одновременно в городе открылось множество харчевен и пивных, которые продолжали торговать горячительными напитками [11, с. 13]. В начале 1890-х гг. местными властями вновь был поставлен вопрос о сокращении числа кабаков, трактиров, харчевен и пивных в центре города. Часть гласных городской думы настаивала на закрытии харчевен и других значных мест в центре города. Однако во время заседания городской думы 11 гласных против 8 проголосовало за то, чтобы оставить харчевни в качестве украшения города⁹. Владельцы подобных питейных заведений легко и быстро наживались на посетителях. Они получали высокую прибыль с продажи спиртных напитков. Нередки были случаи, когда хозяева харчевен подмешивали белену в вино, чтобы обокрасть оставшихся на ночлег рабочих [5, с. 215].

Разгульная жизнь в городе отрицательно сказывалась на нравственном состоянии общества. В вечернее время Енисейск «погружался в кромешную тьму, и на его улицах происходили дикие пьяные оргии, как рабочих, так и промысловиков». Пьянство стало обыденным явлением среди городских жителей. Нередки были случаи смерти енисейцев от чрезмерного употребления спиртных напитков. Н. В. Скорняков вспоминал: «В городе были две жертвы алкоголя: смерть гласного думы Захара Кузьмина от чахотки, обусловленной употреблением алкоголя, и нового сумасшедшего – Василия Кузнецова, пившего горькую. Несчастные жертвы провинции со спячкой»¹⁰. Злоупотребление горячительными напитками было свойственно

⁹ Енисейский справочный листок. 1892. № 47. 23 ноября.

¹⁰ МБУК «Городской архив Енисейска» (ГАЕ). Ф. 6. Оп. 1. Д. 65. Л. 62 об.

не только мужской части населения, но и женской. А. И. Баркова писала о нравах жительниц Енисейска: «... в дамской уборной следует вместо одеколона налить водки, ибо енисейские «маменьки» считают за позор выпить рюмку вина в обществе, но в уборной, когда никто не видит, с большим удовольствием хлебнуть этого одеколона» [1, с. 175]. Развращенность общества оказала влияние на подрастающее поколение. М. Ф. Кривошапкин в 1860-е гг. утверждал, что «здесь девушки с 14 лет знают вино и готовы на всё; неизбежным следствием такой жизни служит большое развитие такой болезни, как сифилис, тем более, что здесь нет публичных домов и всё делается украдкой» [5, с. 215]. Позднее в Енисейске появились публичные дома. В 1890-е гг. в одном квартале города было два дома терпимости Затуранского и Варшавской. По сути дела они представляли собой настоящие притоны. «В домах терпимости находят приют пришлые рабочие и ссыльный люд, – писал журналист «Енисейского листка», – там пьянство девушек, картежная игра и другие безнравственные поступки. Это настоящие вертепы разбойничества, убийства и грабежа»¹¹. Н. В. Скорняков заметил, что золотопромышленность негативно повлияла на нравственность женщин: «...редкая из них не имела любовника»¹².

Горожане равнодушно относились к обустройству собственных домов. С. Я. Елпатьевский, посещавший дома енисейцев, заметил, что «даже в богатых домах отсутствовали картины и красивые вещи и прочие пустяки, которыми любят украшать свои жилища средние обыватели. Казалось, люди только выстроили жилье, начинают обживать и не успели создать уюта обжитого дома» [2, с. 179]. Богатые золотопромышленники, прожигая по 10 тыс. руб. в год, нисколько не заботились о комфорте в своих квартирах. При этом тысячи рублей спускались на разгул и мотовство [6, с. 298]. Такое отношение к своему дому сложилось у многих горожан со времен «золотой лихорадки». По воспоминаниям современников, дома золотопромышленников на удивление представляли

невзрачное зрелище. Они умудрялись за лето выпить по 1200 бутылок шампанского вместо того, чтобы обустроить свои жилища и создавать комфортные условия. Для этого у них было достаточно средств. А. И. Баркова с удивлением писала: «Странно было видеть в этих плохих домах (подумаешь, что прииск пришел к бедному мужику), море вина, страсбургские пироги, самородки в виде пресс-папье, а всего страннее было видеть хозяина, красивого молодца, вполне понимающего и светскую жизнь и жизненные удобства». Автор предполагала, что такое отношение было связано с временным пребыванием владельцев приисков в городе. Многие из них проводили большую часть времени вне дома. С сентября по март золотопромышленники находились в тайге, в зимний период они уезжали в Петербург. Как правило, для предпринимателей дом служил конторой и пристанищем на двухмесячный период [1, с. 178].

В период «золотого бума», когда на развлечения тратились огромные средства, городское хозяйство, «как круглая сирота, находилось в первобытном состоянии». В весеннее и летнее время большая часть улиц представляли непроходимое болото, недоступное для продвижения на лошадях. По мнению М. П. Миндаровского, «енисейцы предпочитали лучше тонуть на улицах, как в болоте, и переносить частовременные бедствия от наводнения, чем устраивать дороги, упорядочивать улицы, защищать набережную от весеннего разлива Енисея» [8, с. 100]. По всей вероятности, в то время золотопромышленники не по причине скупости, а из-за собственного равнодушия и невнимания не стремились жертвовать средства на нужды благоустройства города. В. Д. Скарятин писал: «Я не знаю русского города, где было бы так легко собрать деньги по подписке на какое-нибудь дело, как в Красноярске и Енисейске, этих двух центрах золотопромышленности» [10, с. 84].

Пожар 1869 г. стал огромным потрясением для местного общества, горожане понесли значительные убытки, большая часть города выгорела. Благодаря усилиям и средствам енисейских предпринимателей в Енисейске построили новые красивые здания, провели работы по благоустройству, но городу не удалось вернуть былого великолепия. В 1880-е гг. усилиями

¹¹ Енисейский листок. 1894. № 4. 30 января.

¹² ГАЕ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 65. Л. 47 об.

городского головы Н. Н. Дементьева были организованы мероприятия по благоустройству улиц, на улицах установили керосиновое освещение. В то же время городская дума могла бездействовать, не обращая внимания на проблемы. Длительное время не проводились ремонтные работы в школах, читальне и музее. Подвижки по капитальному ремонту начинались с новости о предстоящем посещении города представителями губернских властей. Например, в 1902 г. перед приездом губернатора начался спешный ремонт тротуаров, производилась чистка водосточных канав и помойных ям¹³.

Предприниматели жертвовали деньги на строительство учебных заведений, подписку журналов и книг для библиотек и т. д. В 1860 г. в Енисейске на средства местного купечества открылось женское училище. Благодаря добровольным сборам горожан были построены здания мужской прогимназии и женской гимназии [8, с. 103]. Городские власти пытались решить социальные проблемы населения. В 1890-е гг. в результате деятельности городского головы С. В. Востротина и материальной поддержки местных меценатов были построены лечебница для бедных, ночлежные дома, столовая и ясли¹⁴. Н. В. Скорняков был инициатором создания общества попечения о народном образовании. Позднее появился склад для продажи книг для взрослых и детей. Скорняков же стал инициатором курсов ручного труда¹⁵.

В то же время мало внимания уделялось культурному развитию горожан. Безотрадное впечатление оставалось от здания в котором располагался музей. Он отличался разнообразием экспонатов, которых было больше, чем в Красноярском музее. Тесное, ветхое и грязное помещение требовало проведения основательного ремонта. Библиотека и читальня несколько лет не пополнялись новыми книгами¹⁶. В Енисейске остро ощущалась нехватка образованных людей. По мнению Н. В. Скорнякова, образованному человеку сложно было найти себе подходящую компанию, озабоченную не только

развлечениями, но и серьезными вопросами общественной жизни [4, с. 56]. Культурную отсталость местного общества он видел в «слабом развитии грамотности, распространении кабаков и отсутствии у людей способности вселить стремление к лучшей жизни»¹⁷.

К концу XIX в. Енисейск стал постепенно утрачивать статус одного из лучших городов Восточной Сибири. Ослабление города было связано с упадком золотопромышленности, что в дальнейшем привело к снижению роста численности населения, ухудшению экономического положения, сокращению трудовых ресурсов. Обывателям оставалось с грустью вспоминать о былых временах, «когда наживались миллионы, а рабочие ежегодно выносили и пропивали сотни рублей»¹⁸. Некогда шумный Енисейск превратился в тихий и скромный уездный городок. Вместе с упадком золотопромышленности он переживал финансовый кризис. С проведением Транссибирской магистрали Енисейск оказался удален от железной дороги, что значительно сказалось на его дальнейшем развитии. В газете «Красноярец» за 1908 г. по этому поводу отмечалось: «Упадок города произошел из-за кризиса золотопромышленности. Железная дорога, оказавшаяся в стороне, довершила этот упадок»¹⁹.

Енисейск стал производить впечатление города, остановившегося в своем развитии. Наглядным примером этому стали опустевшие улицы, запертые железными дверями и ставнями лавки, заброшенные дома. Все магазины, лавки и кладовые, предназначенные для нужд золотопромышленности и Туруханского края, стали не востребуемыми. Большие и красивые здания стали приходить в упадок. Современник с грустью констатировал: «Веет заброшенностью и плесенью от этих двухэтажных домов с магазинами, которых никто не посещает. Обилие лавок и магазинов в безлюдных улицах города заставляет спросить – для кого же они существуют? Здесь больше квартир, чем жильцов; больше кладовых и лавок, чем товаров;

¹³ Енисей. 1902. № 89. 30 июля.

¹⁴ Сибирская мысль. 1911. № 11. 18 сентября.

¹⁵ Енисейский справочный листок. 1892. № 20. 24 мая.

¹⁶ Енисей. 1902. № 123. 18 октября.

¹⁷ ГАЕ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 65. Л. 69.

¹⁸ Справочный листок Енисейской губернии. 1890. № 29. 22 июля.

¹⁹ Красноярец. 1908. № 135. 22 июня.

больше церковей, чем молящихся»²⁰. Городской бюджет существенно пострадал от снижения торговых оборотов. Сократились до минимума доходы, получаемые от гостиного двора, лавок и торговых мест.

Местным жителям приходилось переключаться на другие сферы хозяйственной деятельности. По мнению А. Л. Яворского, «енисейский мещанин поневоле превращался в крестьянина-хлебороба с незавидным урожаем, немного в рыбака и совсем немного в промышленника»²¹. Зажиточные горожане продолжали заниматься добычей золота и торговлей. Основой хозяйственной жизни менее состоятельной части населения являлись извоз, рыболовство, плотничество, столярное и кузнечное дело²².

Особый интерес представляют впечатления об увиденном иностранцев, посетивших Енисейск в 1913 г. Еще до приезда иностранных гостей А. Уманьский заметил, что жившим в больших европейских городах и оказавшимся в Енисейске он представлялся «большой деревней с немощеными пыльными улицами и редкими извозчиками на допотопных линейках» [11, с. 8]. Подобное представление о городе сложилось у норвежского исследователя Ф. Нансена. «Если исключить красивые церкви и несколько других крупных зданий, – писал он, – то Енисейск ничем не отличается от больших сёл, встречавшихся нам по Енисею» [9, с. 181]. Автор обратил внимание на размеренность и неторопливость енисейцев, отличавших их от западноевропейских жителей. По его мнению, они «могут считать себя счастливыми, что не знают нервной спешки, которой страдает вся Европа. Зато было много одушевления и сердечной теплоты, изливавшейся на нас на все лады, на разных языках» [9, с. 185].

В воспоминаниях норвежского бизнесмена Й. Лида данный населенный пункт выглядел, как провинциальный деревянный город, над которым возвышались 30 ветхих, но красивых церковей. Автор увидел схожесть прямых широких улиц города с американскими прериями

времен Дикого Запада. Проблемой для гостя стало отсутствие гостиницы или постоянного двора в Енисейске, и поэтому он был вынужден остановиться на почтовой станции. Для энергичного Й. Лида этот северный город не представил особого интереса. По его мнению, «здесь не существовало никакой напряженности и не ощущался пульс деловой активности, не было никаких намеков на светофоры или светский лоск» [7, с. 83].

Иностранные гости посетили город, когда прошло время «безумных кутежей» и деловая активность горожан существенно снизилась в связи с кризисом золотопромышленности. К тому времени жизнь Енисейска полностью подчинилась навигационному периоду, он был как будто «отрезан от цивилизованного мира, находился в спячке». Город оживал с приходом пароходов и вновь «погружался в безмятежный сон» с окончанием навигации. В течение 7 месяцев (с мая по октябрь) городские будни «тянулись бесконечно однообразно». По словам обывателя, «никакие свистки, никакое движение грузов не нарушает мертвецкой уличной тишины»²³. При этом почти все товары в магазинах отличались дороговизной. По относительно дешёвым ценам здесь можно было купить только рыбу или квартиру²⁴.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. Енисейск является ярким примером города, пережившего расцвет, а затем угасание. С одной стороны, в нём отразились величие и роскошь, с другой – нищета и убожество. Непосредственное влияние на развитие и судьбу города оказала золотопромышленность. Добыча золота вовлекла большую часть горожан, но позволила обогатиться только узкому слою населения. Стремление к наживе и легкие деньги способствовали массовому разгулу, оказавшемуся временным явлением. Несмотря на снижение нравственных критериев местного общества, предприниматели стремились вкладывать средства в городское благоустройство и развитие образования. Кризис в золотодобывающей отрасли способствовал упадку города, от которого он не смог оправиться.

²⁰ Енисей. 1902. № 121. 13 октября.

²¹ ЕКМ. Яворский А. Л. Воспоминания... Л. 1.

²² Красноярский краевой краеведческий музей (КККМ). П/1 № 216. Л. 16.

²³ Сибирская мысль. 1912. № 100. 8 мая.

²⁴ Енисей. 1902. № 123. 18 октября.

Литература

1. Баркова А. И. Воспоминания о сибирской золотопромышленности // Сибирский сборник. 1887. Приложение к «Восточному обозрению». СПб., 1887. С. 168–185.
2. Елпатьевский С. Я. В Сибири. Новосибирск: Новосибиргиз, 1938. 183 с.
3. Елпатьевский С. Я. Очерки Сибири. СПб., 1897. 188 с.
4. Комлева Е. В. Енисейское купечество второй половины XIX века глазами современников: дневник Н. В. Скорнякова // Вестник НГУ. 2012. № 1. С. 53–59.
5. Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь. СПб.: Изд-во ИРГО, 1865. Т. I. 378 с.
6. Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии. 1594–1893 годы. Красноярск: Изд-во СФУ. 2016. 888 с.
7. Лид Й. Сибирь – странная ностальгия. Автобиография. М.: Изд-во «Весь мир», 2009. 304 с.
8. Миндаровский М. П. Енисейск (город-банкрот) // Сибирские записки. Красноярск. 1916. № 4. С. 96–104.
9. Нансен Ф. В страну будущего. Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море. Магадан: Магаданское книжное изд-во, 1969.
10. Скарятин В. Д. Заметки золотопромышленника. СПб., 1862. 166 с.
11. Уманьский А. Очерки золотопромышленности в Енисейской тайге. СПб: Т-во «Печатня Т. В. Яковлева», 1888. 167 с.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ РАБОЧИХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX В.

В. Н. ФАРОНОВ

УДК 94(571.1).08

В статье рассматривается вопрос политических настроений и протестных действий рабочего класса Западной Сибири в первой четверти XX в. Отмечается рост радикализации протестных настроений в годы Первой мировой войны и дальнейших революционных событий. Это связывается напрямую с усилением материальной нужды рабочих, оттоком значительной части кадровых рабочих на фронт и заменой их выходцами из иных социальных слоев, прежде всего деревенскими жителями. Радикализация не имела конкретной политической направленности (рабочие готовы были поддержать любую политическую силу, обещавшую улучшение условий жизни) и шла на спад вместе с улучшением материального положения.

Ключевые слова: рабочие, Западная Сибирь, протест, борьба рабочих, радикализация, маргинализация.

POLITICAL PREFERENCES OF WORKERS IN WESTERN SIBERIA IN THE FIRST QUARTER OF THE XX CENTURY

V. N. FARONOV

The article deals with the political moods and protest actions of the working class of Western Siberia in the first quarter of the 20th century. Based on sources and scientific researches, a conclusion is drawn about the weak involvement of workers in political activities. There is an increase in the radicalization of protest sentiments during the First World War and further revolutionary events. This is connected directly with the increase in the material need of workers, the outflow of a considerable part of cadre workers to the front and the replacement of their descendants from other social strata, primarily by the villagers. Radicalization did not have a specific political orientation (workers were ready to support any political force that promised better living conditions) and was on the decline along with an improvement in the material situation.

Keywords: workers, Western Siberia, protest, the workers' struggle, radicalization, marginalization.

Введение. Настоящая статья является логическим продолжением исследования рабочего протеста, начатого автором ранее [1]. В ней предпринимается попытка исследовать характер политических предпочтений рабочих Западной Сибири и определить мотивы их политической протестной деятельности без претензии на какие-либо окончательные

выводы, т. к. исследование будет продолжено и результаты его могут в конечном итоге не совпасть с предварительными выводами, сделанными в настоящее время. Автор также надеется заинтересовать и привлечь потенциальных исследователей к изучению вопроса рабочего протеста с позиций современного исторического дискурса.

Методологической основой исследования является теория модернизации, рассматриваемая через призму подхода В. П. Зиновьева, в котором модернизация Сибири делится на пять этапов [2]. Особенность этого подхода заключается в том, что этап модернизации, начавшийся в Сибири в 1890-х гг., не ограничивается традиционно 1917 г., но заканчивается в конце 1920-х гг. с началом коллективизации и индустриализации страны. Преимущество данного подхода в том, что он отражает непрерывность социально-экономических процессов вне зависимости от смены политического режима. Это, в свою очередь, предоставляет возможность исследования становления рабочего класса региона также, минуя идеологические шоры, как единый социальный процесс. Исходя из такого понимания исторического развития, мы считаем не просто возможным, но даже необходимым исследовать рабочий протест до 1917 г. и после, вплоть до конца 1920-х гг., как непрерывную органическую часть становления рабочего класса Сибири. Фактологическая база исследования основана на материалах архивов Санкт-Петербурга и Томска, периодической печати, научно-исследовательских работ и, на наш взгляд, является достаточной для обоснования сделанных в статье выводов.

Политические предпочтения рабочих.

Наибольшее воздействие на сибирских рабочих, как и на рабочих страны в целом, оказывали социал-демократы всех направлений. Однако в целом участие рабочих Сибири в партийной деятельности было невелико: партияцами являлись лишь 1–2 тыс. чел., что составляло 0,2–0,4% всех сибирских рабочих [3, с. 241]. Для сравнения отметим, что количество активных рабочих, участвовавших в экономическом стачечном движении, было многократно большим – до 60 тыс. чел. [3, с. 241]

Незначительной популярностью у рабочих пользовались эсеры, что неудивительно, т. к. эсеровская идеология привлекала в основном образованные слои общества и, соответственно, социальной опорой партии являлись интеллигенция, служащие, а позднее и офицерство. Впрочем, отмечалась активность эсеров в мобилизации революционных сил Сибири в тех местах, где социал-демократические кружки

и группы были слабыми или вообще отсутствовали [4, с. 96–97]. После февраля 1917 г. расплывчатая программа эсеров, в которой обещалось предоставление благ всему трудовому народу, привлекла в ряды партии мелкобуржуазную интеллигенцию, солдат, кулаков, зажиточных и средних крестьян и лишь совсем немного рабочих. Это явствует, например, из списков кандидатов в гласные Томской городской думы от организации эсеров: из 103 кандидатов только 5 чел. (4,9%) были рабочими. В Новониколаевске в таком же списке из 78 кандидатов от партии эсеров только 8 (10,3%) являлись рабочими [5, с. 61–62].

Чуждой большинству рабочих была деятельность черносотенных организаций. Немногочисленные организации черносотенцев появились в Сибири в 1906 г. К лету 1908 г. они имелись в Томске, Новониколаевске, Барнауле и в некоторых других населенных пунктах [4, с. 142]. Рабочих среди черносотенцев было совсем немного, за исключением Боготола, где в подотделе Томского губернского совета Союза русского народа из 17 членов шестеро были рабочими [4, с. 154]. Рабочих не могла привлечь черносотенская идеология, отрицающая существование рабочего класса в России, выражавшая таким образом архиконсервативную точку зрения, от которой отказались даже официальные идеологи.

Все это говорит о сходстве партийных предпочтений у сибирских рабочих и их коллег из Европейской России, что, в свою очередь, подтверждает наличие общей для всего российского пролетариата ментальности, по крайней мере, у активной части сибирских рабочих. Также мы можем с достаточной степенью уверенности утверждать, что среди рабочих Сибири не было сильной политической радикализации ни слева (социал-демократы, эсеры), ни, тем более, справа (черносотенцы), но преобладали аполитичные настроения.

Радикализация политических настроений. Однако ситуация изменилась с началом Первой мировой войны. На перемены в политическом выборе рабочих оказали влияние два основных фактора. Во-первых, это обострение нужд трудящихся, вызванных затянувшимися военными действиями. Их жизненный уровень

падал всё больше, и в нужде оказывались даже семьи квалифицированных рабочих. Приведем лишь одно, на наш взгляд, показательное свидетельство железнодорожного рабочего (1917 г.): «Я мог прожить с семьей в шесть человек на 30 р. в месяц и могло оставаться на черный день – 10 р. Сейчас при депо Новониколаевск Омской железной дороги в службе тяги получаю 1 р. 37 коп. в день, плюс 30 коп. за проработанный час военной прибавки, сдельно можно приработать до 35% на заработанный рубль, всего в месяц 60–75%, но при условии работы 40 дней в месяц или 12 часов каждый день, без праздников и отдыха. Получается... средний месячный заработок 67 р. 50 коп. Расходы: квартира 13 руб., дрова сажень 13 руб., водовозу 2 руб., хлеб на 10 руб. 90 коп., мяса 10 руб. 80 коп., жиры 4 руб., итог 53 руб. 70 коп., прибавить чай, сахар, крупа, картофель, соль, керосин, посуда. Стою на краю пропасти... Есть в депо человек 15-ть, зарабатывающие 72 коп. в день» [6]. Если столь плачевная ситуация складывалась у относительно высокооплачиваемых работников железной дороги, то у рабочих других отраслей положение было гораздо худшим. Радикализация политических настроений в таких условиях была неизбежной.

Во-вторых, нужно отметить фактор, связанный с мобилизационным оттоком мужского населения, коснувшегося практически всех отраслей промышленности и транспорта. Наиболее отрицательно война сказалась на сибирских железнодорожниках. В результате мобилизации на фронт или в качестве рабочих железной дороги в прифронтовую зону многих железнодорожников Омской и Томской железных дорог, на этих линиях стало не хватать 5310 квалифицированных рабочих, сам же состав железнодорожников обновился на 50% [7, с. 370]. Однако мобилизация нанесла ущерб не только железнодорожному транспорту, но фактически всем отраслям промышленности Западной Сибири. Так, на приисках отток рабочих на фронт привел к значительному снижению добычи золота. Это подтверждает, в частности, один из документов «постоянной совещательной конторы золото- и платинопромышленников» 15 ноября 1916 г., в котором утверждалось, что «уменьшение количества рабочих на 35–40% после первых

мобилизаций 1914 г. и начала 1915 г. отразилось самым пагубным образом на добыче золота. Обе кампании 1915 и 1916 гг. дали понижение добычи золота в среднем на 700–800 пудов, а с усиленно вывозимым за границу золотом не менее 1500 пудов». Далее промышленники с беспокойством сообщали уполномоченному по делам военнообязанных, что «если в настоящее время уменьшить количество рабочих на 50%, большинство предприятий Урала, Западной Сибири... принуждено будет ликвидировать свои дела или в весьма значительной степени их сокращать»¹.

Следствием мобилизации стал приток в ряды рабочих неквалифицированных кадров, прежде всего из крестьян, что привело к дальнейшей маргинализации пролетариата и росту поддержки рабочими наиболее радикальных социал-демократических сил – большевиков. Именно среди выходцев из деревни большевистская пропаганда была наиболее успешной, т. к. соответствовала их архаическим представлениям о справедливости и мироустройстве [8, 9]. Сложилась ситуация, когда в результате войны уменьшился слой кадровых промышленных рабочих и, напротив, вырос слой маргиналов, склонных к политическому радикализму, приведшему впоследствии к гражданской войне, в которой «одна часть рабочих воевала против другой» [10, с. 304].

Но даже в этот период рост политического экстремизма всё же не коснулся основного пролетарского массива. Так, большинство рабочих не приняло участия в защите советской власти, когда началось выступление чехословацкого корпуса. Как пишет А. А. Мышанский: «Отношение рабочих к свержению советской власти не было однозначным... в июне-августе 1918 г. большинство рабочих Сибири было настроено на условное признание новой власти, высказываясь лишь за возврат порядков 1917 г.: за единое социалистическое правительство, демократию, контроль советов за властью и т. п.» [11, с. 43]. Во многом декларативно колчаковская администрация заявляла о своем нежелании посягать на завоевания рабочих в области трудовых отношений, сделанных до Октябрьской

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 33. Оп. 1. Д. 74. Л. 3.

революции: сохранялось право объединения рабочих в профсоюзы, создания на предприятиях рабочих комитетов для переговоров с администрацией при отстаивании своих интересов, разрешались бойкоты и стачки. Предпринимателей обязывали обеспечить рабочих нормальными условиями труда и быта и т. п. Всё это на деле соблюдалось плохо, т. к. военные действия диктовали необходимость практики более жестких трудовых отношений, проводившейся, к тому же, на фоне дальнейшего усиления нужд всех пролетарских слоев, что закономерно приводило к росту пробольшевистских настроений [12, с. 78].

Впрочем, партийные предпочтения основной массы рабочих, как показали дальнейшие события, в большей степени обуславливались не идейной принципиальностью, а непосредственным материальным положением, что лишний раз доказывает справедливость утверждения об основной роли экономических требований рабочих в борьбе за свои интересы [1]. В подтверждение приведем лишь некоторые факты послереволюционной рабочей борьбы в Западной Сибири. Так, в отчетах Томского ВЧК за 1921 г. констатируется факт роста проанархистских и проэсеровских настроений рабочих, напрямую связанный с недоеданием и острой нуждой в предметах первой необходимости, в том числе в одежде и обуви, в условиях начавшихся холодов². Более того, служащие ОДТЧК Новониколаевска докладывали: «После ликвидации выступления в Крондштате и ликвидации организации в Новониколаевске, рабочая масса, подзуженная эсерами, ожидает с нетерпением переворота»³. В этот период наиболее активные рабочие стали симпатизировать анархистам и левым неонародникам, призывавшим к «третьей революции», что всерьез тревожило большевистские власти [13, с. 94–95]. Однако уже через короткое время «настроение рабочих и служащих в связи с разрешением свободного провоза продовольствия по ж. д. со снятием заградотряда и выпадением хороших дождей, подающих надежду на урожай, улучшилось.

² Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 55, 55а.

³ ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 55. Л. 7.

Отношение к советской власти также изменилось в лучшую сторону»⁴.

Заключение. Из приведенных примеров следует, что политические предпочтения рабочих не отличались какой-либо идейной принципиальностью, но возникали под давлением обстоятельств, склоняя рабочих к поддержке того или иного политического актора, обещавшего улучшить их материальное и социальное положение. Однако с прекращением острой материальной нужды спадала и политическая активность рабочих, в целом к ней не склонных. Последнее подтверждается их незначительной вовлеченностью в любую партийную деятельность.

Отметим также, что, согласно выводам В. Зомбарта, материальные интересы стояли во главе угла практически всех рабочих в мире, за исключением лишь той их части, которая по тем или иным причинам, в большей степени психологического характера, была склонна к радикальным действиям. Так, не без некоторого сожаления В. Зомбарт писал об американских рабочих: «Поскольку материальное положение рабочего всё улучшалось, постольку растущее благосостояние его образа жизни подвергало его соблазну полного растворения в материальных интересах, постольку он приучался любить ту систему хозяйства, которая устраивала ему его судьбу, постольку он должен был, наконец, сам подпасть под почти непреодолимое очарование, которое оказывает в это удивительное время на каждого быстрота оборота и увеличивающееся значение измеримой величины. А влияние патриотизма – гордого сознания, что Соединенные Штаты по пути (капитализма) “прогресса” опередили все другие страны – еще укрепляло его деловой образ мыслей и делало из него того воздержанного, расчетливого, безыдейного, каким мы привыкли его знать. Перед ростбифом и яблочным пирогом пасуют все социалистические утопии» [14, с. 97–98].

Литература

1. Фаронов В. Н. Борьба рабочих за свои интересы в Западной Сибири конца XIX – начала XX в. // Известия Алт. гос. ун-та. Барнаул. 2015. 3–2 (87). С. 244–249.

⁴ ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 55. Л. 53–54.

2. Зиновьев В. П. Особенности перехода Сибири от аграрного общества к индустриальному // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2003. С. 185–193.
3. Зиновьев В. П. Индустриальные кадры старой Сибири. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2007. 258 с.
4. Толочко А. П. Политические партии и борьба за массы в Сибири в годы нового революционного подъема (1910–1914 гг.). Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1989. 218 с.
5. Черняк Э. И. Эсеровские организации в Сибири в 1917 – начале 1918 гг. (к истории банкротства партии). Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1987. 163 с.
6. К бюджету железнодорожных рабочих // Голос Сибири. Новониколаевск. 1917. № 8–11/1.
7. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск: СО «Наука», 1982. 475 с.
8. Фаронов В. Н. Наследие архаического сознания у рабочих Западной Сибири конца XIX – начала XX в. // Известия Алт. гос. ун-та. 2015. № 4 (88). Т. 2. С. 221–228.
9. Фаронов В. Н., Гончаров Ю. М. Парадигмы в сознании рабочих Западной Сибири конца XIX – начала XX в. // Известия Алт. гос. ун-та. 2016. 2 (90). С. 160–166.
10. Постников С. П., Фельдман, М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 370 с.
11. Мышанский А. А. Политические настроения населения Сибири и Урала в первой половине 1918 года // Гражданская война в Сибири. Сборник докладов и статей научной конференции. Ноябрь 1999 г. Красноярск: Изд. центр Краснояр. гос. ун-та, 1999. С. 42–48.
12. Козлова С. А. Труд и охрана труда в Сибири при Колчаке (по неизданным материалам Омского архивного бюро) // Из прошлого Сибири. Омск: Изд-во Омского о-ва краеведения, 1927. С. 67–99.
13. Сапон В. П. Пролетариат в системе советской власти в 1917–1918 гг. // Рабочий класс и рабочее движение в России в условиях радикальных трансформаций XX века. Материалы Всероссийской научной конференции. Прокопьевск, 24–25 сентября 2009 г. Томск: Изд-во НТЛ, 2009. С. 93–95.
14. Зомбарт В. Почему в Соединенных Штатах нет социализма? СПб.: Общественная польза, 1907. 111 с.

ВКЛАД КИРИЛЛА СЕМЕНОВИЧА ТОДЫШЕВА В ПРОСВЕТИТЕЛЬСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ХАКАССКОГО НАРОДА (К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

В. Н. ТУГУЖЕКОВА

УДК 930

В статье представлена краткая биография хакасского просветителя, автора первых учебников на хакасском языке Кирилла Семеновича Тодышева. Автор уделяет большое внимание участию хакасской интеллигенции, в т. ч. К. С. Тодышева, в общественных событиях 1917 – начала 1918 гг., проходивших в Минусинском уезде Енисейской губернии. В статье также отражены последние годы жизни К. С. Тодышева в ссылке.

Ключевые слова: учительство, Хакасия, интеллигенция, К. С. Тодышев, хакасский алфавит, хакасская литература, просвещение.

KIRILL SEMYONOVICH TODYSHEV'S CONTRIBUTION TO THE EDUCATIONAL ACTIVITIES OF THE KHAKASS PEOPLE (TO THE 125 ANNIVERSARY)

V. N. TUGUZHEKOVA

The article presents a brief biography of the Khakass educator, author of the first textbooks in the Khakas language, Kirill Semyonovich Todyshev. The author pays great attention to the participation of the Khakass clerisy, including K. S. Todyshev, in public events of 1917 – the beginning of 1918 held in the Minusinsk County of the Yenisei Governorate. The article also shows the last years of K. S. Todyshev's life in exile.

Key words: teaching, Khakassia, clerisy, K. S. Todyshev, Khakass alphabet, Khakass literature, enlightenment.

Кирилл Семенович Тодышев – известный хакасский просветитель, общественный деятель, автор первых учебников на хакасском языке и один из первых учителей Хакасии. К. С. Тодышев родился 11 мая 1892 г. в многодетной крестьянской семье в с. Камышта Аскизской инородной управы Минусинского уезда.

Определенный вклад в изучении деятельности К. С. Тодышева внесли К. М. Патачаков, А. Н. Мохов, В. Г. Карпов, Н. А. Данькина, Е. П. Мамышева и др. Первую статью о Кирилле Семеновиче Тодышеве написал К. М. Патачаков. Она опубликована в книге «Наа чуртас үчүн». Учителя дореволюционного времени Г. И. Итыгин,

В. Н. Окунев, П. Т. Штыгашев, А. Т. Казанак, К. К. Самрин и М. И. Ултургашев, в том числе и К. С. Тодышев впоследствии стали активными участниками культурного строительства Советской Хакасии. Из числа формирующейся хакасской интеллигенции в конце XIX – начале XX вв. высшее образование получили Н. Ф. Катанов, М. И. Райков, А. В. Барашков, С. Д. Майнагашев [1, с. 175].

В рамках вклада дореволюционных учителей в формирование хакасской интеллигенции о К. С. Тодышеве писал А. Н. Мохов. Он отводил важную роль в обучении и воспитании хакасской молодежи известному учителю

Аскизского училища Никифору Тимофеевичу Потемкину, который обучал инородческих детей русскому языку и арифметике. На уроках русского языка читал им А. С. Пушкина, басни И. А. Крылова, рассказы Л. Н. Толстого и др. По мнению А. Н. Мохова, заслуга Н. Т. Потемкина и в том, что многие его воспитанники, окончившие Аскизское двухклассное училище, стали его последователями-учителями. Это Василий и Иван Катановы, их сестра Мария, Кирилл Тодышев, Константин Самрин, Матрена Веселова-Ултургашева, Анастасия Селегеева и др. [2, с. 49, 51].

Другим педагогом, оказавшим влияние на жизненный путь К. С. Тодышева, был директор Красноярской учительской семинарии И. Т. Савенков. Он читал курсы по педагогике, дидактике и методике в Красноярской и Минусинской учительских семинариях. Его воспитанники и ученики Г. Н. Итыгин, К. С. Тодышев, В. Н. Катанов, В. И. Окунев, М. И. Окунев, И. И. Аланов, Г. В. Кирбижеков, И. И. Коков и многие другие стали учителями и внесли свой вклад в просвещение своего хакасского народа. Так, Георгий Игнатьевич Итыгин возглавил Хакасский уездный, затем окружной исполком рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (1924–1927 гг.).

Другой воспитанник И. Т. Савенкова, Кирилл Семенович Тодышев, был не только прекрасным учителем Усть-Чульского начального училища, но и активно участвовал в создании хакасской письменности и стал автором первого «Букваря» на хакасском языке [2, с. 54].

После окончания учительской семинарии в 1912 г. К. С. Тодышев был направлен в школу с. Усть-Чуль Аскизской волости, в которой проработал до 1923 г. Здесь в Усть-Чуле в 1916 г. он женился на выпускнице гимназии Наталье Пименовне Хариной¹.

Е. П. Мамышева, А. Ф. Чепашева² красочно описывают годы учительства К. С. Тодышева в Усть-Чуле. Кирилл Семенович принимал активное участие не только в жизни школы, но и в

¹ Тодышев Ю. К. С. Тодышев – выдающийся просветитель Хакасии // Аскизский труженик Хакасии. 2017. 9 февраля. С. 5

² Чепашева А. Жизнь, посвященная народу // Хакасия. 2013. 15 мая. С. 18.

жизни села. Он организовал художественную самодеятельность в сельском клубе, проводил праздники молодежи, играл на вечерах на скрипке, фотографировал [3, с. 364]. Кирилл Семенович умел доставлять радость всем, кто был рядом. В те годы в хакасских селениях не знали такого праздника, как Новый год. Устьчульцам его открыл Тодышев. Вместе с учениками он наряжал елку, шил костюмы, игрушки, рисовал снежинки, разучивал песни, учил их танцевать. Родители, впервые присутствовавшие на елке, веселились и радовались не меньше детей и, конечно, гордились ими, настоящими артистами. Этот праздник разошелся по многим аалам. С таким же энтузиазмом он организовал празднование Первого мая³.

Кирилл Семенович прививал своим ученикам любовь к труду, бережное отношение к окружающему миру, к людям, к народным традициям и обычаям. Он привлекал к кружковой работе чатханистов, певцов, сказителей. Дети учились играть на русских и хакасских музыкальных инструментах.

За годы жизни в Усть-Чуле Кирилл Семенович стал родным для каждой семьи. Ведь он не просто знал их беды, но и помогал им. И потому большим огорчением для местных жителей перевод Тодышева директором школы в с. Райково. Провожали его всем селом до околицы и стояли там до тех пор, пока повозка учителя не скрылась из виду.

Отношение интеллигенции к революции. Февральская революция 1917 г. активно втягивала интеллигенцию в революционный процесс. Её представители стали занимать руководящие должности во вновь образованных советских органах. 3 марта 1917 г. был избран Минусинский комитет общественной безопасности. Комитет образовал Исполнительное бюро, состоявшее на треть из учителей. В него вошли священник, учитель церковно-приходской школы В. Кузьмин, Г. П. Ахпашев. Земельным комиссаром уезда был назначен И. И. Тютюбеев. По закону от 17 июня 1917 г. в Сибири вводился институт земства. В Минусинском уезде в земское собрание было избрано более 40 человек. Среди них были представители Хакасии. Так, например, от жителей с. Кривая

³ Чепашева А. Жизнь, посвященная народу // Хакасия. 2013. 15 мая. С. 18.

был избран И. Н. Катанов, от жителей г. Минусинска – И. И. Аланов и И. И. Тютюбеев. Активными членами являлись И. В. Барашков, С. Д. Майнагашев, священники В. Кузьмин, Ф. Горбунов и др. Председателем комитета по народному образованию уездной земской управы был назначен И. Н. Катанов, а его членами – И. В. Барашков и С. Д. Майнагашев [4, с. 18]. В 1917 г. интеллигенция Хакасии объединилась по вопросу национально-территориального устройства хакасов. На 8 съезде хакасской интеллигенции (апрель 1917 г. – сентябрь 1918 г.) решались вопросы о землеустройстве, самоуправлении, самоназвании, судопроизводстве и др.

Для учительства Минусинского уезда накануне октября 1917 г. было характерно объединение на основе учительских союзов и съездов. 10–14 мая 1917 г. в Минусинске состоялся первый съезд учителей уезда, 20–22 июня 1917 г. – второй съезд. Хакасия на этих съездах была представлена делегатами П. Е. Барашковым, Т. П. Бурнаковым, А. А. Петуховой-Тудояковой, А. Перепелкиной, В. В. Спириным, К. С. Тодышевым, Н. П. Тодышевой, В. А. Танзыбаевым, М. К. Тангзызовым, Е. И. Кусургашевым, М. И. Веселовой-Ултургашевой, А. Г. Штыгашевым и др. [4, с. 18].

На втором съезде были рассмотрены и приняты решения по некоторым вопросам реформы школ. В начальной школе отменили преподавание церковнославянского языка, а также плату за обучение. Было рекомендовано в украинских школах вести преподавание только на родном языке. В принятом постановлении указывалось, что «для инородческих школ, не имеющих своей азбуки, необходимо составить ее, а также немедленно начать составлять первые книги для чтения на родном языке, при местной Минусинской учительской семинарии с сентября 1917 г. учредить особую кафедру инородческого языка». Из лучших учителей уезда был основан институт учебных инструкторов в составе И. И. Аланова, А. З. Назарова, А. Е. Скобелева, И. Н. Катанова, Н. Д. Кузьмина, И. Г. Шутилова и И. Я. Чибизова. Объявлялась автономия школ, что предполагало осуществление руководства учебными заведениями на принципах самоуправления Советами, куда входили бы представители педагогического коллектива, родители

и ученики. Любое партийное вмешательство в школьные дела не допускалось. Также был создан учительский съезд чести [4, с. 19].

Таким образом, накануне октября 1917 г. учительство было самым политически активным слоем общества. Этому способствовал характер деятельности учителей, направленный на воспитание молодежи в духе христианских традиций и добродетелей. Сильный отпечаток на сознание учительства наложила многолетняя народническая пропаганда, содержавшая проповедь бескорыстного служения народу. Поэтому неслучайно из среды учительства вышли лидеры общественно-политических организаций Н. И. Окунев, М. И. Райков и другие.

После октября 1917 г. учителя решили войти в деловые отношения с местными советами. Соглашение между учительством и советом разрабатывалось на основе автономии школы. С 15 мая 1918 г. все уволенные учителя были восстановлены на работе с выплатой заработной платы за вынужденные прогулы.

8 мая 1918 г. в с. Усть-Есь состоялось совещание учителей Хакасии. Оно проходило согласно решениям Аскизского инородческого съезда от 14 марта 1918 г. Хакасской степной думы, второго съезда учителей Минусинского уезда. Это совещание явилось первым съездом учителей Хакасии. На съезде присутствовали 13 делегатов от 9 школ: Д. Азбукина, Т. Бурнаков, М. Боташева, М. Барашева, В. Курагина, В. Окунев, Г. Отыргашев, А. Потемкина, К. Самрин, К. Тодышев, К. Худяков, П. Штыгашев; представитель от Хакасской стеновой думы и правления Минусинского учительского союза И. В. Барашков. Председателем съезда был избран В. Окунев, секретарем – В. Курагина.

На совещании рассматривались следующие вопросы: введение преподавания в школах на хакасском языке, создание специальной комиссии по составлению учебников и пособий, открытие на базе школ общежитий с ночлегом и горячей пищей для детей окрестных селений за счет государства, повышение материального уровня педагогов. Обсудив ситуацию захвата Советами школьных зданий, имущества, делегаты оставили данный вопрос открытым [4, с. 31].

Важную роль в развитии национальных школ сыграл съезд работников просвещения

национальностей Сибири, проходивший в Новосибирске после гражданской войны. Съезд рекомендовал срочное открытие в национальных районах школ I и II ступеней с преподаванием на родном языке.

Необходимо отметить, что практически всё учительство Хакасии перешло на сторону советской власти. Профессиональную деятельность в годы Советской власти продолжили учителя Т. Бурнаков, А. Романова, М. Псарева, Н. Толстихин, К. Тодышев, П. Штыгашев и другие. Анализ педагогического стажа учителей Хакасии во второй половине 1920-х гг. показал, что из 117 учителей 26 имели стаж работы более 15 лет, то есть они получили педагогическое образование еще до революционных событий 1917 г. [4, с. 39].

В марте 1921 г. в г. Красноярске хакасская интеллигенция, проходившая обучение на разных курсах, неоднократно ставила вопрос о создании хакасской письменности на основе русского алфавита. Было решено создать комиссию по выработке азбуки и учебников, в состав вошли Тодышев, Райков, Шулбаев, Итыгин, Кузьмин, Милецкая, Инородцев и Кызласов [7, с. 27–28]. Подобная практика уже была, ведь первый алфавит хакасского языка на основе русской графики был составлен еще в 60-е годы XIX в. академиком В. В. Радловым. Н. Ф. Катанов при исследовании разнообразных диалектов тюркских народов использовал алфавит хакасского языка на основе русской графики [2, с. 63].

В связи с образованием уезда был вновь поставлен вопрос о создании хакасской письменности. 25 апреля 1924 г. Енисейский губернский отдел народного образования принял решение о создании хакасской письменности. На основании этого документа и распоряжения губернского отдела народного образования от 24 июня 1924 г. приказом Хакасского уревкома от 4 сентября 1924 г. при уездном отделе народного образования была утверждена специальная комиссия по созданию хакасской письменности. В ее состав вошли К. К. Самрин, С. И. Кузургашев, К. С. Тодышев, П. Т. Штыгашев, И. М. Киштеев, М. И. Райков. Председателем комиссии был утвержден Георгий Игнатьевич Итыгин [6, с. 147]. Комиссия должна была составить алфавит и написать учебники для 1–2 классов с тем, чтобы в 1925–1926 учебном году

начать обучение в национальных школах на родном языке. Это было трудное и ответственное задание.

Позднее в состав комиссии включили опытного учителя Анания Тимофеевича Казанакова, который окончил Бийское катехизаторское училище, учился в Томском учительском институте. В 1908–1917 гг. работал учителем в Усть-Анзасской школе Кузнецкого уезда, в 1917–1920 гг. в аппарате Мрасского волисполкома, затем учителем Матурской школы [6, с. 149].

Уже на первом съезде Хакасского уезда (7–12 ноября 1924 г.) комиссия отчиталась о создании хакасского алфавита. К. С. Тодышев выступил с докладом о состоянии культуры хакасского народа. На втором съезде Хакасского уезда (23–27 марта 1925 г.) К. С. Тодышева избрали членом уездного исполнительного комитета⁴.

1 августа 1925 г. Георгий Игнатьевич Итыгин пишет объяснительное письмо по поводу ситуации с учебниками. «Уже 1-я книга букваря написана Т. Казанаковым и задачник Самриным. Обе они у меня в руках, но Тодышев еще не сдал свой букварь» [7, с. 15]. Органы ОГПУ предложили К. С. Тодышеву внести некоторые исправления в уже подготовленный букварь.

Несмотря на трудности, комиссия успешно справилась с поставленными задачами. В июне 1925 г. рукописи учебников были представлены в Москву в Центральное книжное издательство народов СССР. В апреле 1926 г. вышла в свет для детей небольшая брошюра «Кічиг пионер, тимде пол!» («Юный пионер, будь готов!»). Это была первая ласточка хакасской литературы. Осенью 1926 г. Хакасия получила учебники на хакасском языке, написанные хакасскими авторами. Составителем букваря «Хакастың иң пастап үгренир пічии» был К. С. Тодышев. Книга вышла тиражом в 3 тыс. экземпляров. Книгу для чтения «Хакастарның школазы» составил Ананий Тимофеевич Казанаков, а автором «Арифметики» был Константин Константинович Самрин [6, с. 150].

Создание хакасской письменности, появление первых книг явилось важным событием в культурной жизни Хакасии. Кирилл Семенович

⁴ Устный доклад Белоглазова П. Я, с.н.с. сектора хакасского языка ХакНИИЯЛИ, 14.05.2014 г. Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ.

Тодышев работал в составе комиссии и возглавлял школу в с. Райково (1923–1930 гг.). В 1928 г. издается его второй учебник «Ўгрэннелер» («Будем учиться»), сохранившийся в библиотеке ХакНИИЯЛИ. Подробный анализ этого учебника сделал профессор В. Г. Карпов в своей работе «Хакасский язык: проблемы и перспективы развития» [8, с. 227–228].

В период коллективизации семья Тодышевых была раскулачена, в том числе и братья Владимир, Петр, Устин (Прокопий) были сосланы в Томскую область [4, с. 366]. Был вынужден уехать из Хакасии Кирилл Семенович с женой и сыном, они были высланы в г. Черемхово Иркутской области [9, с. 199].

В 1937 г. К. С. Тодышева повторно репрессировали. «В целях грамотного использования педагогических кадров» его направили на работу в начальную школу колхоза «Решающий» Удерейского района Красноярского края⁵. В июне 1941 г. его сын Леонид был призван в армию, в 1943 г. он погиб.

О последних годах жизни К. С. Тодышева написала его ученица М. С. Чертыкова: «Поселение было интернациональным, и Кирилл Семенович одинаково любил всех детей: русских, татар, чувашей, мордву, финнов. И не только любил – помогал им не забыть родной язык и культуру, не стесняться быть представителями «малых» народов в русскоязычной среде. По настоянию учителя дети на школьных утренниках выступали с песнями, стихами на родном языке. Это было очень важно и своевременно. Любимый учитель понимал, как необходимо развить трудовые навыки детей не только на уроках, но и дома, и на совхозном поле. Вместе с ними копал картофель; помогал совхозной конторе в составлении отчетности, с оформлением документов» [10, с. 168].

В августе 1945 г. Кирилл Семенович был освобожден от работы по состоянию здоровья. В конце 1945 г. они с супругой Наталией Пименовной вернулись в Красноярск. К. С. Тодышев умер 7 января 1947 г.

Кирилл Семенович Тодышев – яркий представитель дореволюционной интеллигенции

⁵ Тодышев Ю. К. С. Тодышев – выдающийся просветитель Хакасии // Аскизский труженик Хакасии. 2017. 9 февраля. С. 5.

хакасского народа, сыгравший важную роль в просветительской деятельности хакасского народа.

Литература

1. Патачаков К. М. Первые школы в Хакасии // Ученые записки. Вып. XIII. Серия историческая, № 1. Абакан: Хак. отд. Красноярского книж. изд-ва, 1969. С. 168–178.
2. Мохов А. Н., Мохова Л. А. Краткие очерки народного образования Хакасии. Абакан: Хак. книж. изд-во, 2009. 209 с.
3. Мамышева Е. П. К. С. Тодышев (1892–1947) – просветитель, общественный деятель Хакасии // Европейский журнал социальных наук. № 9 (36). Т. 3. М., 2013. С. 363–370.
4. Данькина Н. А. Интеллигенция Хакасии в конце XIX – 30-е годы XX века. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2004. 128 с.
5. Кызласов Роман Афанасьевич: к 110-летию со дня рождения: дневник (сентябрь 1920 – январь 1924) / сост. В. Н. Тугужекова. Абакан: ООО «ДиалогСибирь-Абакан», 2007. 113 с.
6. Патачаков К. М. К истории создания хакасской письменности // Ученые записки. Выпуск XII. Абакан: Хак. отд. Красноярского книж. изд-ва, 1966. С. 146–151.
7. Письмо председателя Хакасского уездного исполкома г. Итыгина уполномоченному Хакасским ОГПУ о букваре Тодышева. 1 августа 1925 г. // Хакасское книжное издательство (1925–2001). Сборник архивных документов. Абакан: Хак. книж. изд-во, 2008. С. 15.
8. Карпов В. Г. Хакасский язык: проблемы и перспективы развития. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2007. 260 с.
9. Борисова О. Е. К. С. Тодышев – один из создателей Хакасского краеведческого музея // Межрегиональная научная конференция, посвященная 120-летию со дня рождения А. Н. Липского. Абакан: Хак. книж. изд-во, 2011. С. 196–200.
10. Чертыкова М. С. Кирилл Семенович Тодышев: последние годы жизни // Ежегодник института саяно-алтайской тюркологии. Выпуск I. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 1997. С. 168–170.

СВЕРЖЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ГОРНОМ АЛТАЕ В ИЮНЕ 1918 Г.

М. С. КАТАШЕВ

УДК 94(47).084.6

В статье на основе доступной автору литературы и архивных источников предпринята попытка восполнить картину событий в Горном Алтае, связанных с началом Гражданской войны. Освещена позиция руководства Каракорум-Алтайской управы в июне 1918 г. Показаны основные силы, сыгравшие значимую роль в свержении Советской власти в Горном Алтае.

Ключевые слова: Горный Алтай, Каракорум-Алтайская управа, чехословацкое выступление, офицерские группы, областничество, Красная гвардия.

THE OVERTHROW OF SOVIET POWER IN THE GORNY ALTAI IN JUNE 1918

M. S. KATASHEV

In the article, based on the literature and archive sources available to the author, an attempt was made to fill the picture of events in the Mountainous Altai connected with the outbreak of the Civil War. The position of the leadership of the Karakoram-Altai government in June 1918 was highlighted. The main forces that played an important role in overthrowing Soviet power in the Altai Mountains are shown.

Key words: Mountainous Altai, Karakoram-Altai government, Czechoslovak rebellion, officer groups, regionalism, Red Guard, Satunins rebellion.

Гражданская война занимает особое место в истории Горного Алтая. Вооруженное противостояние на его территории между разными группами населения начало разворачиваться весной-летом 1918 г. и продолжалось до осени 1922 года, дважды прерываясь на некоторое время в результате победы одной из противоборствующих сторон (с августа 1918 по сентябрь 1919 гг. и с апреля 1920 по сентябрь 1921 гг.). На разных этапах вооруженного конфликта боевые действия протекали по всей территории региона, оставляя след в самых отдаленных его уголках.

Начальный этап гражданской войны в Горном Алтае получил достаточно подробное освещение в отечественной историографии. Среди работ советского периода следует выделить исследования В. А. Демидова [1; 2]

и С. Я. Пахаева [6; 7]. Названные авторы придерживались классового подхода, однако несомненным достоинством их трудов является привлечение широкого комплекса архивных источников. В результате достаточно подробно представлена реконструкция событий мая-июня 1918 г., происходивших в Горном Алтае. Авторы большое внимание уделили характеристике тех сил, которые сыграли решающую роль в антибольшевистском перевороте – речь идет о политическом руководстве Каракорума из числа национальной алтайской интеллигенции и представителей офицерства. В целом же в советской историографии утвердилась точка зрения, что Каракорум-Алтайская управа большей частью выражала интересы байско-кулацких слоев, и это объективно привело ее в лагерь

антибольшевистских сил во время чехословацкого переворота.

Открытие ранее засекреченных архивов в начале 1990-х гг. дало возможность широко и полно рассмотреть эту тему. Это позволило скорректировать устоявшиеся взгляды, шире представить позицию Каракорума во взаимоотношениях с Советами и мотивы перехода его руководства на сторону антибольшевистских сил. В 1990 – 2000-е гг. появились работы, непосредственно посвященные Горному Алтаю. Деятельность Каракорума, по представлению многих исследователей, представляла собой национально-освободительное движение с общедемократическими требованиями.

Противоречивое положение председателя Каракорумской управы Г. И. Гуркина между двумя противоборствующими силами – большевистской властью и офицерскими группами – отмечал биограф Г. И. Гуркина искусствовед В. И. Эдоков. В своей последней монографии ученый на основе материалов УФСБ РА показал сложные взаимоотношения Г. И. Гуркина и представителей офицерской среды [8]. В работе Н. И. Иванцовой четко выражена мысль о том, что социально-экономические преобразования, осуществлявшиеся Каракорумом, носили буржуазно-демократический характер [4, с. 55].

Сходная точка зрения представлена в монографии Н. А. Майдуровой. С привлечением новых архивных документов автором представлена картина противостояния Каракорумской управы и Бийского Совдепа в мае 1918 г. По мнению исследователя, решение вопроса национально-административного самоопределения всегда оставалось главной целью лидеров Каракорума. Непонимание Бийским Совдепом специфики Горного Алтая привело к конфликту с Каракорумом. Как отмечено исследователем, симпатии национальной алтайской интеллигенции идеям областничества и эсеров объективно способствовали переходу Каракорума на сторону антибольшевистских сил [5, с. 104]. В данной статье предпринята попытка восполнить уже описанную в историографии картину событий в Горном Алтае в момент падения Советской власти, с включением ранее не публиковавшихся архивных материалов.

Весной 1918 года Россия стояла на пороге масштабной гражданской войны. В Горном Алтае, как и по всей стране, напряженность в обществе достигла своей остроты в противостоянии в апреле–мае 1918 г. с большевиками в лице Бийского совдепа. Во второй половине мая дважды имели место боевые столкновения между отрядами Красной гвардии из Бийска и с. Шебалино с военными отрядами Народной гвардии Каракорума в селах, где красногвардейцы пытались проводить «реквизиции» и аресты населения. При содействии комиссара Зап-СибСовдепа Г. К. Соболевского конфликт был улажен. Однако к суду привлекалось большое количество сторонников Каракорума, на которых возлагалась вина за происшедшие события.

Клету 1918 г. в Горном Алтае сорганизовались антибольшевистские силы. Руководители Каракорума из числа национальной алтайской интеллигенции уже испытали разочарование от опыта взаимодействия с советской властью, которая не оправдала их чаяния в решении вопроса о национальном самоопределении Горного Алтая. К тому же по своим политическим предпочтениям лидеры национальной алтайской интеллигенции были далеки от идей большевизма. В отечественной историографии утвердилось мнение о том, что Г. И. Гуркин и его сподвижники стояли на позициях областничества, придерживались позиции партий социалистической и демократической направленности, в первую очередь эсеров. И это вполне объяснимо, поскольку старшие товарищи и учителя политических лидеров Каракорума являлись видными представителями областнического движения. Например, с выдающимся ученым и лидером сибирских областников Г. Н. Потаниным Г. И. Гуркин состоял в постоянной переписке.

Предшественница Каракорумской управы – Алтайская горная Дума – в 1917 году взаимодействовала с представителями партии эсеров по вопросу выборов в Учредительное собрание. Кандидатом от алтайского населения стал эсер М. Б. Шатилов, выдвиженец от Алтайской горной думы. Население Горного Алтая на выборах в Учредительное собрание отдало предпочтение партии эсеров [5, с. 61].

Национальная алтайская интеллигенция оказалась в роли политических лидеров

антибольшевистского лагеря. Другой его группой являлись офицерство, которое представляло собой реальную силу, было организовано, его представители хорошо знали военное дело. Офицеры старой армии в большом количестве оказались в Горном Алтае после повсеместного установления в Сибири советской власти. Они начали прибывать сюда уже в марте 1918 года. До них доходили слухи, что Каракорумский округ представлял собой островок «стабильности», где не было Советов рабочих и солдатских депутатов и офицеры не подвергались преследованиям. Ввиду недостатка кадров и просто грамотных людей офицеры работали в управе в качестве служащих на различных должностях.

Вооруженные столкновения с бийскими красногвардейцами в мае 1918 г. и разбирательство над виновными представляли серьезную угрозу для каракорумцев – активных участников этих событий и побудили их предпринять активные действия по организации переворота. Об этом, в частности, девять с половиной лет спустя говорил на допросе ленинградским сотрудникам ОГПУ бывший командир каракорумской гвардии прапорщик В. Залесский. По его воспоминаниям, к тому времени из Бийска после неудачной попытки мятежа прибыла группа офицеров в составе 5-6 человек, усилив офицерское сообщество в Улале¹. От бийских военных их «коллеги» в Горном Алтае узнали о чехословацком выступлении и восстании, которое расширилось по всей Транссибирской магистрали.

Все эти события вынуждали офицерство к организации переворота, о чём они уже открыто говорили в неофициальной обстановке. Был выдвинут лозунг «Вся власть Учредительному собранию». При этом офицеры скрывали свои цели от Г. И. Гуркина, который, по мнению военных, не играл ведущей роли в Каракорумской управе, хотя являлся ее председателем². Позже Г. И. Гуркин старался подчеркнуть свою главную роль в свержении советской власти в Горном Алтае. Месяц с лишним спустя он заявлял

¹ В настоящее время г. Горно-Алтайск, административный центр Республики Алтай.

² Ранее опубликовано: Эдоков В. И. Возвращение мастера. Фонд им. С. С. Суразакова. Горно-Алтайск: «Чаптыган», 1994. с. 119; Архивный фонд УФСБ РА (АФ УФСБ РА). Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 83, 84, 87 об., 88.

губернским властям: «Управа берет на себя смелость сказать, что если бы она не согласилась на выступление за Временное Сибирское правительство, то выступление небольшой инициативной группы (четыре человека) общественных работников безусловно было бы обречено на неудачу, так как алтайцы не доверяют неизвестным людям, а группу же эту на Алтае никто не знает, на призыв их никто бы не откликнулся» [2, с. 66]. Вместе с тем, по признанию одного из организаторов переворота, прапорщика В. Залесского, «после переворота национальные группы оказались в стороне и их ожидания самостоятельности были жестоко обмануты, так как власть осталась в руках пришлых офицерских групп»³.

Успех переворота был невозможен без серьезной материальной поддержки. По данным Г. З. Иоффе, который опирается на свидетельства генерала А. Н. Гришина-Алмазова, в Сибири деньги для подпольных офицерских групп предоставляла кооперация [3, с. 65]. Аналогичная ситуация наблюдалась и в Горном Алтае, здесь работу по привлечению денежных средств через служащих Каракорума осуществляли сотрудники кооперативных обществ: Горно-Алтайского Союза и Бийского кредитного Союза. Кроме того, члены кооперативных организаций активно занимались подпольной работой: писали антибольшевистские воззвания на пишущей машинке, проводили собрания, на которые собирались до 100 человек. Выделялись немалые средства: Горно-Алтайский Союз, Бийский кредитный Союз, Районный кожевенный Комитет выделили заговорщикам 200 тысяч рублей для покупки оружия и провианта⁴.

В Горном Алтае тем временем из числа служащих Каракорума был подпольно сформирован т. н. «Военно-революционный комитет», председателем которого стал подполковник Е. М. Катаев. В задачу комитета входило руководство военными операциями против сторонников советской власти. В ходе переговоров с главой Каракорумской управы в состав комитета вошли Г. И. Гуркин и В. К. Манеев [2, с. 66].

³ Ранее опубликовано: Эдоков В. И. Указ. соч. с. 119; Архивный фонд Управления Федеральной службы безопасности Республики Алтай (АФ УФСБ РА). Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 88 об.

⁴ АФ УФСБ РА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 78.

Почва для антибольшевистского выступления была подготовлена. На фоне успехов чехословаков Каракорум 8 июня 1918 г. признал себя подчиненным Временному Сибирскому правительству [9, с. 45]. На следующий день по распоряжению Каракорумской управы в Улале был устроен торжественный колокольный звон, в церквях и монастыре отслужили молебны, звучали лозунги: «Да здравствует Временное сибирское правительство, избранное Сибирской областной думой!», «Долой узурпаторов-большевиков!» [2, с. 66]. Позже в докладе Алтайскому губернскому земскому собранию от 11 июля 1918 г. Г. И. Гуркин, оправдывая вынужденное сотрудничество Каракорума с советской властью весной 1918 года, недвусмысленно выразил свое истинное отношение к ней и к большевизму: «...когда Советская власть, разрушая всё, не создала ничего и эта разруха уже докатывалась до гор Алтая, чтобы спасти Алтай от надвигающейся большевистской разрухи, Съезд должен был выйти из обще-земских рамок и это нужно ставить не в вину, а в заслугу» [9, с. 44, 45].

Практическим решением, направленным на прямое противодействие вооруженным силам красных, стала организация вооруженных отрядов для ликвидации в Горном Алтае волостных советов и восстановления земств. После переворота Улала была наполнена добровольцами из числа крестьян близлежащих инородческих волостей, желающими вступить в каракорумскую гвардию. Формированием таких отрядов на территории Каракорумского округа занялись находившиеся на службе в управе офицеры: подпоручик Лукашевич, прапорщики В. А. Залесский, А. Любимцев, бывший сотник тыловых «инородческих» рабочих батальонов М. П. Чевалков и др. Командный состав пополнился офицерами во главе с поручиком Золотаревым, прибывшими из г. Бийска⁵.

Разбившись на небольшие конные группы по 15–20 и по 8–10 человек, отряды Каракорума разъехались по всем селам Горного Алтая, ликвидируя Советы и комитеты бедноты. Приказом Военно-революционного комитета был арестован комиссар ЗапСибСовдепа Г. К. Соболевский. Для его собственной безопасности он был

⁵ АФ УФСБ РА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 78.

помещен в земскую тюрьму, а затем спешно доставлен в г. Бийск, поскольку «движение стало принимать формы, выходящие за рамки законности»⁶.

Разгон советов сопровождался жестокими мерами со стороны руководителей военных отрядов. В Шебалино, где были наиболее сильны позиции большевиков, начал работу Военно-полевой суд, его председателем стал подпоручик Лукашевич⁷. В этом селе после разгона Совдепа и ликвидации местного красногвардейского отряда было расстреляно около 20 человек за большевистские взгляды⁸. Власть на местах зачастую переходила к офицерам, которые производили скорый суд в селениях. Нередко это сопровождалось фактами насилия к «подозреваемым» за сочувствие к большевикам [2, с. 67].

Распространение подобных эксцессов вынудило одного из командиров таких военных команд, прапорщика Залесского (который после переворота был переведен с должности начальника каракорумской гвардии), написать рапорт начальнику Военно-революционного комитета подполковнику Катаеву с просьбой об отзыве своей группы в Улалу. Офицер объяснял это отсутствием дисциплины в отряде, который в итоге был возвращен обратно⁹.

Одновременно предпринимались меры по ликвидации отступавших шебалинских красногвардейцев В. И. Плетнева. После боев с чехословаками под Новониколаевском и станции Алтайской отряд возвращался в Горный Алтай. Красногвардейцы В. И. Плетнева предприняли действия для ликвидации мятежа в волостном центре – селе Алтайском¹⁰. Повстанцы, укрепившие свои силы каракорумским отрядом штабс-капитана Макарова, тем не менее, были разбиты 13 июня 1918 г. опытными и обстрелянными бойцами В. И. Плетнева [2, с. 73, 74]. Чтобы обезопасить Улалу от красногвардейцев, Военно-революционный комитет послал в Алтайское отряд штабс-капитана

⁶ АФ УФСБ РА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 84.

⁷ АФ УФСБ РА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 87.

⁸ АФ УФСБ РА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 502. Л. 58 об.

⁹ АФ УФСБ РА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 87 об.

¹⁰ Ныне административный центр Алтайского района Алтайского края.

Рождественского¹¹. Снабжение отряда осуществлялось за счет средств Алтайской волостной земской управы. «На ликвидацию плетневской банды» Каракорумом было занято 2000 рублей, из которых израсходовано 350 рублей, о чём позже отчитывался перед Президиумом Каракорум-Алтайской управы ее служащий Г. М. Токмашев¹².

Между тем ситуация для советской власти складывалась катастрофически: 15 июня под контроль вооруженных подразделений чехословацкого корпуса и Сибирской армии перешел Барнаул, а 20 июня – Бийск. При отступлении из Бийска группа партийных и советских работников во главе с председателем Бийского Совдепа З. Я. Двойных были пленены каракорумским отрядом в районе с. Березовка. К концу июня 1918 г. Омская, Семипалатинская, Томская, Алтайская губернии уже полностью находились в руках Временного Сибирского правительства.

В условиях, когда советская власть была свергнута повсеместно, В. И. Плетнев вынужден был отказаться от похода на Улалу и решил идти в Шебалино, численность его отряда, пополненная за счет добровольцев, составляла около 350 человек. Для ликвидации отряда Плетнева было задействовано до 400 конных бойцов сил Временного Сибирского правительства и Каракорума [2, с. 74, 75]. Отступив в Горный Алтай и оказавшись в районе Семинского перевала в окружении, руководители красногвардейцев вынуждены были распустить отряд [6, с. 109].

Итак, приведенный материал в целом подтверждает выводы исследователей данной темы. Поддержка руководителями Каракорума противников большевиков в июне 1918 г. была объективно обусловлена рядом обстоятельств, которые проистекали из политической обстановки предыдущих месяцев. Негативный опыт взаимоотношения Каракорума с Бийским совдепом вызывало у лидеров национального алтайского движения недоверие к советской власти. Нежелание бийских большевиков признать национально-территориальное самоопределение алтайцев в итоге побудило Каракорум решительно перейти на сторону антибольшевистских

сил. Г. И. Гуркин, как и многие лидеры Каракорумской управы, был близок по духу именно представителям российской демократии, которая сыграла активную роль в вооруженном выступлении против советской власти. Значительную материальную поддержку в организации переворота внесли кооперативные организации Бийского уезда. Решающую же роль в свержении советской власти в Горном Алтае сыграли представители офицерской среды.

Литература

1. Демидов В. А. К социализму, минуя капитализм. Новосибирск: Изд-во СО «Наука», 1970. 224 с.
2. Демидов В. А. От Каракорума к автономии: Пособие к спецкурсу. Новосибир. ун-т. Новосибирск: РИО НГУ, 1996. 156 с.
3. Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и ее крах. М.: Мысль, 1983. 294 с.
4. Иванцова Н. Ф. Горный Алтай в октябре 1917 – июне 1918 гг. // История Горного Алтая. Часть 2. Горный Алтай в 1917–1940 гг. Горно-Алтайск: РИО «Универ-Принт», 1995. С. 24–56.
5. Майдурова Н. А. Горный Алтай в 1917 – первой половине 1918 гг. (От Горной думы к Каракоруму). Горно-Алтайск: РИО «Универ-Принт» ГАГУ, 2002. 188 с.
6. Пахаев С. Я. Горный Алтай накануне массового партизанского движения (июнь 1918 год – июль 1919 год) // Ученые записки ГАНИИЯЛ. Вып. 4. Горно-Алтайск: Горно-Алт. книжн. изд-во, 1961. С. 106–130.
7. Пахаев С. Я. Контрреволюционная роль Каракорум-Алтайской окружной управы в годы Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны // Вопросы истории Сибири. Томск, 1965. Вып. 2. С. 125–137.
8. Эдоков В. И. Возвращение мастера. Фонд им. С. С. Суразакова. Горно-Алтайск: «Чаптыган». 240 с.
9. Святогорье. История Республики Алтай в документах Центра хранения Архивного фонда Алтайского края. XVII – начало XX веков. Горно-Алтайск, 2000. 231 с.

¹¹ АФ УФСБ РА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 87 об.

¹² АФ УФСБ РА. Ф. 2. [без указания описи] Д. 2. Л. 61.

«РЕВНОСТЬ К ГОРОДУ». ОТНОШЕНИЕ ЕНИСЕЙСКИХ КРЕСТЬЯН К ГОРОЖАНАМ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г. И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

А. П. ШЕКШЕЕВ

УДК 94(47).084.3

В данной статье автор на материалах Приенисейской Сибири освещает взаимоотношения между обитателями города и деревни. Показывая одну из особенностей крестьянского мировосприятия, он делает вывод о том, что события революции и Гражданской войны были спровоцированы еще и влиянием архаизации деревенской психологии, настроениями враждебности, которые испытывали к горожанам многие ее носители. Так называемая «ревность к городу» неоднократно воплощалась в конкретику и способствовала разложению партизан.

Ключевые слова: большевики, город, грабежи, деревня, крестьяне, мародерство, партизаны, Советская власть, убийства.

«JEALOUSY TO THE CITY». THE ATTITUDE OF THE YENISEI PEASANTS TO CITIZENS DURING THE REVOLUTION OF 1917 AND THE CIVIL WAR

A. P. SHEKSHEEV

In this article the author on materials of the Yenisei region of Siberia illuminates the relationship between the inhabitants of towns and villages. Featuring one of the peculiarities of the peasant worldview, he concludes that the events of revolution and Civil war were provoked and the influence of archaizing village psychology, moods of hostility which had for many of its citizens media. The so-called "jealousy" repeatedly incarnated into specifics and contributed to the expansion of the guerrillas.

Key words: Bolsheviks, city, robbery, village, peasants, looting, partisans, the Soviet regime, murder.

Вызреванию революционной ситуации 1917 г. способствовали сложные взаимоотношения города и деревни, корни которых лежали в особенностях образа жизни и менталитета их населения. Отмечая присущий крестьянам более простой сравнительно с горожанами, медленный и созвучный природе строй и ритм жизни, а также их спокойную уравновешенность, здравый рассудок и основательность знаний, известный

социолог и культуролог считал деревню оплотом порядка, консерватизма, носителем и хранителем национальных черт и традиций, центром, где создавалась и накапливалась нервная энергия общества [1, с. 10, 12, 14].

Но под воздействием всё усложнявшихся отношений с окружающим миром и тягот германской войны деревня всё чаще демонстрировала откат по многим показателям

социально-экономического развития и падению нравов своих обитателей. Зачастую повседневная жизнь енисейских крестьян была «нудной и тягучей», наполненной проявлениями невежества, пьянства и хулиганства. К примеру, молодежь одного из минусинских сел, отмечая Михайлов день, устроила побоище с использованием стягов и камней. В отсутствие врачей в ряде волостей распространенными были детские заразные болезни и малярия, от которых крестьяне лечились собственными средствами и, в частности, заговорами. В результате население Минусинского уезда подверглось заболеванию оспой, унесшему 5 тыс. жизней. В старообрядческом селении мужики вдруг начинали сквернословить, а семнадцатилетние девицы успевали по три раза сходить замуж. Кое-где, несмотря на большое количество детей соответствующего возраста, открытие школ постоянно откладывалось, а позднее крестьяне, случалось, отказывались от их содержания. С войной в деревню пришла жажда наживы. В ущерб собственным запасам многие крестьяне везли на продажу в города дрова, сено, гусей, поросят и яйца и нередко, искушенные городскими соблазнами, оставались без продуктов и денег¹.

Город в этих условиях утрачивал свое значение распространителя ценностей европейской цивилизации и поставщика в деревню промышленных товаров, ибо и сам испытывал в них существенный недостаток. Начиная с лета 1916 г. в Енисейской губернии стали наблюдаться перебои с поставками населению промышленных товаров, в частности сахара и керосина. Торговля ими, сдерживаемая купцами, приняла нормированный характер. Обслуживаемое обществами потребителей, население перебивалось, приобретая по 1–3 фунта (0,4–1,2 литра) керосина в неделю, а прочее – покупало его у спекулянтов по высокой цене. С января 1917 г. из обихода стала исчезать и мануфактура².

Приспособившись к тяжелому хозяйствованию, крестьяне традиционно не испытывали уважения к лицам, неспособным к физической

¹ Труд. 1916. 18, 21 сентября, 21, 27 октября, 12 ноября; 1918. 27 октября.

² Труд. 1916. 3, 17 сентября, 27 октября; 1917. 20, 21 января; Свободная Сибирь. 1917. 15 ноября.

работе. В деревенской среде всё более стал распространяться социально-психологический феномен, названный в источниках и исследованиях «ревностью к городу» и подстегиваемый общей неприязнью к «господам» и «белоручкам». Эти настроения рассматривались, например, А. М. Горьким в качестве определяющей черты психологического состояния русского крестьянства, которое, в силу своей «дикости», постоянно опасалось города как обманщика и не прочь было его уничтожить.

Несколько иной взгляд на природу враждебного отношения деревни к городу высказал один из сибирских историков. По его мнению, проявление неприязни не только было обусловлено «темнотой» ее обитателей, но и являлось их своеобразной реакцией на нарушение социальной справедливости, бюрократизм, реальные противоречия в экономических отношениях города и деревни, а также свидетельством роста под влиянием революции крестьянского самосознания [2, с. 45–47].

Согласно сообщению другого исследователя, от города исходило пренебрежительное стремление подчинить крестьян своим потребностям, стилю поведения и покровительственное отношение к любой их инициативе. Деревня же с развитием капитализма, испытывая к городу слабо завуалированную злость, ненависть и зависть, проявляла эти чувства двояко: с одной стороны, она нередко пыталась изолироваться от городской жизни, с другой, – интуитивно стремилась занять свою нишу в городской – «легкой», как представлялось крестьянам, жизни [3, с. 348].

Вследствие того, что местная промышленность в Енисейской губернии была сравнительно неразвита и внутренний рынок имел небольшую емкость, город для крестьянства являлся не столько местом рыночных отношений, сколько торговым посредником [4, с. 78–79]. Власти так и не смогли решить проблему вывоза плодов крестьянского труда за пределы губернии и организовать их эквивалентный обмен на промышленную продукцию. Поэтому зачастую сознание крестьян разрывалось между идеалом безвластия и признанием необходимости не очень «дурной» городской власти [5, с. 114].

С началом революционных событий 1917 г. енисейские крестьяне высказались в поддержку новой власти не только на словах. К маю в деревне были заготовлены для нужд армии и населения 47 тыс. пудов пшеницы, 510,7 – ржи и 729,8 – овса. Крестьяне Ачинского уезда летом того же года подготовили к вывозу до 2 млн. пудов сена³.

В то же время доминирующим настроением в деревне было недоверие к посторонним. Крестьяне опасались чужих лиц, но более всего – представителей интеллигенции, много говоривших и обещавших. По этой причине инициатива создания в деревне крестьянских союзов, исходившая прежде всего от революционной демократии, в сущности не нашла широкой поддержки ее населения [6, с. 292; 7, с. 72].

С преступностью, часто распространявшейся из города, деревня, стремившаяся жить по своим законам, боролась, используя самосуды. Так, летом 1917 г. жители с. Агинское Канского уезда задержали по подозрению в конокрадстве четырех мужчин, трех женщин и семилетнего мальчика цыганской национальности, которых по постановлению схода расстреляли. В д. Базаиха под Красноярском были обнаружены трупы двух солдат и неизвестного⁴ [8, с. 139, 205].

Но уже осенью 1917 г., в связи с общим падением экономики, обеспечение населения товарами резко ухудшилось. В Красноярске продажа мануфактуры стала осуществляться через пропускную систему. 12 октября у лавки общества «Самодетельность» образовался небывалый хвост покупателей, сдерживаемых вооруженными солдатами. Тысячная толпа, в основном женщин, осаждала и магазины. Дефицит обуви вызвал «психоз наживы» у местных сапожников. Накануне холодов в пригородах стал вырубаться лес на дрова. 10 ноября в Красноярске думские гласные с целью экономии угля и керосина постановили перевести часы на один час назад. В то же время среди городских обывателей распространилась «эпидемия маскарадов»⁵.

³ Голос народа. 1917. 6 мая, 11 июня.

⁴ Свободная Сибирь. 1917. 7 июля.

⁵ Голос народа. 13, 14, 29 октября; Свободная Сибирь. 1917. 2 ноября; 15 ноября.

Продовольственный кризис обусловил развитие спекуляции. Наблюдалось «нашествие» спекулянтов в селения Красноярского уезда, которые приобретали у населения продукты, а потом продавали их в губернском центре. В самом городе спекулянты, прибывшие из Самары и Томска, скупали чай, махорку и муку. Поощряемые данной ситуацией, крестьяне подняли цены на продукты и создали спекуляцию «огромных размеров». «Небывалым» являлся и обмен, осуществляемый ими, например, фунта масла, тарелки домашнего сыра на три аршина ситца и стеариновую свечу⁶.

Поэтому общим для крестьян при смене политического режима явилось ожидание от новой власти не столько всяческих послаблений, сколько активной поддержки путем предоставления промышленных товаров. К примеру, выступая на Красноярском уездном крестьянском съезде (декабрь 1917 г.), представитель Сухобузимской волости жаловался на «неправильные» отношения между городом и деревней: мануфактура и железо отсутствовали, а цены на сельскохозяйственные продукты упали. Возмущало его и повышение цен на сахар. Делегат от Есаульской волости высказался за установление твердых цен на предметы первой необходимости. Представитель Тертежской волости выступал за эквивалентный обмен с городом через кооперацию [8, с. 60–61].

При отсутствии у советов промышленных товаров дело доходило до конфликтных ситуаций. Так, 19 декабря 1917 г. крестьянам, приехавшим на красноярские склады обществ «Волга» и «Братья Нобель» за керосином, было отказано в продаже из-за его недостатка, они грозились разгромить хранилища⁷.

Оказавшись не в силах наладить материальное обеспечение населения, большевики не смогли спасти город от продовольственного кризиса. К середине марта 1918 г. в Красноярске заканчивались запасы муки, снабжение ею горожан происходило по мере поступления из уездов. Резко сократились заготовки мяса, основной объем которого поставлялся Монгольской

⁶ Голос народа. 15, 22, 24 октября; Свободная Сибирь. 1918. 31 января.

⁷ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 258. Оп. 1. Д. 33. Л. 194.

экспедицией из Забайкалья. Поэтому красноярцы с осени 1917 г. получали лишь по 3 фунта мяса на душу в месяц. Несмотря на двухнедельные складские запасы продовольствия и 150 тыс. пудов хлеба, свезенного крестьянами в сыпные пункты и предназначенного для населения Туруханского края и Енисейска, среди горожан в июне – июле 1918 г. стали распространяться слухи о предстоящем голоде⁸.

В уездных городах представительство деревни в советах оказалось в меньшинстве, а в Ачинске заместитель председателя совдепа И. Т. Жуков, выступая накануне их падения, «проклял» крестьянство, назвав его «контрреволюционным». «Деревня никогда слепо не подчинялась Советской власти, а признавала ее номинально, поскольку большевики не трогали крестьян и не мешали им, – делился своими наблюдениями современник. – А когда совдепы стали требовать хлеб по твердым ценам и стеснять их своими декретами, то дело [дошло] до явного [их] непризнания...». Делегатами на 3-й Ачинский уездный крестьянский съезд деревня послала самых ярых противников большевистской власти, которые отказали ей в предоставлении красноармейцев. В Минусинске очередной съезд уездного крестьянства, потребовавший от совдепа отчетности в расходовании денежных сумм и объявленный «контрреволюционным», оказался разогнанным. Но появление в деревне красногвардейцев, посланных за хлебом и новыми делегатами, вызвало антибольшевистскую мобилизацию крестьянства, которое решило отправить в город для защиты своих представителей вооруженные отряды⁹.

Начавшийся мятеж чехословацких частей, поддержанный выступлениями бело-зеленого подполья, вылился в поражение красногвардейских отрядов на Мариинском и Клюквенском фронтах. Отступавшие красногвардейцы и советские работники проходили по деревням, как по «враждебному лагерю», состоявшему из крестьян, настроенных против прежней власти. С обманном радушием встретили, к примеру, жители старожильческой и богатой д.

⁸ Голос народа. 1918. 11-24, 15-28 марта; Воля Сибири. 1918. 23 июня, 3, 7 июля.

⁹ Воля Сибири. 1918. 3, 24 июля; Свободная Сибирь. 1918. 1 сентября.

Четь Боготольской волости вышедших к ним беглецов, а затем, захватив винтовки, их перебили. Ушедшего в тайгу начальника отряда М. Х. Перевалова и красногвардейцев в с. Трофимово Тюхтетской волости крестьяне задержали для отправки к чехам в Боготол, но затем по решению схода отпустили. Бывший комиссар Мариинского фронта А. С. Маслёнкин-Непомнящий, пытавшийся с отрядом пробиться в Минусинский уезд, потом вспоминал: «Нужно сказать, что в дороге по деревням во многих местах нам абсолютно ничего не давали, так нам приходилось проходить деревни, не получая ни одного куса хлеба...»¹⁰ [10, с. 29; 11, с. 70].

Такую же картину наблюдали и на востоке от Красноярска. Бегущие красногвардейцы, отнимая у населения продукты, плоты и лодки, сплавлялись по р. Мана. Крестьяне же в ответ устраивали на них облавы, а сопротивлявшихся расстреливали.

Ощущая приближавшийся конец своего правления, ачинские большевики ночью вывезли из казначейства деньги в сторону Красноярска. Утром 19 июня 1918 г. собравшимся по набату горожанам было сообщено о бегстве данных лиц и хищении ими денежных сумм. За объявленными тут же в розыск председателем уездного совдепа и техником по профессии П. О. Саросеком, его товарищем и аптекарем в прошлом И. В. Гарбергом, бывшим актером и комиссаром народного просвещения М. М. Гамбергом-Градовым, военнопленным фармацевтом и начальником военного отдела Ф. Кишем, членом крестьянского отдела В. С. Сергеевым, мещанином и членом президиума Г. Г. Антипиным и др. была организована погоня.

Вскоре жители с. Большой Улуй арестовали двух беглецов – членов исполкома. Денежные средства были изъяты у 17 арестованных красногвардейцев, жен большевистских руководителей, а также обнаружены при убитом члене ВРШ Вознесенском. Крестьянские дружинники, распаленные информацией о «казначейском сундуке» испытывали серьезную неприязнь к бывшим властителям, лицам еврейской и пр. национальностей и активно их преследовали. Они захватили в районе с. Подсосное группу

¹⁰ ГАКК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 709. Л. 5–6.

большевиков в составе Саросека, Гарберга, Потехина и 21 красногвардейца, отобрали у них денежные средства. Позднее минусинскими крестьянами были арестованы и доставлены в тюрьму бежавшие члены Ачинского совдепа И. Ф. Касимов-Федоров и М. М. Гамберг-Градов. Последний имел при себе фальшивый паспорт и денежную сумму. Они были отправлены в распоряжение Енисейского губернского комиссариата¹¹.

Деятельность красногвардейцев на юге губернии спровоцировала формирование сельскими сходами отрядов дружинников и казаков общей численностью в 6–7 тыс. человек, которые под командованием офицеров из местных крестьян к 20-м числам июня 1918 г. подступили к Минусинску. Вслед за повстанческой «армией» прибыли тысячи пустых подвод и толпы мужиков и женщин, ожидавших «трофеи» из уездного центра¹². По другому же свидетельству очевидца, крестьянские дружинники, вступив в город, не допустили расхищения казны и денежные суммы, обнаруженные при обысках у арестованных членов совдепа и ВРШ, вернули ведомству¹³.

Для прокормления дружинников и казаков правление Учительского союза организовало сбор и распределение пожертвований. Его члены собирали денежные средства на сооружение памятника погибшим и приобретение табака, крупы, картофеля, огурцов и пр. [20, 17 июля]. Однако разоруженные ночью офицерами и казаками многие дружинники, ставшие на следующий день после падения советской власти участниками торжественного молебна, организованного по случаю свержения «супостатов», а затем распущенные по домам, таким исходом были заметно разочарованы [11, с. 74–75].

Бегство красноярских большевиков, следовавших речной флотилией в Туруханский край, зачастую сопровождалось обстрелами приенисейских селений, конфискацией крестьянского скота и даже спиливанием телеграфных

столбов. Соответственно сходы в д. Шиверской, Додоновой и Барабановой выделили 113 мужиков, изъявивших желание преследовать большевистские пароходы. Когда один из них сел на мель вблизи с. Есаулово, то местные крестьяне, подплыв к нему, заставили находившихся на его борту мадьяр сдаться. Команда парохода «Тобол», высадившаяся в с. Каргино и потребовавшая открыть почтово-телеграфную контору, была встречена винтовочным залпом. Несмотря на пулеметный огонь с парохода, крестьяне преследовали его и убили 4 и ранили 9 красногвардейцев. Среди погибших был известный канский большевик и бывший член Государственной думы А. В. Феофилактов¹⁴.

Советскую флотилию догнали и разгромили правительственные войска. Для вылавливания большевиков в с. Монастырское был оставлен отряд штабс-капитана Черемнова. Ему активно помогали местные крестьяне. Вскоре они выдали Г. С. Вейнбаума, а в д. Кунгутово убили К. В. Кузнецова, руководителей Красноярского совета. Высадившийся на берег с группой исполкомовцев секретарь солдатской секции совдепа А. А. Поздняков, согласно его воспоминаниям, имел при себе бланки паспортов и 200 тыс. руб. денег. Голодный, он вышел к д. Селиваниха, где и был арестован крестьянами. Изымавшие у него деньги, жители признались, что в некоторых домах уже скопилось по 500–600 руб., отобраанных при аресте его товарищей. Четверо большевиков, бежавшие из-под с. Монастырское, пытались силой оружия заставить тунгусов стать их проводниками. Они были убиты в тундре, а родовой князь, явившийся зимой к властям, передал им обнаруженные у беглецов деньги¹⁵ [12, с. 200, 202].

Получив известие об участии и экспедиции, начали разбегаться большевики г. Енисейска. Тех, что разбрелись с оружием по лесам, крестьяне арестовывали и выдавали властям, а случалось, устраивали над ними и самосуды. В с. Мокрушинское один из жителей опознал бывшего председателя Енисейского уездного совета С. М. Иоффе. 16 июля он был арестован

¹¹ Свободная Сибирь. 1918. 23, 24, 27 июля; Труд. 1918. 21 июня, 23 июля.

¹² Народный голос. 1919. 31 декабря; Сибирские записки. 1919. Вып. 2. С. 90.

¹³ Сибирские записки. 1918. № 2–3. С. 107.

¹⁴ Свободная Сибирь. 1918. 22, 28, 30 июня, 2, 10 июля; Труд. 1918. 30 июля.

¹⁵ Свободная Сибирь. 1919. 22 марта.

и доставлен в с. Казачинское, а оттуда вместе с обнаруженными у него деньгами отправлен в Красноярск. В последующие дни местная охрана задержала еще 20 бежавших большевиков и сдала в банк 66,7 тыс. руб., конфискованные у беглецов¹⁶.

Лица, пришедшие к власти в результате антибольшевистского переворота, пытались наладить снабжение Красноярска минусинским хлебом, который в спешном порядке сплавлялся крестьянами на плотах по Енисею. К сентябрю 1918 г. 95 тыс. пудов муки были отправлены и населению Туруханского края. Однако новые власти не смогли справиться со спекуляцией. Произведенные в южных местностях губернии продукты до ее административного центра не доходили. Скупаемые, они увозились в Ачинск и по железной дороге покидали пределы региона. Вывоз хлеба осуществлялся спекулянтами и из самого Красноярска¹⁷.

Пользуясь верой крестьян в надежность банкнот царского режима, спекулянты легко скупали у них имеющиеся «керенки». Мероприятия местного чиновничества по наполнению бюджета деньгами, полученными от торговли спиртным, оказались несостоятельными. При развитии винокурении осуществляемая с сентября 1918 г. продажа казенной водки проходила вяло. В то же время, например, минусинская администрация была не в силах устранить перебои с поставкой горожанам соли. Появившаяся в лавках, она тут же раскупалась набежавшей толпой. Хуже всего обстояло с продовольственным обеспечением населения самого северного города губернии – Енисейска, где ранее существовавший совдеп, не поладив с губернской продовольственной управой, так и не смог организовать запасы продуктов. Предстоявший из-за закрытия промышленных предприятий наплыв в город приисковых рабочих должен был ухудшить сложившееся продовольственное положение¹⁸.

¹⁶ Свободная Сибирь. 1918. 18, 23, 31 июля; Вся Сибирь. 1918. 24 июля.

¹⁷ Воля Сибири. 1918. 30 августа; Труд. 1918. 30 октября.

¹⁸ Труд. 1918. 2, 25 августа, 11 сентября; Свободная Сибирь. 1918. 11 декабря.

Во время антибольшевистского правления противоречие, возникшее между состоянием сельскохозяйственного рынка и потребностями крестьянских хозяйств, не было устранено и, согласно наблюдению очевидца, «вырывало почву у огромной массы крестьян». К декабрю 1918 г. было зафиксировано следующее отношение тасевских крестьян к существующему правлению: «Нам всё равно, какая бы власть не была, только бы народу жилось хорошо, покойно, желательно иметь достаточно [...] земледельческих орудий и избавиться бы от платежа податей, мотивируя тем, что царя нет и подати платить некому» [4, с. 11, 19; 13, с. 85].

Находясь в тисках денежного дефицита и пытаясь наладить снабжение городов и армии продовольствием, правительство и его местные органы были вынуждены прибегнуть к принудительному изъятию налогов, недоимок, ликвидации самогонных заводов и поиску дезертиров. Но применение насильственных мер вызвало вспышку крестьянского вооруженного протеста. Ярким проявлением отношения крестьян к городу стало Минусинское восстание. Данные события являлись типичным крестьянским бунтом с обилием местных поводов, стихийностью взрыва, быстро угасшего при первой неудаче, отсутствием политической идеи и недостаточной организованностью. В составе 10 тыс. повстанцев находились мобилизованные крестьяне в возрасте от 18 до 50 лет независимо от их имущественного положения, т. е. налицо имелись признаки общего для крестьян движения. Сама попытка повстанческих «армий» овладеть уездным центром смотрелась как прелюдия погрома. Утром 21 ноября 1918 г. защитники города услышали «страшный шум, крики, ругань и песни» и увидели большие толпы «пьяных» людей, надвигавшихся на них по дорогам со стороны окрестных селений [14, с. 24, 27].

Сильной являлась бытовая обусловленность декабрьского солдатского выступления 1918 г. и в Канске. Поднявший восстание 32-й полк состоял из ранее уклонявшихся от своевременной явки новобранцев и дезертиров, т. е. крестьянской молодежи, так и не получившей обмундирования¹⁹, но не утратившей связи с деревней. Более

¹⁹ ГАКК. Ф. 64. Оп. 11. Д. 5. Л. 10.

того, крестьяне являлись и непосредственными участниками местных событий. Действовавший здесь в январе 1919 г. военно-полевой суд приговорил к расстрелу жителей с. Рыбинское Г. и А. Трифоновых, чье участие в восстании заключалось в вооруженных грабежах горожан, а также приказчика общества потребителей, передавшего мятежникам порох, свинец и пистоны²⁰.

Первым городом, захваченным на время повстанцами, стал Енисейск. Начавшееся в ночь на 6 февраля 1919 г. восстание было обусловлено совмещением ряда обстоятельств. Несмотря на то, что в городе множились признаки мятежа, готовившегося осевшими с лета 1918 г. бывшими красногвардейцами и комитетчиками, власти проявляли преступное бездействие. Еще за несколько дней до событий здесь циркулировали слухи о какой-то «банде», которая выдавала себя за группу большевиков, а на самом деле состояла из уголовников, появившихся в городе для совершения беспорядков и грабежа купцов и золотопромышленников. Зная об этом, крестьяне из окрестных деревень съехались на проходивший базар в незначительном количестве. В то же время власти так и не отреагировали, например, на обращенные к населению приисковой слободы Каштак призывы объединиться для захвата города, звучавшие якобы со стороны тасеевских большевиков. К тому же гарнизон был накануне ослаблен отправкой своих военнослужащих в селения, которым угрожал захват повстанцами. Из 80 оставшихся в городе солдат 70 являлись бывшими крестьянами-дезертирами²¹ [14, с. 82; 15, с. 52].

По свидетельству одного из советских историков, события развернулись раньше намеченного комитетом срока, т. к. в ряды подпольщиков проник провокатор. «В воинские казармы, – писал он, – явилась группа большевиков, которая вместе с революционными солдатами установила в городе революционный порядок» [16, с. 76–77]. Однако, согласно информации, исходившей от современника, восстание началось с появления двух десятков крестьянских повстанцев, вышедших из Ангарской тайги и предложивших

ночным караулам перейти на сторону «народа». Используя пассивность солдат и пополнившись «уголовной шпаной», повстанцы водворили в тюрьму военнослужащих, отказавшихся вступить в их ряды. Примечательно, что политзаключенные, не веря в успех восстания, решили не покидать своих камер [15, с. 52; 17, с. 20, 76].

На следующий день восставшие захватили военные и гражданские учреждения, перебили начальников военного района и гарнизона, управляющего одного из приисков, арестовали представителей уездной администрации, городского самоуправления, крупных промышленников и офицеров. По городу прошла волна обысков и грабежей обывательских жилищ, квартир коммерсантов и состоятельных лиц. Мука-крупчатка и сахар, только что доставленные из Ачинска обозом, были поделены между «своими»²² [14, с. 82; 17, с. 77].

Повстанцами был создан совдеп, председателем которого избрали в прошлом исключенного из гимназии и дезертировавшего солдата Н. Н. Байкалова, и Военно-революционный штаб (ВРШ). В состав этих органов вошли бывший портной Бабыкин и отбывавший политическую ссылку и работавший слесарем Федоровского золотопромышленного общества Кузнецов. Последнего звавшие его лица называли «уголовным типом», «анархистом» и «человеком неопределенного политического течения». Он и стал командующим вооруженными силами Енисейского уезда²³ [4, с. 36; 17, с. 78].

Повстанческим руководством в городе было объявлено осадное положение, а жителям было приказано сдать оружие, лошадей и сёдла. Проведенная мобилизация лиц в возрасте от 18 до 45 лет увеличила силы повстанцев до 500 человек. Путем вымогательства, сопровождаемого угрозами расстрела, эти лица изъяли у «капиталистов» 1200 тыс. руб. контрибуции. Для предотвращения наступления правительственных войск на город со стороны Красноярска и Ачинска восставшими у начала тракта были сооружены из снега и кирпичей девять линий укреплений, что позволило им считать защищаемую территорию неприступной [17, с. 78; 14, с. 84, 90].

²⁰ ГАКК. Ф. 64. Оп. 11. Д. 23. Л. 1.

²¹ Свободная Сибирь. 1919. 14 марта; Труд. 1919. 27 февраля.

²² Свободная Сибирь. 1919. 11 февраля, 14 марта.

²³ Свободная Сибирь. 1919. 14 марта.

Восстание распространилось и на др. населенные пункты Енисейского уезда. 6 февраля 1919 г. в с. Маклаково был создан отряд из 300 крестьян и рабочих лесозавода, возглавляемый Ф. Я. Бабкиным и С. И. Накладовым. Пытаясь продвинуться в южном направлении, он занял с. Каргино. Повстанческие агитаторы выезжали в д. Стрелка, но прибывший туда правительственный отряд расстрелял распропагандированных крестьян. Оружие доставлялось повстанцами и в д. Челбышево Иланской волости, жители которой изъявляли желание примкнуть к восстанию [11, с. 119, 121].

Тлевшее в самом городе сопротивление было сломлено восставшими еще в зародыше. В обстановке разгула грабежей, воровства и спекуляции фрондерское заявление совместного заседания членов городской думы и земской управы, решивших остаться на своих местах, выполнять общественную работу и не вступать в сношения с повстанческим штабом, могло вызвать с его стороны лишь новое преследование. Мятежники расстреливали священников и топили своих противников в проруби. В ночь на 23 февраля в тюрьме по личным счётам были заколоты штыками семеро местных жителей. За время нахождения повстанцев в Енисейске были умерщвлены 20 «буржуев», офицеров, казаков и обывателей. Но приехавший из Красноярска накануне восстания золотопромышленник Власов, располагая 90 тыс. руб. денежных средств, сумел откупиться и остался живым²⁴ [17, с. 77, 137].

Для предотвращения распространения восстания 8 февраля 1919 г. был пополнен отряд штабс-капитана Харченко, находившийся в с. Казачинское. Он состоял из 260 солдат, на вооружении которых имелись орудие и пять пулеметов. Но мятеж енисейского гарнизона, показав ненадежность тыловых частей, вызвал шоковое состояние у властей, вынужденных изыскивать воинские силы для его подавления. Наконец, в сторону Енисейска выступили отряд из 150 красноярских милиционеров во главе с поручиком В. С. Коротковым и сотни Енисейского казачьего полка. В целом по повелению Верховного правителя, требовавшего быстрого и решительного подавления Енисейского восстания, против повстанцев были брошены силы численностью

²⁴ Свободная Сибирь. 1919. 11, 18 февраля.

в 390 штыков и сабель под командованием бывшего уездного комиссара и штабс-капитана А. А. Платонова [14, с. 82, 97; 18, с. 39; с. 52].

Между тем восставшие вскоре стали разлагаться. Будучи недовольными ситуацией, сложившейся в уезде, и выражая недоверие своим командирам, они заменили «интеллигентных» Бабыкина и Байкалова Кузнецовым и солдатами-дезертирами Лапиным и Шестаевым, но не ввели в состав своего штаба представителей маклаковского отряда. По информации современника, Шестаев являлся «темной и неведомой личностью», а о Лапине было известно, что он происходил из семьи таежного спиртоноса. Кузнецов же, бывший сначала «истинным борцом», оказался слабым руководителем. Среди повстанцев, находившихся под его командованием, воцарились пьянство и анархия [17, с. 78; 18, с. 39; 15, с. 52].

Первый бой между правительственными войсками и мятежниками состоялся 11 февраля: после двухчасовой перестрелки белые выдавили 200 повстанцев из с. Каргино, а следом заняли с. Бельское и Пировское. 19 февраля защищавший с. Маклаково отряд Бабкина, находясь за валом, сооруженным из снега, облитого водой, в течение восьми часов отражал атаки казаков и нанес им существенные потери. Погибшими оказались 4–5 офицеров, в т. ч. сотник Сибирцев и подьесаул Шильников, 16–18 казаков и ранеными – два офицера и 14 станичников²⁵ [19, с. 370].

Наряду с повстанцами, которые решили защищаться, в самом Енисейске и за его пределами находились лица, охваченные пораженческими настроениями. Когда правительственные войска подошли к городу, то маклаковский отряд отказался выполнить приказ штаба о немедленном прибытии на его защиту и разошелся по заимкам. С Бабкиным остались только 13–18 крестьян окрестных деревень, затем ушедших с ним в с. Тасеево²⁶ [4, с. 26; 15, с. 52; 14, с. 85].

Внезапность наступления и обходной маневр позволили штурмовавшим войскам быстро и при минимальных потерях освободить город от мятежников. В ночь на 27 февраля 1919 г.

²⁵ Свободная Сибирь. 1919. 4, 12 марта.

²⁶ Свободная Сибирь. 1919. 14 марта.

правительственные войска начали демонстративное наступление через р. Енисей. Используя мощный пулеметный огонь и отряды лыжников в маскхалатах, основные силы ворвались в центр города. В бою у совдепа казаки были вынуждены использовать бомбы. Заняв его, они вышли в тыл к мятежникам, засевающим в окопах. Вскоре последняя их группа, державшая оборону на колокольне, была уничтожена.

Ворвавшись в тюремный застенок, освободители обнаружили в нём 18 трупов заключенных со следами многочисленных колотых ран и удушения. Был обнаружен и список, содержащий до 800 фамилий горожан, предназначенных мятежниками к истреблению. 28 февраля в Енисейск вошли казачьи сотни, окончательно очистившие его от повстанцев.

Задержанию подверглись все члены ВРШ, за исключением Кузнецова, бежавшего за подкреплением. У д. Назимово была перехвачена группа мятежных крестьян, которая выдала Байкалова. Судя по воспоминаниям, бывший руководитель совдепа тут же был подвергнут казни. В целом потери повстанцев составили, по разным данным, от 200 до 375 человек²⁷ [14, с. 85; 17, с. 78–79].

Военно-полевой суд, созданный по приказу прибывшего из Иркутска генерал-лейтенанта В. В. Артемьева, начал выносить смертные приговоры. По явно завышенной оценке современника, численность казненных достигла 700 человек, или 10% всего населения города. В с. Казачинское под лед сбросили 60 трупов, а в с. Большая Мурта расстреляли 40 человек, закопав некоторых из них еще живыми. В то же время население города собрало и пожертвовало семьям погибших казаков 30 тыс. руб. денежных средств²⁸ [17, с. 79, 127, 138, 140; 14, с. 122].

Объясняя причины возникшего партизанского движения, современники и историки не могли обойти своим вниманием вопрос о влиянии на деревню городского большевистского подполья. Высказанные по этому поводу мнения авторов публикаций 1920-х гг. и советских историков являлись диаметрально

противоположными, что и объясняет очередное обращение к данной проблеме.

Выполняя решения августовской и ноябрьской 1918 г. сибирских конференций РКП(б) о подготовке населения к массовой вооруженной борьбе за восстановление советской власти, большевистские организации с декабря 1918 по конец 1919 г. перебросили в тыловые районы Сибири до 200 подпольщиков. Эти лица, например, Е. Фёдорова и некто Шмидт, транспортировали для организации повстанчества в местностях вдоль железнодорожной линии Томск – Иркутск около 30 млн. руб. Командование Иркутского военного округа знало о том, что «главари» тасеевских и степнобаджейских повстанцев находятся «в связи с Советской Россией и получают отсюда хорошо инструкторов и денежную помощь» [14, с. 101, 103; 20, с. 34–35].

Судя по воспоминаниям коммунистов и публикациям историков, в Красноярске с июня 1918 по декабрь 1919 г. действовали четыре подпольные большевистских комитета. Первый из них выпустил пять листовок общим тиражом в 15 тыс. экземпляров, которые якобы распространялись в селах Минусинского уезда. Второй комитет пытался расширить свое влияние на деревню, способствуя росту повстанчества. С этой целью посылались листовки, лица для создания партизанских отрядов и работы в оружейных мастерских. Партизаны же будто бы снабжались оружием, боеприпасами, медикаментами и др. Меры к объединению отрядов и координации их действий предпринимал и третий комитет [16, с. 41, 46–47, 54–61; 20, с. 14–17, 32, 42, 66].

Современники по-разному оценивали способности красноярских подпольщиков. В основном они называли их организации слабыми²⁹ [21, с. 268]. Сотрудничество большевиков-подпольщиков с «черными коммунистами», обеспечивавшими своими «эксами» подполье денежными средствами, случаи покушений на жизнь офицеров, сохранившиеся в памяти белогвардейцев [22, с. 43–44; 23, с. 582–583, 586], свидетельствовали о том, что большевистские подпольные комитеты, связанные с организованной преступностью и использовавшие

²⁷ Свободная Сибирь. 1919. 5, 14 марта; Труд. 1919. 5 марта; Сибирские записки. 1919. Вып. 2. С. 89.

²⁸ Труд. 1919. 4 марта.

²⁹ ГАКК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 709. Л. 24.

террор, как политические организации не были сильными. О слабости подполья говорят и случаи, когда партизаны брали на себя его функции. Так, денежные средства и продукты неоднократно поступали заключенным в тюрьмы из отряда И. М. Буркова-Зубова, осуществившего экспроприацию государственных и общественных почтовых отправок. По просьбе красноярских подпольщиков боготольские партизаны снабжали их бланками документов³⁰.

Согласно наблюдениям очевидцев, городское население сочувствовало крестьянам в их борьбе с белой властью, но в отношении с последней оставалось пассивным. Партизанские вожди пользовались у рабочих авторитетом. Уже после падения белого режима на митинге в красноярских железнодорожных мастерских, организованном Комитетом общественных организаций, группа рабочих, не будучи осведомленной о политической направленности партизанского движения, предложила передать власть П. Е. Щетинкину. Тем самым они, по мнению очевидца, подчеркивали, что приоритет революционных действий принадлежит не им, а крестьянству. «Не город, а деревня создавала тогда длительное, непрерывное сопротивление диктатуре Колчака», – таким выводом заключил он этот эпизод. Правительственная контрразведка не только разгромила все красноярские подпольные комитеты, но лишила большевиков централизованного партийного руководства [16, с. 7–8; 23, с. 26, 51].

Если обратиться к конкретике, то очевидным становится, что помощь и влияние подпольщиков ощущались лишь в среде степнобаджейских, перовских и североачинских партизан в начале их движения, а также в отрядах Копылова и Буркова-Зубова, действовавших в окрестностях Красноярска и Боготола. В целом для партизанского движения наличие связных и посланцев говорит о слабости и эпизодической связи с ним большевистского подполья, а значит и о несостоятельности утверждения советских мемуаристов и историков о руководящей роли последнего в борьбе енисейского крестьянства.

Очагами партизанского движения становились не только переселенческие сёла, но и такие местности, как Тасеево Канского

уезда – богатый район, державший в хлебной зависимости прииски. Антиправительственные действия крестьян всегда были сопряжены с борьбой против городов. Так, одним из решений Больше-Улуйского районного съезда, находившегося под влиянием партизан, явилось запрещение вывоза каких бы то ни было продуктов в Ачинск [20, с. 105; с. 155].

К лету 1919 г. ситуация с продовольствием в Енисейской губернии осложнилась. В Красноярске на плотках, прибывших с продуктами из Минусинска, наблюдались столкновения между покупателями-обывателями и спекулянтами. Мешочники неоправданно повышали цены на хлеб, вызывая дороговизну на базарах, а обмен скопившихся у населения керенок на денежные знаки Российского правительства из-за прерванного партизанами сообщения с губернским центром не мог состояться. В результате созданное в начале июня чрезвычайное губернское собрание нашло положение с продовольствием «тяжелым» и выявило продовольственную задолженность по региону в сумме более 3 млн. руб., которую крестьяне, несмотря на наличие у них хлеба, восполнить новой засыпкой противились. Тогда собрание решилось на паях организовать объединение «Закупсбыт», начавшее совместно с Минусинским торговым союзом регулировать торговлю и закупать хлеб для населения на внутренних рынках. Благодаря этому на 4 июня 1919 г. из Минусинска в Красноярск и Енисейск были отправлены более 60 тыс., а на 12-е коммерсанты закупили в Минусинском уезде 100 тыс. пудов пшеницы, 50 тыс. пудов ржи и муки³¹.

Уже позднее современник характеризовал облик и деятельность сибирских партизан: «Таежный народ, звероловы, браконьеры, бродяги, так и не изжившие бунтарского хмеля, а там, за ними, темная и злобная деревня, кряжистый эгоизм и ненависть ко всему городскому, чужому, «российскому». Когда саранча эта спускалась с гор на города, с обозами из тысяч порожних подвод, с бабами, – за добычей и кровью распаленная самогонкой и алчностью, граждане молились о приходе красных войск, предпочитая расправу, которая поразит меньшинство, общей гибели среди партизанского погрома...» [25, с. 208].

³⁰ ГАКК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 709. Л. 24, 44.

³¹ Свободная Сибирь. 1919. 20 мая; 12, 27 июня.

Следующим городом, оказавшимся в руках крестьянских повстанцев, стал Минусинск. Он был занят партизанами без боя 13 сентября 1919 г. Еще до их прихода из города вместе с белыми войсками, опасаясь за свою жизнь, эвакуировались 218 домовладельцев³². Внимание партизан здесь привлекли не только склады со спиртными напитками [26]. В «достояние» Крестьянской «армии» немедленно перешли мануфактура фирмы бежавшего китайца Юн-Шен-Хе, подготовленные для рабочих и служащих Томской железной дороги и оставленные в кладовых общества потребителей 950 пар пимов, 130 шуб и полушубков, а также товары и 2 тыс. пудов хлеба, обнаруженные в Союзе кредитных товариществ³³.

Согласно наблюдению современника, культурный уровень партизан был невысоким. Разместившись в помещениях городских училищ, «солдаты» пользовались книгами и учебниками для растопки печей, изрубили глобус и разбросали коллекции минералов. На улицах они без нужды разъезжали на лошадях по тротуарам. Публика, состоявшая из партизан, на театральных представлениях вела себя непристойно: пила, курила, плевала на пол, будучи пьяной, дебоширила и задевала женщин, пачкая им платья. Командование было вынуждено констатировать, что партизаны и в трезвом, и в пьяном состоянии не умеют вести себя в обществе. «Масса граждан, рабочих и обывателей, а также крестьяне из уезда, осаждают ежедневно Совет и Главный штаб жалобами на творимые солдатами Крестьянской армии бесчинства, – сообщало выпущенное им воззвание, – там растащили последнее имущество, там насильовали, там взяли последнюю лошадь, там всё разбили в доме, уничтожили библиотеку и др. ценности культуры, и ломают всё, что попадет под руку и т. д.» [17, с. 48–49; 27, с. 234–235; 28, 27 октября].

Несмотря на то, что 14 сентября 1919 г. на митинге партизан и городских жителей было решено сохранить город и собственность

горожан в неприкосновенности³⁴, самовольные реквизиции и захваты имущества стали частыми. Расквартированные в Минусинске кавалеристы Северо-Ачинского полка открыли стрельбу, а когда ротный командир их разругал, то увели хозяйскую корову. Мародерствовали и лица, обязанные следить за порядком в отношениях с населением. К примеру, пока один из жителей Минусинска находился на хлебоуборке, реквизиционная комиссия конфисковала у него имущество, а бойцы присвоили деньги, серебряные часы, портсигар и кисет, изъятые у задержанного. Жители со страхом наблюдали, например, картину конфликта между партизанами разных полков. За случившееся избиение ачинцами одного из своих товарищей набежавшие представители Канского полка арестовали и доставили их в комендантское управление. Но пьяная толпа, состоявшая из «солдат» Северо-Ачинского полка, угрожая оружием, отбила их у караула и попутно избивала канских партизан³⁵.

Лишь 1 октября Минусинский уездный исполком, рассмотрев жалобы граждан на конфискации и подвергнув критике деятельность специального отдела, предоставлявшего полномочия для реквизиций даже незнакомым лицам, решил упорядочить это дело. Конфискации стали проводиться только при наличии члена Объединенного Совета и владельца имущества «надежными» людьми, которые могли изъять лишь вещи, необходимые для нужд «армии». Прочее же конфискованное имущество отходило совету, а хозяину выдавали список изъятых вещей.

Командование разрешило партизанам «самоснабжение» теплой одеждой вплоть до 10 октября. Но оно принимало насильственные формы. Обвинение партизан в грабительстве, к примеру, прозвучало 15 октября из уст участницы учительского съезда. В ночь на 18 октября неизвестные, назвавшись патрульными, проникли в квартиру горожанки и, угрожая оружием, похитили ее имущество, а днем патруль задержал «солдата» Северо-Ачинского полка, продававшего

³² ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 1. Д. 96. Ч. II. Л.124–125.

³³ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1556. Оп. 1. Д. 8. Л. 24; Соха и молот. 1919. 5 октября.

³⁴ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 5 а. Оп. 6. Д. 270 а. Л. 131.

³⁵ Минусинский региональный краеведческий музей (МРКМ). Ф. 680. Оп.1. Д. 43. Л. 5–6; Д. 54, Л. 1; Д. 73. Л. 1; Д. 74. Л. 1; Д. 75. Л. 1.

украденную вещь. Любителей поживиться чужим имуществом было столь много, что партизаны Манского полка, несшего караульную службу в городе, на митинге 23 октября предложили мародеров расстреливать³⁶ [27, с. 236].

Командование пыталось сбить волну грабежей путем морального воздействия на партизан. 28 октября оно назвало мародеров «паразитами», которые позорят Красную армию³⁷.

Дело дошло до того, что начальник отдела снабжения, отчитываясь на VI Армейском съезде (10–16 ноября 1919 г.) о своей деятельности, усомнился в возможности ее дальнейшего осуществления. Заготовкам необходимых для «армии» продовольствия и имущества мешали, согласно его свидетельству, самовольные конфискации «солдат». Массовые присвоения партизанами частного имущества заставили съезд предложить Армейскому Совету создать специальную комиссию, способную урезонить «солдат», проживавших на городских квартирах³⁸.

В то же время участники съезда отменили смертную казнь в тылу партизанской «армии»³⁹ и тем самым способствовали распространению грабежей. В военно-следственную комиссию поступили 300 дел, заведенных на мародерствующих партизан. Но к разбирательству она приступила лишь по 150 обвинениям. 18 ноября члены военно-революционного суда и военно-следственной комиссии заявили, что они загружены такими «маловажными» делами, как поступки и преступления «солдат», и постановили передать их на рассмотрение в полковые суды⁴⁰.

Половинчатое отношение командования к партизанской преступности сопровождалось ее новыми всплесками. В ноябрьском воззвании 1919 г. Главный штаб и Армейский Совет объясняли населению уезда, что «в армии есть люди... приставшие к нам... И эти люди самовольничают, производят реквизиции и самочинные обыски и тем самым кладут позорное пятно

на всю армию...». 4 декабря с целью укрепления тыла на территории, занятой партизанами, было объявлено осадное положение. Им запрещалось ночное передвижение по улицам, проведение не только митингов и собраний, но и самовольных реквизиций и конфискации. Виновные в их совершении должны были наказываться как провокаторы. Кравченко, Щетинкин и Иванов подписали распоряжение, в котором заявили о неприкосновенности жилища граждан и незаконности их ареста без расследования. Однако дисциплина в партизанской армии находилась на таком уровне, что «солдаты» по-прежнему ночами находились на улицах. Поэтому Главный штаб распоряжением от 13 декабря был вынужден еще раз напомнить караульной службе о нахождении города на осадном положении⁴¹ [27, с. 238–239].

Гражданская война, резко снизив ценность человеческой жизни, вызвала у людей острую жажду наслаждений. Невозможность реализовать людские потребности, сочетаясь с выходом наружу темных, животных пластов человеческой психики, неизбежно приводила к насилию. Порой, вламываясь в дома и квартиры, партизаны насиловали местных женщин. Изнасилование также пытались совершить четверо «солдат» во дворе винного склада. Один из них требовал от девушки-горожанки, чтобы она на время стала его женой. Этот случай, видимо, не был единичным, т. к. обсуждался на VI Армейском съезде. Рассмотрев данный вопрос и полагая, что обретенные семьи для «солдат» станут «обузой», участники съезда запретили им жениться⁴² и своим решением способствовали росту внебрачных половых связей.

Вместе с тем среди партизан находились лица, стремившиеся к знаниям и культуре. Таким был, к примеру, начштаба А. Т. Иванов, знавший наизусть стихи А. С. Пушкина, или партизанский поэт Митя Балдинский (Т. Г. Рагозин), декламировавший произведения того же Пушкина и М. Ю. Лермонтова, носивший в походной сумке книги Г. И. Сенкевича и оставивший об этом времени свои воспоминания. По инициативе крестьянской «интеллигенции»,

³⁶ Соха и молот. 1919. 5, 18, 21 октября.

³⁷ ГАКК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 641. Л. 56.

³⁸ ГАКК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 618. Л. 8–9; Соха и молот. 1919. 26, 28 ноября

³⁹ ГАКК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 618. Л. 2; Соха и молот. 1919.

⁴⁰ ГАКК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 618. Д. 608. Л. 1.

⁴¹ Соха и молот. 1919. 12, 17 декабря.

⁴² Соха и молот. 1919. 30 ноября, 9 декабря.

группировавшейся вокруг редакции газеты «Соха и молот», в городе были открыты клуб и читальня, а с 29 октября 1919 г. начали функционировать краеведческий музей и библиотека. Молодые партизаны принимали активное участие в деятельности созданных под руководством в прошлом профессионального артиста Тесля русского и украинского драматических кружков, а также вокальной группы, в которой ведущим певцом был 21-летний драматический баритон С. Цыганков, получивший когда-то специальное образование. Силами этих коллективов для партизан и городского населения были поставлены драматические произведения А. П. Чехова и А. Н. Островского, исполнялась украинская оперная классика [20, с. 202; 29, с. 169].

Победное завершение борьбы с колчаковцами сопровождалось новым всплеском «деструктивного» поведения партизан. В Минусинске непоследовательное отношение властей к пьянству и бесчинствам этих людей в конце января 1920 г. завершилось «кошмаром», длившимся для горожан ночь и несколько дней. Так называемой «Варфоломеевской ночи» предшествовало поступление из д. Козино в Минусинск 300 военнопленных белой армии. По сведениям одного из очевидцев, в местной тюрьме в это время находилось до 700 заключенных. Возбужденные слухами о том, что комендант города Я. Ф. Ксендзов решил выпустить их на свободу, и недовольные таким мягким отношением к «буржуям», партизаны организовали «чрезвычайную» следственную комиссию, которая в спешном порядке начала разбирать дела военнопленных. Подогрели настроения партизан и, возможно, спровоцированные убийства участников ночного патрулирования, которые, случалось, раздевали хорошо одетых прохожих.

Гнев партизанской толпы вылился в повальные обыски обывательских квартир. Осуществляя их, партизаны не стеснялись в хищении ценных вещей и, в частности, изделий из золота. Итогом этой акции, а скорее провокации стало обнаружение 20 винтовок с 15 тыс. патронов, 10 револьверов, 6 шашек и нескольких седел, которые принадлежали будто бы раскрытой контрреволюционной организации. Обыски вылились в самосуды и убийства. Пытавшийся

унять распаленную кровью толпу комендант едва не поплатился жизнью. Обнаруженные при обысках подозрительные или скрывавшиеся лица были арестованы и избитыми доставлены в тюрьму. Выброшенные на мостовую трупы убиенных сутки находились неприбранными⁴³.

С занятием повстанцами тех или иных местностей в них отмечался возросший уровень преступности. Так было, например, в январе 1920 г. в г. Ачинске, где горожан грабили, наряду с уголовными элементами, бойцы Северо-Ачинского полка. Случай самоуправства со стороны партизан произошел 19–20 февраля на ачинской мельнице: следуя приказу своего командования, но без ордера продовольственного отдела, они увезли 64 мешка муки. Из-за поведения бойцов формирующуюся на базе партизанских частей Енисейскую дивизию среди комсостава Красной армии называли «дикой»⁴⁴.

Наконец, еще одним городом, население которого вновь ощутило на себе отношение крестьянских повстанцев, стал Енисейск. Окрепнув, партизаны в составе 3-го сводного Енисейского полка Северо-Канского фронта под командованием всё того же Бабкина осенью 1919 г. начали наступление на енисейское левобережье, где разбили отряд штабс-капитана Калашникова и гарнизон с. Казачинского. Защищенный незначительными силами военных, милиции, казаков и дружинников, Енисейск 29 декабря перешел под власть исполнительного комитета общественных организаций, который тут же получил телеграмму партизанского командования, требовавшего установления в городе советской власти.

Начатые 31 декабря переговоры закончились капитуляцией городской общественности и ее согласием на организацию совдепа, переподчинение воинских частей, ликвидацию милиции, а также задержание всех лиц, «виновных в казнях и произволе». Заслушав вернувшуюся с переговоров делегацию, Енисейский исполком 1 января 1920 г. утвердил договор с партизанами. После этого солдаты арестовали начальника гарнизона штабс-капитана Платонова,

⁴³ МРКМ. Оп. 4. Д. 148. Л. 53; Соха и молот. 1920. 4, 11 февраля.

⁴⁴ ГАКК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 692. Л. 4; Оп. 11. Д. 642. Л. 132, 150, 166; ГАНО. Ф. 5 а. Оп. 1. Д. 297. Л. 39.

бывшего управляющего уездом Лыткина, членов гражданской администрации и военных. 3 января вошедшие в город партизаны объявили его советским и в первой половине этого месяца двумя партиями вывезли 32 заключенных тюрьмы под Маклаково, где они приняли смерть. 26 января 1920 г. Енисейский исполком был распущен и власть перешла к городскому Совету рабочих и солдатских депутатов и Енисейскому уездному ревкому [30, с. 178–184].

Как известно, следствием Гражданской войны стало еще и упрощение представлений горожан и крестьян о ценности жизни, выразившегося, к примеру, в безразличном отношении родственников и близких к погребению усопших. Согласно наблюдениям современников, Николаевское кладбище в Красноярске пришло в запустение, а могилы рылись всего в аршин (71 см) глубиной⁴⁵.

Между тем город для деревни и в начале 1920-х гг. оставался чужим и враждебным. Некий красноярец сообщал в письме самарскому приятелю о следующих высказываниях крестьян в адрес горожан и коммунистов: «Сначала поморим город голодом, а потом придем с дубинками и выгоним их»⁴⁶. О враждебном отношении к городу в селах, прилегающих к Красноярску, знали и сами власти⁴⁷. Выявляя мотивы одного из распространившихся тогда крестьянских восстаний, начальник одного из отделов уездного военкомата счел необходимым указать, что город с его пропусками и хлопотами по их оформлению стал для деревни «сущим адом»⁴⁸.

Итак, «ревность к городу» являлась одной из постоянных особенностей, присущих мировосприятию крестьян. Начавшиеся с 1917 г. события были обусловлены не только очевидными экономическими или политическими интересами, но и прорывом на поверхность глубоко архаичных форм народного сознания, определенных представлений о социальной справедливости. Под влиянием архаизации деревенской психологии и политики властей

во время Гражданской войны возникла враждебность, которую испытывали к городу многие крестьяне. Они выступали против города прежде всего потому, что видели в нём сосредоточие властных институтов, политика которых осуществлялась без учета интересов деревни или возмущала ее население. Определенная часть крестьян, рассматривавших горожан как социальную общность, чуждую им своей культурой и образом жизни, стремилась к захвату городов с целью удовлетворения собственных узких интересов. Тесно связанная с политическими событиями, «ревность к городу» во время Гражданской войны неоднократно воплощалась в конкретику. В то же время города, где повстанцы оказывались на время хозяевами, становились ловушками: крестьяне начинали разлагаться, а их «армии» – разваливаться.

Литература

1. Сорокин П. А. Город и деревня (Биосоциологическая характеристика) // Крестьянская Россия. Сб. IV / Под ред. А. А. Аргунова, А. Л. Бема, С. С. Маслова, П. А. Сорокина. Прага, 1923. С. 3–23.
2. Кузнецов И. С. На пути к «великому перелому». Люди и нравы сибирской деревни 1920-х гг. (психоисторические очерки). Новосибирск: НГУ, 2001. 235 с.
3. Телицын В. Л. Русская революция 1917 года: деревня против города или перманентная война // Академик П. Е. Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. М.: Наука, 2000. С. 347–355.
4. Эльцин В. Крестьянское движение в Сибири в период Колчака // Пролетарская революция. 1926. № 3 (50). С. 51–82.
5. Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. 376 с.
6. Фоминых С. Ф. Сибирское крестьянство в период Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в освещении англо-американских буржуазных историков // Проблемы истории советской сибирской деревни. Новосибирск: СО «Наука», 1977. С. 66–298.
7. Перейра Норман Г. О. Сибирь: политика и

⁴⁵ Красноярский рабочий. 1920. 18 апреля.

⁴⁶ ГАНО. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 83. Л. 24.

⁴⁷ Там же. Оп. 1. Д. 137. Л. 6.

⁴⁸ Там же. Оп. 2. Д. 188. Л. 14.

общество в гражданской войне. М.: ИРИ РАН, 1996. 197 с.

8. Покровский М. Н., Яковлев Я. А. Крестьянское движение в 1917 году: Сб. док-в. М. – Л.: Госиздат, 1927. 445 с.

9. Рогачёв А. Г. Крестьянские съезды и Советская власть // Власть и общество. Региональные аспекты проблемы (К 180-летию образования Енисейской губернии): Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. Красноярск, 26 марта 2002 г. Красноярск, 2002. С. 60–63.

10. Перевалов М. Таежные партизаны. М.: Молодая гвардия, 1933. 72 с.

11. Журов Ю. В. Енисейское крестьянство в годы гражданской войны. Красноярск: Краснояр. госпединститут, 1972. 251 с.

12. Комарова Т. С. «Бегство в никуда...» // 1917 год в российской и мировой истории: Мат-лы междунар. науч. конф. (Красноярск, 14–15 ноября 2007 г.). Красноярск: Изд-во «Красноярский писатель», 2007. С. 199–204; Свободная Сибирь. 1919.

13. Дементьев А. П. Менталитет сибирского крестьянства как один из факторов развития политического процесса в ноябре 1917 – ноябре 1918 г. (по материалам Енисейской губернии) // Известия ИГУ. Серия «История». 2014. Т. 9. С. 82–87.

14. Партизанское движение в Сибири. Т. I. Приенисейский край. М.; Л.: ГИЗ, 1925. 285 с.

15. Яковенко В. Г. Записки партизана. Красноярск: Краснояр. книж. изд-во, 1988. 157 с.

16. Логвинов В. К. В борьбе с колчаковщиной. Красноярск: Краснояр. книж. изд-во, 1980. 288 с.

17. Колосов Е. Е. Сибирь при Колчаке. Воспоминания. Материалы. Документы. Птрг.: Изд-во «Былое», 1923. 190 с.

18. Иванов г. Тасеевская республика. 1918–1920 гг. Красноярск: Краснояр. книж. изд-во, 1969. 100 с.

19. Енисейский энциклопедический словарь (ЕЭС). Красноярск: Русская энциклопедия, 1998. 735 с.

20. Годы огневые: Сб. воспоминаний участников Красноярского большевистского подполья

и партизанского движения в Енисейской губернии в борьбе за власть Советов (1918–1920 гг.). Красноярск: Краснояр. книж. изд-во, 1962. 407 с.

21. Эльцин В. Пятая армия и сибирские партизаны // Борьба за Урал и Сибирь. М. – Л.: Госиздат, 1926. С. 261–280.

22. Штырбул А. А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века. Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: теория и практика. Ч. 2 (1918–1925). Омск: Изд-во Омск. пед. ун-та, 1996. 174 с.

23. Думбадзе Г. То, что способствовало нашему поражению в Сибири в Гражданскую войну // Восточный фронт адмирала Колчака. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. С. 582–587.

24. Балмасов С. С. Функционирование органов власти антибольшевистских правительств Сибири. 1918–1920 гг. // Белая гвардия: альманах. № 5. Белое движение на востоке России. М., 2001. С. 3–11.

25. Поездка из Петербурга в Сибирь в январе 1920 г. Андрея Левинсона // Архив русской революции. № 3–4. М.: Терра, 1991. С. 190–209.

26. О пьянстве енисейских партизан, их преступлениях и безобразиях на этой почве см.: Шекшеев А. П. Самогоноварение, потребление алкоголя и борьба с ними в енисейской деревне (1917–1930 гг.). Ч. 1. 2 // Известия лаборатории древних технологий. 2016. № 3 (20). С. 119–134; № 4 (21). С. 82–97.

27. Бугаев Д. А. На службе милицейской. Кн. 1. Ч. 1. Красноярск: Краснояр. книж. изд-во, 1993. 336 с.

28. Романов Р. До адских границ // Надежда. 1993. 27 октября.

29. Попов Г. Н. Партизаны Заманья: воспоминания политработника партизанской армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина. Красноярск: Краснояр. книж. изд-во, 1974. 197 с.

30. Мармышев А. Падение белого Енисейска (декабрь 1919 – январь 1920 гг.) // Сибирский исторический альманах. Т. 2. Сибирь на переломе эпох. Начало XX века. Красноярск: Версо, 2011. С. 178–185.

«ЗАБЫТАЯ ПЕРЕПИСЬ» (К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ПРОВЕДЕНИЯ ВСЕСОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1937 Г.)

В. А. КЫШПАНАКОВ

УДК 93/94

В статье рассматривается история проведения Всесоюзной переписи населения 1937 г. В 2017 г. исполнилось 80 лет со дня ее проведения. Приводятся сохранившиеся в Национальном архиве Республики Хакасия материалы о ходе подготовки к переписи, данные о численности населения по Хакасской автономной области в разрезе городов и районов, а также предварительные цифры о численности населения, опубликованные в научных и статистических изданиях.

Ключевые слова: история переписи населения, демографическая катастрофа, численность населения, соотношение полов, национальный состав, репрессии статистиков.

«THE FORGOTTEN CENSUS» (TO THE 80TH ANNIVERSARY OF THE ALL-UNION POPULATION CENSUS OF 1937)

V. A. KYSHPANAKOV

The article reviews the history of the All-Union Population Census of 1937. In 2017, 80 years have passed since its inception. Preserved in the National archive of Republic of Khakassia on the progress of the preparation for the census, data on the population of the Khakass Autonomous Area in the context of towns and regions as well as preliminary data on the population published in scientific and statistical publications are shown.

Key words: history of population census, demographic catastrophe, population size, sex ratio, national composition, repressions of statistics.

Вторая Всесоюзная перепись населения СССР была проведена в ночь с 5 на 6 января 1937 г., а уже 25 сентября того же года выходит специальное постановление СНК СССР, подписанное И. Сталиным и В. Молотовым, в котором она объявляется проведенной «с грубейшим нарушением элементарных основ статистической науки, а также с нарушением утвержденных правительством инструкций», а ее материалы признаны «дефектными»¹. Этим же постановлением

ЦУНХУ Госплана СССР обязывалось провести очередную перепись в январе 1939 г. На долгие десятилетия итоги переписи были засекречены, руководители Центрального управления народнохозяйственного учета И. А. Краваль и О. А. Квиткин и другие были расстреляны, а многие приговорены к различным срокам заключения. Такая же участь постигла и руководителей республиканских и областных управлений.

Лишь в годы перестройки в конце 1980-х-начале 1990-х гг. стали публиковаться материалы Всесоюзной переписи 1937 г.,

¹ Правда. 1937. 26 сентября.

комментарии к ним, раскрывающие общественно-политическую атмосферу, царившую в стране. Это работы В. В. Цаплина, М. С. Тольца, Ф. Д. Лифшица, Ю. А. Полякова, В. Б. Жиромской, Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского, Т. Л. Харьковской, А. Волкова и др. [1, 3, 4, 8, 9, 11]. В сибиреведческой исторической науке большой вклад в развитие этой темы внес В. А. Исупов [6].

В настоящей статье вкратце освещаются события, связанные с проведением переписи и ее итогами, и приводятся ранее не публиковавшиеся в региональной исторической литературе сведения и материалы о ходе подготовки и итогах переписи 1937 г. в Хакасской автономной области из Национального архива Республики Хакасия (НАРХ).

Почему же результаты переписи 1937 г., подготовка к которой началась задолго до ее проведения и широко освещалась в центральной печати, были объявлены «дефектными», а статистическая служба страны подверглась разгрому? Ведь проект переписи редактировал лично сам И. Сталин. Историки и демографы, занимавшиеся изучением материалов переписи 1937 г. едины во мнении, что столь печальная судьба переписи 1937 г. и ее организаторов предопределена всем ходом политических событий в СССР. Вождю и его окружению требовалось показать последовательный и поступательный рост советской экономики и населения страны.

В отчетном докладе XVII съезду ВКП(б) И. Сталин указал на рост населения Советского Союза со 160,5 миллиона человек в конце 1930 г. до 168 миллионов в конце 1933 г. [10, с. 495]. На XVIII съезде ВКП(б) в 1939 г. Сталин упомянул о 170 млн. населения [10, с. 617]. Перепись же показала, что было переписано (без пассажиров поездов и пароходов) 155,6 миллионов человек [2, с. 22]. Кроме того, к этой цифре были приплюсованы данные спецпереписи, проведенной Наркоматом обороны и НКВД СССР. Вместе с ними численность населения СССР по переписи 1937 г. составила 162,0 миллиона человек (более точно: 162039470 человек)². Эта окончательная цифра и была сообщена Правительству СССР не позднее марта 1937 г. руководителем ЦУНХУ И. Кравалем.

² Вестник статистики. 1990. № 1. С. 65.

Мог ли такой результат устроить И. Сталина? Понятно, что нет. На февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. Сталин, Молотов и Ежов призвали к выявлению и разоблачению «врагов народа», которые уже были «обнаружены» в ряде ведомств. Такие «враги народа» нашлись и в ЦУНХУ. Летом 1937 г. репрессии расширяются и распространяются на республиканские и областные управления статистики. По выражению А. Волкова «коса пошла гулять по всей системе народнохозяйственного учета» [3, с. 46]. Он же приводит в своей статье фамилии многих руководителей статистических служб страны, судьба которых была весьма трагична. «Враги народа, – говорилось в редакционной статье газеты «Правда», – сделали всё для того, чтобы извратить действительную численность населения. Они давали счетчикам вредительские указания, в результате которых многочисленные группы граждан оказались невнесенными в переписные листы»³. Передовицы центральных газет перепечатывались краевыми и областными изданиями. Бюро Всесоюзной переписи населения 1939 г., подготовка к которой уже шла полным ходом, разослало в местные органы учета закрытое письмо «О вредительских извращениях и организационных недостатках в проведении переписи населения 1937 г.». В нём говорилось: «Наша славная разведка во главе с верным сталинским наркомом (НКВД – Прим. авт.) Николаем Ивановичем Ежовым разгромила змеиные гнезда троцкистско-бухаринских бандитов (процесс 1936 г. – Прим. авт.), наемников иностранных разведок. Но остатки врагов народа продолжают свою гнусную работу. Замаскировавшись, еще не разоблаченные фашистские агенты вновь попытаются нанести удар по важнейшему государственному мероприятию – Всесоюзной переписи»⁴.

Мы не располагаем данными о судьбах руководителей Хакасского УНХУ. Их фамилий нет даже в Книгах Памяти. Однако известны имена тех, кто руководил статистической службой области в те страшные годы сталинских репрессий.

³ Правда. 1938. 27 июля.

⁴ Национальный архив Республики Хакасия (НАРХ). Ф. Р-169. Оп. 1. Д. 164. Л. 52.

Это Генер Михаил Игнатьевич (1936 г.), Шишлянников (без инициалов – Прим. авт. – 1937 г.), Головки Иван Федорович (1938–1939 гг.).

Какова же была численность населения Хакасии по данным переписи 1937 г.? Официальные сведения таковы. В Хакасской автономной области на момент проведения переписи было учтено 236186 человек, в том числе 116005 мужчин (49,1%) и 120181 женщина (50,9%)⁵ [2, с. 67]. То есть на 1000 женщин в среднем приходилось 965 мужчин. Для сравнения: по СССР этот показатель составлял 921, а по РСФСР диспропорция была еще большей – 882. Такой перекоп в соотношении по полу был следствием не только Первой мировой войны, революции 1917 г., последовавшей за ней Гражданской войны 1918–1920 гг., но и коллективизации, раскулачивания, высылки раскулаченных на спецпоселения, массового бегства крестьян из деревни в города, голода 1932–1933 гг., принявшего в ряде республик СССР (Украина, Казахстан) фактически характер геноцида, начавшихся, но еще не массовых репрессий – все эти гигантские пертурбации и катаклизмы советской истории вызвали демографическую катастрофу, которую и зафиксировала перепись населения 1937 г. В этом и была ее «вина», и главная причина последовавших репрессий, обрушившихся на головы статистиков страны.

Что же касается большого недоучета населения, то, как показали все источники и исследования специалистов, его при проведении переписи 1937 г. не было. Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский и Т. Л. Харькова после тщательных расчетов оценили общий недоучет в переписи 1937 г. примерно в 700 тыс. человек, или 0,43% [1, с. 36].

Многие исследователи, занимающиеся изучением демографической истории СССР и России, отмечают, что на этом «поле» всё еще остается немало лакун. С конца 20-х и до середины 50-х гг. XX в. не было достоверных данных о движении населения и его численности. Главной причиной являлось плохое состояние статистического учета движения населения страны. Так, Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский и Т. Л. Харькова подчеркивают, что в «первой половине 30-х гг. текущий учет населения был настолько плох,

что на отдельных территориях вообще не проводился» [1, с. 34]. Имеющиеся в Национальном архиве Республики Хакасия данные текущего учета и самой переписи нередко противоречат друг другу, нуждаются в уточнениях и корректировке. Написанные на плохой бумаге, а нередко просто на обрывках, они являются по сути единственными и немymi свидетелями той эпохи. По сохранившимся данным, подписанным руководителем Хакасского областного УНХУ Шишлянниковым (без инициалов – Прим. авт.), в таблице 1 приведена численность населения Хакасской автономной области.

Приведенные в таблице 1 данные по Хакасии являются предварительными, как и все цифры по СССР, поскольку они не были утверждены, были объявлены дефектными и упрятаны в архивы. Тем не менее, именно они вместе с данными по спецконтингенту «Б» и «В» (охрана и заключенные) опубликованы в материалах переписи 1937 г. – 236186 человек⁶. Численность собственно гражданского населения области составила 228003 человек, а разница в 8183 человека и относилась к спецконтингенту (таблица 2).

Итоговые данные численности населения Хакасии (гражданское население и спецконтингент) в разрезе по полу, городской и сельской местности приведены в таблице 3.

В целом удельный вес городского населения Хакасии по данным переписи составил 41,4%. При этом его численность увеличилась по сравнению с данными переписи 1926 г. в 16,4 раза. Именно в 30-е гг. был заложен фундамент роста городского населения области. В горно-таежной зоне Хакасии в результате развития горно-рудной промышленности были образованы рудничные поселки Балахино (1934 г.), Балыкса (1932 г.), Коммунар (1932 г.), Кызас (1932 г.), Знаменитый (1934 г.), а рост лесной и деревообрабатывающей промышленности вызвал появление Усть-Абаканского лесозавода и образование поселка Лесозавод (1932 г.). Поселки Усть-Абаканский и Черногорские Копи в результате роста численности жителей были преобразованы в города Абакан (1931 г.) и Черногорск (1936 г.) соответственно.

⁵ Вестник статистики. 1990. № 7. С. 67.

⁶ Вестник статистики. 1990. № 7. С. 67.

Таблица 1

Численность населения Хакасской автономной области по данным переписи 1937 г.
(наличное население, человек)*

Города, районы	Всего	В том числе		На 1000 женщин приходится мужчин**
		мужчин	женщин	
г. Абакан	25698	12331	13367	922
г. Черногорск	12115	5789	6327	915
Аскизский	27265	13003	14262	912
Бейский	23023	10628	12395	857
Боградский	18954	9499	9455	1005
Саралинский	26908	13137	13771	953
Таштыпский	34175	17292	16883	1024
Усть-Абаканский	22125	11057	11068	999
Ширинский	37732	18857	18875	999
Всего	228003	111590	116413	958

* Источник: НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 297. Л. 6.

** Рассчитано по данным таблицы.

Таблица 2

Предварительные итоги переписи 1937 г.
(по контингенту «Б» и «В» НКВД)*

Территории	Всего, человек**	В том числе			
		городское		сельское	
		мужчины	женщины	мужчины	женщины
Красноярский край	<u>73999</u> 49663	14359	8235	31855	19550
в том числе Хакасская А.О.	<u>8183</u> 5209	3938	3733	429	83

* Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М., 1991. С. 168–169.

** В знаменателе – число лиц в возрасте 18 лет и старше.

Таблица 3

Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения 1937 г.
по Хакасской автономной области, человек*

	Всего по области	город			село		
		всего	в том числе		всего	в том числе	
			мужчин	женщин		мужчин	женщин
Всё население	236186	97774	47884	49890	138412	68121	70291

* Составлено по: НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 297. Л. 6.; Поляков Ю. А., Жиромская В. Б., Киселев И. Н. Полвека молчания [Всесоюзная перепись населения 1937 г.] // Социологические исследования. 1990. № 8. С. 34–35; Вестник статистики. 1990. № 7. С. 67.

Наконец, из опубликованных и архивных источников представляет интерес соотношение по полу по данным переписи 1937 г. (таблица 4).

Данные таблицы 4 показывают, что на начало 1937 г. по предварительным итогам переписи в Хакасии соотношение полов было значительно более благоприятным, чем в целом по СССР и РСФСР. Очевидно, что

волны социально-политических катаклизмов были более разрушительными в центре страны и достигали периферии уже ослабленными. При этом следует, конечно, учитывать, что массовые репрессии, достигшие своего пика в 1937–1938 гг. только начинались. Однако перепись 1939 г., назначенная вместо «дефектной» переписи 1937 г.,

Таблица 4

Распределение населения по полу по переписи 1937 г.*

	Удельный вес во всём населении, %		На 1000 женщин приходится мужчин
	мужчин	женщин	
СССР	47,3	52,7	898
РСФСР	46,9	53,1	882
Хакасская А.О.	49,1	50,9	965

* Составлено по: Всесоюзная перепись населения. Краткие итоги. М., 1991. С. 50–51; 52–53, 60–61; НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 297. Л. 6.

зафиксировала уже другое соотношение полов и долей: мужчины – 48,6%, женщины – 51,4%, а на 1000 женщин приходилось уже 945 мужчин вместо 965. Сталинский каток массовых репрессий докатился и до Хакасии.

Литература

1. Андреев Е., Дарский Л., Харькова Т. Опыт оценки численности населения СССР. 1926–1941 гг.: краткие результаты исследования // Вестник статистики. 1990. № 7. С. 34–46.

2. Вестник статистики. 1990. № 7. С. 65–79.

3. Вестник статистики. 1990. № 8. С. 45–56.

4. Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М., 1991. 237 с.

5. Волков А. Из истории переписи населения 1937 года // Вестник статистики. 1990. № 8. С. 46–56.

6. Волков А. Г. Шаг к правде (о статье Ф. Д. Лифшица). // Демографические процессы

в СССР. М.: Наука, 1990. С. 174–207.

7. Всесоюзная перепись населения 1937. Краткие итоги. М., 1991. 237 с.

8. Исупов В. А. Демографическая сфера в эпоху сталинизма // Актуальные проблемы Советской Сибири. Под ред. В. И. Шишкина. Новосибирск: Наука, 1990. С. 180–201.

9. Лифшиц Ф. Д. Перепись населения 1937 года // Демографические процессы в СССР. М.: Наука, 1990. С. 174–207.

10. Поляков Ю. А., Жиромская В. Б., Киселёв И. Н. Полвека молчания: Всесоюзная перепись населения 1937 г. // Социологические исследования. 1990. № 8. С. 30–51.

11. Сталин И. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. М.: Госполитиздат, 1952. 651 с.

12. Тольц М. Репрессированная перепись // Родина. № 11. С. 55–61.

ПАРТИЙНО-СОВЕТСКАЯ НОМЕНКЛАТУРА ХАКАССКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1946–1953 ГГ.)

В. П. ПЕЧЕРСКИЙ

УДК 94(571.513) «1946/1953»

В статье рассматриваются вопросы, связанные с изменениями в кадровом составе номенклатурных работников Хакасской автономной области в послевоенный период (1946–1953 гг.). Исследуются проблемы, связанные с дефицитом руководящих кадров, проявившиеся еще в военное время. Подвергается анализу образовательный уровень руководящих работников и меры по повышению их профессиональной квалификации и политической грамотности.

Ключевые слова: Хакасская автономная область, партийно-советская номенклатура, обком ВКП(б), горкомы, райкомы.

THE PARTY AND SOVIET NOMENCLATURE OF THE KHAKASS AUTONOMOUS REGION IN THE POSTWAR PERIOD (1946–1953)

V. A. PECHERSKY

The article considers the issues related to changes in personnel of nomenclatural workers of the Khakass Autonomous Region in the postwar period (1946–1953). Problems connected with the shortage of managerial staff, which appeared during the war time, are studied. An educational level of managerial employees and measures of increasing their professional qualifications and political literacy are analyzed.

Key words: the Khakass Autonomous Region, the Party and Soviet nomenclature, the Regional Committee of the All-Union Communist Party of the Bolsheviks, city committees, district committees.

В преодолении негативных последствий, вызванных Великой Отечественной войной, особая роль принадлежала управленческому классу: от его деловых качеств во многом зависело, насколько быстро страна достигнет доведенных показателей и превзойдет их.

В последние годы партийно-советская номенклатура вызывает устойчивый интерес у исследователей. Из работ, посвященных изучению деятельности номенклатуры в послевоенный период, можно выделить статьи А. Б. Коновалова [1, с. 270–279] и О. Н. Калининой [2, с.

304–312, 3, с. 70–74]. Руководящий класс Хакасии был изучен в работе Т. А. Кискидосовой [4, с. 89–100] и нашей статье [5, с. 57–66]. Деятельности комсомольской номенклатуры Хакасии в исследуемый период посвящена монография В. Н. Тугужековой [6, 160 с.].

Проблемой партийных, советских и хозяйственных органов Хакасии в первый послевоенный год был острый дефицит кадров, унаследованный от военного времени. При нехватке людей обком и райкомы были вынуждены назначать на ответственные должности

неподготовленных малограмотных людей, что было одной из причин частой смены руководящих работников. В 1946 г. из 713 должностных лиц, входивших в номенклатуру обкома ВКП(б), сменилось 264 или 37,3%, из них 56, или 7,9%, были освобождены как не справившиеся со своими обязанностями. Сменилось 44 секретаря райкомов, из которых 15, или 34%, не справились с работой или скомпрометировали себя. Так, первых секретарей райкомов в 1946 г. сменилось 14, из них только один получил повышение, 3 – были переведены на равноценные должности, 2 – направлены на учебу, не справилось – 4. По одному первому секретарю выбыло по семейным обстоятельствам или по болезни, в результате смерти и по компрометации. В одном только Усть-Абаканском районе за год сменилось 3 первых секретаря, 2 – лишлись должностей как не справившиеся, 1 – был скомпрометирован.

Еще хуже обстояли дела с низовой номенклатурой. В 1944–1946 гг. в области сменилось 205 председателей колхозов. В некоторых коллективных хозяйствах руководители менялись несколько раз в год¹. Председатели колхозов работали в условиях нехватки людей, острого дефицита сельскохозяйственной техники, недостатка продуктов. Из всех номенклатурных работников они находились в наиболее уязвимом положении, и ответственность за недостатки в работе органов власти часто сваливалась на них. За 1946 г. из 144 председателей колхозов, членов партии, получили партийные взыскания 80 человек, или 56%².

Уровень образования представителей номенклатуры после окончания войны оставался крайне низким. В 1946 г. из 126 председателей сельских и поселковых советов ни у одного не было высшего образования, лишь 19 человек окончили среднюю школу, у 107 было лишь начальное образование³.

Такое состояние кадров было характерно для всей страны, и 2 августа 1946 г. было вступило в силу Постановление ЦК ВКП(б) «О подготовке

и переподготовке руководящих партийных и советских работников». ЦК ВКП(б) был вынужден признать состояние работы по подготовке и переподготовке руководящих работников неудовлетворительным. Для повышения уровня знаний лиц, находившихся на руководящей работе, была учреждена сеть партийных школ, от Высшей партийной школы до республиканских, краевых и областных [7, с. 162–172].

Данное постановление было рассчитано прежде всего на идеологическую подготовку номенклатурных работников. К сожалению, партийные школы не могли повысить уровень знаний руководителей в сфере промышленности, сельского хозяйства, транспорта.

Кадровый вопрос в партийных, советских и хозяйственных органах в послевоенный период решался за счет демобилизованных фронтовиков. К концу 1946 г. в область прибыло более 18 тыс. бывших военнослужащих [8, с. 188]. Многие фронтовики назначались на номенклатурные должности, поскольку участники войны считались наиболее лояльными властям людьми. Кроме того, назначение на руководящую работу было одной из форм поощрения защитников Отечества.

К концу 1946 г. в аппарате Абаканского горкома ВКП(б) и ГК ВЛКСМ работало 16 демобилизованных. В аппарате Черногорского горкома партии было 4 фронтовика. В Саралинском райкоме ВКП(б) работало 5 демобилизованных, в Шарыповском – 11. В аппарате Аскизского райкома ВКП(б) трудилось 12 демобилизованных, среди них секретарь райкома по кадрам – Ф. Я. Кильчичаков, заведующий отделом пропаганды и агитации РК ВКП(б) – П. П. Трояков, инструктор РК ВКП(б) по кадрам – И. М. Кильчичаков⁴.

Демобилизация большого количества военнослужащих позволила руководству Хакасии создать кадровый резерв для номенклатурных должностей. Однако работа с резервом была поставлена слабо, и в условиях текучки кадров имел место недокомплект в партийном, советском и хозяйственном аппаратах. Всего за 1947 г. из 659 номенклатурных работников в области сменилось 143, или 21,7%, 21 человек был освобожден как не справившийся или

¹ Национальный архив Республики Хакасия (НАРХ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1213. Л. 89.

² НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1213. Л. 91.

³ НАРХ Ф. 2. Оп. 1. Д. 1214. Л. 19.

⁴ НАРХ Ф. 2. Оп. 1. Д. 1222. Л. 2, 29, 47, 89, 113.

скомпрометирующий себя. На 1 января 1948 г. укомплектованность номенклатурных работников составляла 97,4%, из имевшихся сотрудников было утверждено парткомами 99,1%⁵.

Полностью были укомплектованы в 1947 г. все 27 номенклатурных должностей органов государственной власти (советов депутатов). По 4 должности государственного планирования, учета и контроля и органов государственной обороны (военкоматов и Осоавиахима), 42 должности государственной безопасности и общественного порядка, 5 должностей в строительстве, 26 – финансово-кредитных органов, 14 – здравоохранении и соцобеспечении, 12 – в кооперации, 2 – в профсоюзах, 17 – в комсомольских органах, 1 – на прочих должностях. Недокомплект был в судебных и прокурорских органах, где из 32 штатных должностей было заполнено 29; в органах транспорта и связи – 9 из 10; в сельскохозяйственных организациях – 89 из 92; в заготовительных и торговых органах – 50 из 54; в печати и издательствах – 20 из 22; в органах управления наукой и культурой – 69 из 74; в партийных органах – 157 из 166⁶. Нехватка руководящих работников ощущалась прежде всего там, где требовалось специальное образование. В области не хватало специалистов соответствующего профиля. К сотрудникам партийных органов были повышены требования в отношении как их биографий, так и их идейно-политического уровня.

Текущее номенклатурных кадров и, как следствие, дефицит сотрудников в последующие годы обнаружили тенденцию к снижению. Если в 1948 г. в Хакасии сменилось 52 номенклатурных работника, то в 1949 г. всего 4. И в 1949 г. кадры менялись главным образом за счет перевода сотрудников на более высокие должности и отправки их на учебу. В 1948 г. получили повышения и были отправлены на учебу 40,3% сотрудников, номенклатуры, а в 1949 г. – 51,2%. Одним из типичных фактов компрометации руководящих работников были «темные пятна» в их биографиях. Так, в 1947 г. были «разоблачены» первые секретари Ширинского райкома ВЛКСМ Лаврентьев и Черногорского

ГК комсомола Чертков. Оба были сыновьями «кулаков», что тщательно скрывали. Они были сняты с работы, а Лаврентьев исключен из партии⁷.

Всё больше работников номенклатуры повышали свой образовательный уровень. В 1949 г. в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) обучались 3 руководящих работника из Хакасии, на заочном отделении ВПШ – 16, на 12-месячных курсах при ВПШ – 2, в двухгодичной краевой партийной школе – 4, в вечерних городских и районах партшколах – 85, в Абаканском вечернем университете марксизма-ленинизма – 11. Заочно учились в высших и средне-специальных учебных заведениях – 35. В средних школах без отрыва от производства учились 54 руководящих работника. Самостоятельно изучали теорию марксизма-ленинизма 205 человек. Образовательный уровень представителей номенклатуры области рос от года к году. На 1 января 1949 г. высшее образование было у 18, или 11,1% представителей номенклатуры обкома ВКП(б), к 1 января 1950 г. таких было уже 26, или 15,7%. Незаконченное высшее образование имели на 1 января 1949 г. также 18 (11,1%) номенклатурных работников обкома, через год – уже 30 (18%), среднее – у 54 (31,5%) к 1 января 1949 г., 62 (37,9%) год спустя. Незаконченное среднее образование к 1 января 1949 г. было у 68 (42%) номенклатурщиков и у 41 (25,4%) через год. Начальное образование имели соответственно 7 (4,3%), затем 5 (3,1%)⁸.

Несмотря на успехи в реализации положений Постановления ЦК от 2 августа 1946 г. уровень образования почти половины номенклатурных работников Хакасии ограничивался незаконченным средним и начальным. Зачастую, поступив на учебу, ответственные работники не могли окончить курс обучения из-за загруженности на работе или выбыв за пределы области.

Специалисты с высшим образованием в начале 1950-х гг. были наперечет. На 1 июля 1950 г. в партийных органах ХАО были следующие сотрудники с высшим образованием: 2-й секретарь Хакасского обкома ВКП(б) Н. П.

⁵ НАРХ Ф. 2. Оп. 1. Д. 1297. Л. 4.

⁶ НАРХ Ф. 2. Оп. 1. Д. 1297. Л. 4, 12.

⁷ НАРХ Ф. 2. Оп. 1. Д. 1479. Л. 24-27.

⁸ НАРХ Ф. 2. Оп. 1. Д. 1479. Л. 30.

Гудилин, член партии с 1937 г. Николаю Петровичу было 38 лет, он окончил ВППШ в 1949 г. Секретарь обкома по пропаганде и агитации С. А. Бордонский, 41 года от роду, вступивший в ВКП(б) в 1930 г., окончил Московский институт журналистики им. «Правды» при ВППШ.

Довольно распространенной среди номенклатурных работников была профессия учителя. Это было обусловлено прежде всего тем, что в Абакане действовал педагогический институт. Выпускниками АГПИ были учитель русского языка и литературы Н. С. Мартынов, заведующий лекторской группы обкома; преподаватель истории 5–7 классов Ф. С. Аскирова, заведующий сектором школ и ВУЗов обкома; преподаватель истории А. М. Масленников, инструктор обкома; преподаватель истории средних веков Н. П. Савельева, заведующий отделом пропаганды и агитации Абаканского горкома ВКП(б); другой преподаватель истории средних веков М. П. Сахаров. В партийных органах области работали выпускники и других педагогических вузов. Так, заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации обкома ВКП(б) В. С. Анюшин получил специальность учителя русского языка и литературы в Ульяновском учительском институте. Инструктор обкома П. Ф. Мухин окончил Томский педагогический институт, а лектор Абаканского горкома Л. В. Миронова – Киргизский педагогический институт им. М. В. Фрунзе.

В Хакасии была развита горнодобывающая промышленность, поэтому среди руководящих работников было немало представителей шахтерских профессий. Заведующий отделом промышленности и транспорта обкома ВКП(б) П. В. Бутанаев получил профессию горного инженера в Томском индустриальном институте им. С. М. Кирова, а секретарь Абаканского горкома К. С. Платонов – в Ленинградском горном институте. Секретарь Черногорского ГК И. А. Кулешов, окончив Свердловский горный институт, стал маркшейдером⁹.

Специалисты с высшим образованием были востребованы партийными органами, однако таких не хватало по профильным специальностям, поэтому нередким был конфликт интересов между руководящими органами и различными ведомствами и предприятиями.

⁹ НАРХ Ф. 2. Оп. 1. Д. 1493. Л. 208.

В 1951 г. из 234 номенклатурных работников Абаканского ГК КПСС сменилось 122, или 52,1%, в 1952 г. – из 254 сменилось 66 руководителей (26%), за первые 3 месяца 1953 г. – из 270 номенклатурщиков сменилось 16 (6%). Получили повышение в 1951 г. 24 сотрудника Абаканского ГК, в 1952 г. – 19, за первые 3 месяца 1953 г. – 1. Были освобождены как не справившиеся с работой в 1951 г. – 24 номенклатурщика, в 1952 г. – 4, за первые 3 месяца 1953 г. – 1. Было освобождено от должностей как скомпрометировавшие себя в 1951 г. – 9 руководителей, в 1952 г. – 5. Фактами компрометации были: пьянство, потеря секретного письма ЦК КПСС, хищение и присвоение государственных средств, содействие спекуляции.

В результате перечисленных выше изменений к 18 марта 1953 г. состав номенклатуры Абаканского горкома выглядел следующим образом. По возрасту: от 20 до 25 лет – 3 человека, или 1,2%, от 25 до 30 – 30 (12,1%), от 30 до 40 – 118 (47,7%), от 40 до 50 – 81 (32,8%). По уровню образования: с высшим – 17 (6,9%), с незаконченным высшим – 28 (11,3%), средним – 81 (32,8%), незаконченным средним – 78 (31,1%), низшим – 43 (17,3%). По национальности: русских было 212, или 86,5%, украинцев – 18 (9,8%), хакасов – 6 (2,2%), белорусов – 6, по одному еврей, буряту и шорцу, 2 – представители других национальностей. На номенклатурных должностях абаканского горкома работало 63 женщины. 5 вакансий ГК областного центра в марте 1953 г. оставались незаполненными¹⁰. В номенклатуре Абакана доминировали сотрудники со средним и неоконченным средним образованием. Специалисты же с высшим образованием всё еще составляли абсолютное меньшинство. Национальный состав номенклатурных работников отражал состав населения областного центра.

Уровень образования номенклатурщиков в районах области был ещё более низким, чем в центре. Из 25 председателей колхозов в Аскизском районе в 1953 г. не было ни одного с высшим образованием, незаконченное высшее или среднее имели лишь 4. Из 65 секретарей первичных парторганизаций в районе лишь у 15 было высшее, незаконченное высшее или

¹⁰ НАРХ Ф. 2. Оп. 1. Д. 1493. Л. 4.

среднее образование¹¹. Из руководящих работников районного масштаба высшее образование имели 2 (заведующие районным финотделом и районным здравотделом), среднее – 3 (заведующие общим отделом и культпросветотделом и председатель райплана), неполное среднее имели 3 руководителя, а образование заведующих райторготделом и райздравотделом ограничивалось 6 классами средней школы. Зачастую образование того или иного номенклатурного работника не соответствовало занимаемой должности. Из всех заведующих отделами Аскизского райисполкома в 1953 г. лишь двое имели высшее специальное образование¹².

Другой проблемой номенклатурных кадров оставалась их текучесть. В 1950–1953 г. в Аскизском райисполкоме сменилось заведующих райсельхозотделом – 4, заведующих районо – 2, председателей райплана – 2, заведующих райсобесом – 2, заведующих культпросветотделом – 3. За это же время в районе сменилось по 3 председателя в 13 сельсоветах, по 2 в 5. Всего в 1952 г. из 293 номенклатурных работников Аскизского района сменилось 204, или 35,5%, за первые 3 месяца 1953 г. – 47, из которых 16 были освобождены от должности как не справившиеся, 3 – как скомпрометировавшие себя. В Аскизском райкоме комсомола в 1952 г. поменялось 9 сотрудников при штатной численности 5 человек¹³.

Частые ротации номенклатурных работников делают актуальным вопрос о рекрутировании руководящих кадров. Как правило, происходило перемещение с одних номенклатурных должностей на другие. Так, Ф. Ф. Волков работавший до июля 1945 г. в облземотделе агрономом, был выдвинут в заместители заведующего сельхозотделом облисполкома по МТС, а в 1946 г. был переведен на должность первого заместителя сельхозотделом обкома ВКП(б). Директор Черногорской школы ФЗО Кудрявцев в 1945 г. на городской партконференции был избран членом горкома ВКП(б), затем утвержден вторым секретарем горкома,

а в 1946 г. был выдвинут на должность первого секретаря Саралинского райкома ВКП(б)¹⁴.

Будущие ответственные работники должны были пройти все карьерные ступени и зарекомендовать себя с лучшей стороны для дальнейшего продвижения по служебной лестнице. В 1946 г. значительное число сотрудников низового партаппарата были выдвинуты на повышение. Например, А. А. Булатов, работавший вторым секретарем Таштыпского райкома ВКП(б), был избран первым секретарем того же парткома. Секретарь по кадрам Бейского РК М. Г. Филиппов был избран вторым секретарем райкома¹⁵.

В 1947 г. дальнейшее продвижение по службе получил Н. А. Полевец, занимавший должность заведующего особым сектором обкома ВКП(б) 4 года. Его выдвинули заместителем заведующего отделом кадров обкома. Инструктор обкома А. Д. Сухоруков, бывший помощник секретаря Абаканского ГК, получил должность заведующего особым сектором обкома. Инструктор оргинструкторского отдела обкома А. В. Тясто после 2 лет 8 месяцев пребывания на данной должности была выдвинута в заведующие партийной статистики и учета единого партийного билета обкома. Г. В. Побызиков, фронтовик, награжденный 5 правительственными наградами, с должности заведующего сектором промышленных кадров отдела кадров обкома был переведен в третьи секретари Абаканского горкома ВКП(б). Первый секретарь Саралинского РК ВКП(б) И. Ф. Кудрявцев, после двух лет пребывания на партийной работе был выдвинут 1 секретарем Черногорского горкома. Главным мотивом перевода было знание Иосифом Федоровичем горнорудного дела¹⁶.

Для исследуемого периода были нехарактерны головокружительные карьеры и скачки через несколько ступеней. Номенклатурщик мог рассчитывать на перевод в вышестоящий партийный орган на меньшую должность, либо на периферию, где его назначали на более высокий пост. Это, наряду с переводом на следующую ступень в одном и том же парткоме, считалось

¹¹ НАРХ Ф. 2. Оп. 1. Д. 1943. Л. 21.

¹² НАРХ Ф. 2. Оп. 1. Д. 1943. Л. 56.

¹³ НАРХ Ф. 2. Оп. 1. Д. 1943. Л. 57.

¹⁴ НАРХ Ф. 2. Оп. 1. Д. 1213. Л. 87.

¹⁵ НАРХ Ф. 2. Оп. 1. Д. 1214. Л. 12.

¹⁶ НАРХ Ф. 2. Оп. 1. Д. 1297. Л. 22–23.

признанием заслуг номенклатурного работника и знаком доверия ему.

Послевоенный период, 1945–1953 гг. в литературе принято называть «апогеем сталинского тоталитаризма». Однако это определение далеко от истины. В это время над номенклатурой не довлел страх репрессий, как в годы «большого террора», а освобожденные от должности по компрометации и как не справившиеся, как правило, направлялись на другую руководящую работу.

Так, в 1950 г. освобожденный от должности инструктора обкома ВКП(б) как скомпрометировавший себя В. Т. Трубников был назначен инспектором по кадрам Абаканского железнодорожного строительства. Потерявший по тем же причинам должность секретаря Абаканского ГК ВКП(б) Д. И. Васильев стал директором Абаканской школы № 2. Скомпрометировавший себя секретарь Усть-Абаканского райкома А. А. Султрекков работал председателем районного союза лесосплава. Бывший председатель Бейского райпотребсоюза Н. М. Андрианов был назначен директором заготконторы, а занимавший должность председателя Ширинского райпотребсоюза П. С. Мещеряков стал начальником Матурского управления рабочего снабжения. Бывший директор МТС им. Горького С. Т. Шульга был назначен заместителем директора совхоза, а бывший директор Минусинского племсовхоза А. А. Гребенников стал старшим агрономом Июсского совхоза¹⁷.

Не только скомпрометировавшие себя, но и показавшие профессиональную непригодность номенклатурщики могли рассчитывать на руководящие должности. В 1950 г. освобожденный от должности начальника областного управления Министерства государственной безопасности Д. Д. Медведев был назначен начальником Минусинского городского управления МГБ. Бывший председатель областного комитета радиовещания Е. В. Якутович стал заместителем председателя по кадрам Облхакпотребсоюза. Снятый с поста ответственного редактора газеты «Хызыл аал» И. С. Коков был назначен заведующим начальной школы в Ширинском районе, а снятый с поста заведующего отделом агитации и пропаганды Аскизского РК ВКП(б) П. П. Трояков начал работать председателем

¹⁷ НАРХ Ф. 2. Оп. 1. Д. 1700. Л. 176.

колхоза. Ф. Д. Усов, не справлявшийся с должностными обязанностями 1 секретаря Алтайского райкома ВЛКСМ стал инструктором Алтайского РК ВКП(б)¹⁸.

Таким образом, скомпрометированным и некомпетентным номенклатурным работникам предоставлялся шанс начать карьеру на новом месте. В руководящих органах понимали, что ошибки их назначенцев были связаны прежде всего с тем, что последние не имели возможности получить образование по специальности.

Своеобразные итоги эпохи подвел девятнадцатый съезд партии, проходивший с 5 по 14 октября 1952 г. Это был первый съезд после 1939 г., и партийному руководству предстояло подвести итог тринадцатилетнему периоду в истории нашей страны, принять планы дальнейшего развития. На девятнадцатом съезде был принят представленный ЦК Устав КПСС, определивший в числе прочего структуру партийных органов [7, с. 341–383].

Съезд показал, что во время войны в стране выросли новые кадры руководителей, воспитанные социализмом и советской властью, более компетентные в профессиональных вопросах, чем представители «старой» партийной гвардии.

Под руководством номенклатурных работников Хакасии экономика области успешно развивалась в послевоенный период. Уже 28 октября 1949 г. трест «Хакасуголь» выполнил четвертый пятилетний план по добыче угля. За 1949 г. было добыто сверх плана 126940 т. угля. В 1951 г. был введен в строй Сорский молибденовый комбинат. Довоенных показателей добилось сельское хозяйство [9, с. 19–22.].

В послевоенный период для многих представителей номенклатуры Хакасия по-прежнему оставалась стартовой площадкой для карьерного роста. Руководящие работники, отработав определенный срок, покидали область. Однако в начале 1950-х гг. номенклатурные работники стали закрепляться на местах, текучесть кадров резко снизилась, что объяснялось экономическим ростом в области и, соответственно, увеличением ее регионального значения. Позитивные изменения шли медленно, и их влияние в полной мере сказалось уже в последующий период.

¹⁸ Там же. Л. 177.

Литература

1. Коновалов А. Б. Система взаимоотношений партийной номенклатуры центра и регионов в период позднего сталинизма: институты, традиция, практика, 1945–1953 гг. // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг. Материалы VII международной научной конференции. Тверь, 4–6 декабря 2014 г. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 270–279.
2. Калинина О. Н. Советская номенклатура и система внутривластной охранительности в позднесталинский период (1946–1953 гг.) // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг. Материалы VII международной научной конференции. Тверь, 4–6 декабря 2014 г. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 304–312.
3. Калинина О. Н. Многоуровневый контроль в номенклатурной системе (вторая половина 1940-х – начало 1960-х годов) // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: история, филология. 2011. Т. 10. Вып. 10: История. С. 70–74.
4. Кискидосова Т. А. Формирование партийной номенклатуры Хакасской автономной области в начале 1930-х годов // Повседневность номенклатуры: сборник статей. Под редакцией В. П. Мохова и Н. А. Фролова. Пермь: Изд-во Пермского нац. исследов. политех. ун-та, 2013. С. 89–100.
5. Печерский В. А. Партийно-советская номенклатура Хакасской автономной области в годы Великой Отечественной войны // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2016. № 4(16). Вып. 5. С. 57–66.
6. Тугужекова В. Н. Комсомол в первые послевоенные (из опыта работы комсомольских организаций Горного Алтая, Тувы и Хакасии). Абакан: Хакасское отд. Красноярского кн. изд., 1991. 160 с.
7. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1971. Изд. 8-е, доп. и испр. М.: Политиздат, 1971. 528 с.
8. Очерки истории Хакасской областной организации КПСС. Красноярск: Краснояр. книж. изд-во, 1987. 359 с.
9. Тугужекова В. Н. Южная Сибирь послевоенная. 1945–1965 гг. (на материалах Горного Алтая, Тувы и Хакасии). Абакан: Абаканский гос. пед. ин-т им. Н. Ф. Катанова, 1993. 194 с.

'SAS TOY' BIR KARŞITLAMA ÖRNEĞİ SAYILABILIR MI?

AKTAŞ, ERHAN

УДК 39 (560)

Türk eğlence kültürü içerik ve uygulamalarıyla oldukça zengin bir yapıya sahiptir. Bu kültürel yapının çekirdeğini ise geçiş dönemi adı verilen üçlü yapıdaki evlenme başlığı oluşturmaktadır. Evlilik öncesi ve sonrası yapılan uygulamalar aynı törensel dokunun içinde yer alsa da amaç, içerik ve uygulama farklılığı hemen göze çarpmaktadır. Bu çalışmada Hakas folkloruna ait evlilik törenleri içindeki bir uygulama çerçevesinde, bu uygulamanın gerçek ve örtük anlamı üzerine duracağız. Çalışmada savunulan görüş özelinde Hakaslara genelinde ise Türk kültürüne ait folklor, folklor edebiyatı ile sözlü ve yazılı Türk kültürü örnekleriyle desteklenmeye çalışılacaktır.

Anahtar Kelimeler: Geçiş dönemleri, karşıtlama, evlilik, saç toyu, Hakaslar.

МОЖЕТ ЛИ САС ТОЙ СЧИТАТЬСЯ ПРИМЕРОМ АНТИФРАЗИСА?

АКТАШ ЭРХАН

Тюркская культура обладает богатой структурой, наполненной содержанием и практическим применением. Основу этой структуры составляют три важных жизненных этапа, считающиеся переходными периодами (рождение, свадьба, смерть), один из них рассматривается в данной статье. Хотя обряды, осуществляемые перед свадьбой и в период после нее, входят в один и тот же обрядовый контекст, бросается в глаза разница в их цели, содержании и применении. В статье мы остановимся на настоящем и скрытом значениях обрядов женитьбы, представленных в хакасском фольклоре. Идеи, которые обосновываются в работе, опираются на примеры из фольклорных произведений, принадлежащих как собственно хакасам, так и в целом тюркским народам.

Ключевые слова: переходные периоды, антифразис, свадьба, сас тойы, хакасы.

CAN 'SAS TOY' BE ACCEPTED AS AN EXAMPLE OF ANTIPHRASE?

AKTAŞ ERHAN

The Turkic carnival culture has filled with content and practices. The base of that structure forms 'wedding' title which is being in passing rites. The practices which pre-marital and post-nuptial

are in the same ceremonial context but have some differences about aims, contents and practices. In this paper we focus on a practice with the frame of wedding ceremonies and its apparent and latent meanings. However, it is mentioned this subject with the examples of common Turkic folklore, folk literature, oral and written cultures.

Key words: Passing rites, antiphrase, wedding, hair rite, Khakas

0. Giriş

Türk Halkbilimi başlıklı eserinde Sedat Veyis Örnek geçiş dönemlerini *doğum, çocuk, evlenme* ve ölüm şeklinde dört başlık altında toplamaktadır [1, s. 131–238] Bu ana başlıklar daha ayrıntılı, kültürle göre de değişkenlik, zenginlik ve çeşitlilik bakımından farklılık gösteren alt başlıklar altında ele alınabilir. Bu çalışma Hakas folklorunda yer alan ve geçiş dönemlerinden *evlenme* ana başlığı altında değerlendireceğimiz bir uygulamayla ilgilidir. Burada evlilik töreni merkezli bir halk kültürü pratiğinin adlandırma bakımından eğlenceye yönelik bir içeriğe sahip iken anlam dünyasında bir yas unsuru olup olamayacağı tartışılacaktır. Bu tartışma içerik ve işlev bakımından halkbilimsel bir çerçevede ele alınmakla birlikte çalışmayı oluşturan ve içerik bağlamı bir terim folklorun dışındaki bir başka sosyal bilimler disiplini olan dilbilim alanından ödünçlenmiştir. Terminoloji folklor ve lingüistik temelli olacak iken örneklem folklor, tarih ve sanat tarihi merkezinde genişletilecektir.

1. Kavramlar

Bu çalışmanın temelinde birkaç temel kavram ve terim mevcuttur. Bunlardan ilki aslında bir dilbilim terimi olan ve Türkçeye *karşıtlama* olarak tercüme edilen *antiphrasedir*. Terim “*Bir yargıyı karşıt anlamda kullanma (örn. “hastalanmak” anlamında şifayı kapmak demek)*” anlamındadır [2, s. 131]. Burada verilen örnek üzere menfi anlama sahip hastalanmak fiili kelimenin karşıt anlamına gelecek biçimde ‘şifayı kapmak/sağlığına yeniden kavuşmak’ şeklinde karşılanmıştır. Karşıtlama terimi Berke 2002’de bu şekilde anlamlandırılırken *Dil Bilimi Terimleri Sözlüğü*’nde *karşıtlama* terimi için *karşıt anlamlılık* (antonymy) maddesine işaret edilir [3, s. 530]. Anılan çalışmada karşıt anlamlılık “*Anlamda karşıtlık, anlamla birlikte ulaşılan bir bilgidir. Her bilgi, karşıt bilgiyle doğar; bu yüzden, karşıtlık, bilgilerimizde en temel komşuluktur. Karşıt anlamlı sözler birbirlerinin ses, yapı ve*

kullanım alanlarını doğrudan etkilerler” derken varlık adı olan genel adların karşıt anlamlarının olmadığı ancak özellik adı olan sıfat, zarf ve fiillerde bir karşıtlık durumunun olduğu ifade edilir [3, s. 530]. Bu tanım ve ifadelerden sonra çalışmamızda iddiamızı oluşturan durum Karağaç’ın şu ifadesinde yer alır: “*Karşıt anlamlılar, metin kurgulamada karşı tezler (antithesis) oluşturmak için kullanılır. Karşıt anlamlılar ustaca kullanılarak, söylenecek düşünce daha aydın ve anlaşılır bir biçimde ifade edilebilir.*” [3, s. 530]. Ayşe Pamir Dietrich ise *antonym* terimini “kuramlar arası karşıtlık” olarak vermektedir [4, s. 11] ve bu diğer Türk yazı dillerinde aynı şekilde kullanılır [5, s. 59]. Burada, dilbilimindeki bu kavramdan yola çıkarak çalışmamızın terimsel iskeletini kurmaya, folklor esaslı örneklerle de çalışmayı inşa etmeye çalıştık.

Değineceğimiz bir diğer kavram ise *toy* kavramıdır. İçeriğe ait tanım ve örneklerini sözlü/yazılı edebî ürünlerden tarihî kaynaklara dek birçok üründe takip edebildiğimiz toyların eğlence / anma içerikli olmasının yanı sıra siyasî yanının da olduğu malumdur. Bu Uygur harfli Oğuz Kağan destanından başlayarak Türk Dünyası destan geleneğinin neredeyse her bir ürününde siyaset/eğlence/anma yönleriyle takip edilebilmektedir. Yine bu toyları belirleyen önemli bir diğer özellik yukarıda da bahsettiğimiz insan hayatının geçiş dönemlerini oluşturan zamanlarda yapılan eğlence/toylardır. Konumuzu oluşturan *sas toy* da bu geçiş dönemleri içinde yer alan evlilik ana başlığının alt başlıklarından biri olarak değerlendirilebilir.

Sas Toy, Hakas folklorunda değişik sebeplerle tertip edilen eğlencelerden biri olup, bunun yanı sıra *kin toy, pizik toy, pala toy, tis toy, kispik toy, tuzamah kiskan toy* gibi toylar da yer almaktadır. Evlilik törenleri de kendi içinde toylara ayrılmaktadır: *sas toy, çaras, küçük-toy, ulug-toy, ib toy* ve tergin [6, s. 11–12]. Söz konusu eserde *sas toyu* şu şekilde anlatılmıştır: “*Gelinin damadın evine getirilmesinden sonra, kızın örgüleri çözülür*

ve saçlar iki örgü şeklinde yeniden örülürdü. Hakas kadınlarının saç taraması bazı anlamlar içermektedir. Genel kanaate göre kızların birçok örgüsü (sürmesi) olurdu, bunların örülmesi bir saati alırdı (otsar). Evli kadınların iki örgülü saçları olurdu (tulun). İhtiyar kadınların ise üç örgüsü olurdu (sürmesi). Genç bir kız evlilik dışı bir doğum yaptığında tek örgüyle dolaşmak zorunda idi (kiçege) ki bu durum bir rezalet sayılmaktaydı. Sas toyu toyunda beliklerin örülmesi esnasında kadının başında ağabeyi (nige) veya ablası (piçe) veyahut da dayısı (koş) bulunurdu. Örgüleri çözen kişi "pazırthan içe" şeklinde adlandırılmaktaydı ve bu geleneğin tümünden sorumlu olurdu. O dünürü olarak kıyafetini giyerdi. Ebeveyn yurdun kuzey tarafından üç ak ağaç sırtığının üstünü kapatarak kapıdan doğu tarafına (harandı) bir düğün alacağı yaparlardı. Gelin tüm saç toyu boyunca bu alacıkta bulunmak mecburiyetindeydi. Burada kızın saçları çözülür ve iki belik örülür. "Pazırthan içe" sağ omuz hizasında dururken, onun baldızı (abızın) solda dururdu. Pazırthan içe, kızın düğümlü saçına hemen kendi saçından yapılmış bir düğme (suundi) tutturur. Diğerini damattan arlığı saçla yapar." [7, s. 7-8 // 8, s. 149, 155 // 6, s.11 // 9, s. 76].

Yas kavramı da geçiş dönemlerinden sonucusu olan ölüm başlığındaki uygulamaya dönük ürünlerden birini işaret eder. Burada söylenen ve ağıt adını alan şiirler, bedene zarar vererek, onun şeklinde birtakım değişiklikler yaparak gerçekleştirilen uygulamalar, ölen kişi(ler) in ardından verilen yemekler, onların ölümünü takip eden formel sayıdaki günlerde tekrarlanan uygulamalar vd. yas törenlerindeki matem havasını sağlamak amacıyla en çok başvurulan yöntemlerden biridir [Hakaslardaki ölüm kavramı ve ölüm sonrasındaki inanma ve uygulamalar için bkz. 10, s. 65-87]. Bu sebeple toy kavramıyla inanma, içerik ve uygulama bağlamında birbir zıtlık içerisinde.

Yukarıda alıntısı yapılan sas toyuna ait tasvirleri Hakas sözlü edebiyat ürünlerinde de canlı bir şekilde görmek mümkündür. Biz bu çalışma çerçevesinde özellikle Hakas destanlarındaki örneklerden faydalandık. Aşağıdaki başlık altında incelediğimiz yirmi beş Hakas destanındaki sas toyundakilerle birlikte Eski Türk kültürü dil yâdigarlarındaki ifadeler, Türk sanat eserlerindeki tasvirler, Hakaslar ile diğer bazı Türk boylarındaki ve çağdaş

Anadolu Türklüğündeki bazı uygulamalardan yola çıkarak eğlence ve matem törenlerindeki saç merkezli uygulamalardan aldığımız örneklerle konuyu örneklem bağlamında zenginleştirmeye çalışacağız.

2. Örnekleriyle Sas Toy Pratikleri ve Eğlence-Matem Merkezli Uygulamalar

Konumuzu oluşturan sas toy töreni yukarıda da belirttiğimiz üzere Hakaslar arasındaki eğlence temalı bir uygulamadır. Bu başlıkta öncelikle Hakas destanlarında rastladığımız uygulamalar ve bunların tasvirinden bahsettikten sonra diğer disiplinler çerçevesinde saçların örgülenmesi, saçın kısaltılması veya tamamen kesilmesi konularındaki örnekler üzerinde duracağız.

Hakas halk edebiyatında önemli sayıda metin örneklerine rastladığımız *alıptıg nimahlarda* (destan) geleneksel Hakas kültürel hayatına dair bir çok emareyi görmek mümkündür. Ele aldığımız yirmi beş destan içerisinde aşağıdaki destanlarda eğlence töreni ve uygulamalar şu şekilde geçmektedir: **Ay Huucın** destanında toy şu şekilde tasvir edilmektedir: "*Altmış güzel beliğini / Çatal güzel beliğini / Kadınlar örüvermiş / Elli güzel örgüsünü / Elin-halkın oğlanları çözmüş / Dalgalı güzel örgüyü / Kadınlar örüp dolamış / Korkusuz Han Hıs / Dalgalı belikli kadın olmuş / Omuruna batmaz belikli /Güzel kadın olmuş*" [11, s. 239-240]. **Alıp Sarıg Plat Hıs** destanındaki örnek ise şu şekildedir: "*Tarak tutup saç tarayan kadınlar / Taraklarını hazırlamışlar / Pek güzel Ay Arıg kızın / Altın saçını okşayıp / Düzgünce tarıyorlar / Altmış beliğini / Çift örgü ediyorlar / Elli beliğini / İki örgü yapıyorlar.*" [12, m. 1756-1764]. **Kök Han** destanında *hus toy* olarak adı geçen ancak uygulama bakımından *sas toy* olan düğün şu şekilde tasvir edilir: *Kız toyu olsun! / Kalabalık halk toplanıp / Kızın düğününü başlattılar / Oğlanlar kızlar (hep) geldi / Altın Arıg'ın evine / Kızın iyisi Altın Arıg'ın / Altmış beliğini çözdüler / Çifte örgüsünü ördüler / Elli beliğini açıp / Eğri örgü yaptılar* [13, s. 38]. Bir diğer saç toyu kadın kahramanlardan olan Çarlı Tana için yapılandır: Çarlı Tana'nın evine girdiler / Saf ve güzel kız güzelinin / Altmış örgüsünü açıp, çifte belik yaptılar / Elli örgüsünü açıp, kıvrık düğüm ördüler [13, s. 97]. Bir diğer Hakas destanı olan **Kara Kuzgun**'da da iki örnekle karşılaşmaktayız: *Altın taraklı kadınlar / Hoş ve güzel Altın Sas'ın / Altmış beliğini / Çift beliğe örüyorlar / Elli beliğini / İki beliğe örüyorlar*

[14, s. 121]. Bir diğer örnek de şu şekildedir: *Altmış belik omzuna sallanan / Elli belik omzuna sallanan / Elli belik sırtına inen / Sarı Marha geldi / Altın taraklı bekleyen / Kadınlar elli beliği çözdüler / İki beliğe ördüler / Altmış beliği açtılar / Çift beliğe ördüler* [14, s. 203]. **Han Orba** destanı *sas toy* töreninin yapıldığı iki örneğe sahiptir: “*Tarak tutan mahir kadınlar / Taraklarını süslüyorlar / Ay Arığ kızın güzel saçlarını / Düzgün bir şekilde düzelttiler / Altmış örgüsünü / Çatal saç örgüsü yaptılar / Elli örgüsünü / İki örgü yaptılar / Saç toyu yapıldığında / Büyük bir masa kuruldu*” [15, s. 132]. Bir diğer tasvir ise şöyledir: “*Sevinip, toya gelen halk / Karıncadan da çoktu / Saç ören neneler / Taraklarını tutmuş / Kök Nincil’in şalını çıkarıp / Saçlarını ördüler / Altmış örgüyü / Güzelce çift örgü ettiler / Elli örgüyü / İki örgü yaptılar*” [15, s. 176]. **Han Mirgen** destanı da renkli tören tasvirlerine sahne olur: “*Toolay Mooray, kızların en üstünü [alp] / Eski zamanlarda ördüğü tuluğunu / Çözerek, yeniden ince belikler / Örüp salıvermiştir / Altı-yedi kız girip / Altmış ince beliğini yırtılıp / Çatal tuluğ örülmeğe üzeredir / Albat halkın başının / Abahayı olursun, diyerek / Beliklerini çözüp dağıtarak yır ve ezgi söylerler / Elli ince beliğini çözdükten sonra dağıtılıp / Eğri tuluğ örülmeğe üzeredir / Ulu yurdun iyесinin / Eşi olursun, diye konuşmaktalar / Ulu engelleri tanımayan ve kolaylıkla aşan / Toolay Mooray’a tuluğ örmek için / Genç güzel bir kişiyi getirtip / Omurgaya batmaz iki tuluğ / Ördürüverdiler [ona]”* [16, s. 130]. Aynı destanın bir başka epizotunda “*Ak saray eve / Altı-yedi kız girdi / Kılığ Arığ’ın ince beliklerini / Altı-yedi kız yır ve ezgi ile / Çözmeye girişti / İnce beliklerin çözülmesi bittiğinde / Güzeller: ‘Kılığ Arığ’ın / Tuluğunu kayın anaya örmek / Yakışır mı hiç?, diye konuşmaktadır / Hatun kişiyi, genç kişiyi, evin içine alıp / İki tuluğ ördürüp / Boncuk üleştirip durmaktadır.*” [16, s. 279–280]. **Huban Arığ** destanında Alp Kök Nincil kıza saç töreni yapılır: “*Alp Kök Nincil kızın / Altmış sürmesini çözdüler / Çatal tulun hâline ördüler / Elli sürmesini çözdüler / İki tulun haline getirdiler*” [17, s. 199]. Bir diğer örnekte ise sayısı yetmişe ulaşan kızın saçlarının örgülendiğini görmekteyiz: “*Atlayıp binen Ah Öleğ ile Kök Öleğ / İki kardeş, yurtlarına geri geldi / Evlenecekleri gelinlerini getirmişler / Altmış-yetmiş kız / Altmış-yetmiş hatun / Altmış sürme saç örgüsünü [gelinlere] çözdü / Çatal tulun saç örgüsü şeklinde ördü*” [17, s. 259].

Hakas folklor edebiyatının yanı sıra tarihî kaynaklarda ve saha çalışmalarında da on dokuzuncu asrın son yıllarındaki Sibiryaya gezisinde Abakan Tatarlarında kızların saç örgüsünün on beş kadar olduğunu söyleyen Radloff [18, s. 139]’tan gördüğümüz şekliyle evlilik öncesi çok örgülü bir saç yapısına tanık oluyoruz. Yukarıda bahsedilen ve çoğunluğu yas temalı örneklere Hakasların folklor metinleriyle birlikte Hakasların geleneksel matem törenlerinde de rastlanmaktadır. N. F. Katanov Hakasların bir boyu olan Beltirler arasında yapmış olduğu alan araştırmalarında ölen kişinin karısının saçlarını çözdüğünü ve tam ortasından kestiğini, kadının saçlarının yedi gün sonra yeniden örüldüğünü belirtir [19, s. 62]. Ölen kişinin de saçının örgüleri önceden tamamen açılırken yirminci yüzyılda Rus kültürü etkisiyle yarıya kadar örülmeye başlanmıştır [10, s. 71].

Yas töreninde dağılık saçın örülmesi yalnızca insan merkezli değildir. Atın yelesi ve kuyruğu da yine bu merasim esnasında örülür [20, s. 604]. Hakas destan örneklerinde yer alan ve evli kadının medenî durumunu gösterir benzer pratikler Uygurlar arasında da yaşatılmaktadır: “*Uygurlarda evlenmemiş kızların saçını on bir, on beş, on yedi, yirmi bir, hatta kırk bir kol örgü olarak tekli örülür. Asla çift örülmez. Evlenmemiş kızların da bir kâkül saçını olur. (...) Evlendiğinin ertesi günü veya birkaç gün sonra gelin kızın alnındaki, kâkül saçını ortadan ikiye ayrılarak arkaya taranır. Evlenene kadar on beş, on yedi veya yirmi bir kol örgü şeklinde ördüğü uzun saçları evlendikten sonra iki kol örgü yani bir çift olarak örmeye başlar. Saçının çift örülmesi evli olduğuna işarettir.*” “*Genç kadının saçını bu şekilde örebilmesi için düğünden sonra birkaç gün içinde ‘saç koşak toyu’ diye adlandırılan saç düğünü (töreni) yapılması gerekir. Bu törenden sonra evli kadın saçını iki saç örgü şeklinde örmeye başlar.*” [21, s. 495]. Anadolu Türklüğünde yansımasını kına töreninde gördüğümüz eğlence temelli toy Hakas geleneğinde *his toyu* olarak yaşamaktadır ve kızın baba ocağında yapılan bir düğündür. Burada da her ne kadar üzüntü temalı bir uygulama görülmesi de kız kınası esnasında gelinin ağlatılması aslında bu çalışmada savunduğumuz duruma da uygunluk göstermektedir. *His toyu* ile kız evinde başlayan sembolik yas süreci *sas toyu* ile erkek evinde sonlandırılmaktadır. Bu duruma araştırmacı Fatma

Özkan da benzer bağlamda dikkat çekmiştir: “Güney Sibirya’da yaşayan Türk boylarında kadın kahramanlar, ‘elli saç örgüsü sırtına, altmış örgüsü göğsüne dökülmektedir.’ Şeklinde tasvir edilir. Söz konusu Türk boylarında bir genç evlendiği zaman, büyük düğün töreninden önce bizdeki ‘kına gecesi’ne benzer ‘saç şöleni’ veya ‘küçük düğün’ yapılıır. Yaşlı bir kadın evlenmek üzere olan genç kızın sayısız saç örgüsünü çözer ve iki örgü hâline getirir. Böylece insan hayatının çok önemli bir merhalesindeki önemli değişiklik ziyafetlerle kutlanır.” [20, s. 608]. Hem göğsün üzerine hem de omuzdan aşağıya arkaya doğru saçı bırakma Oğuzlara ait sanat eserlerindeki tasvirlerde de işlenen bir betimlemedir: “İran, Arabistan ve Anadolu’dan daha çok Oğuz Türklerini yerel kıyafetleri içinde bir veya birkaç saç örgüsüyle tasvir eden el yazması resimler, seramik üzerindeki resimler ve taş heykeller vardır. Örgülü saçlar ya omuzlara veya bele kadar uzanmıştır. Saçlarda üç veya daha fazla örgü varsa, bunlardan ikisi kulakların önünde şakaklardan aşağı veya kulakların arkasından aşağıya doğru sarkıtılmıştır.” [22, s. 57].

Tarihçi Jordanes tanık olduğu Attila’nın cenazesinde katılanların saçlarının bir kısmını kestiğini ifade eder [23, s. 216]. Saç kesmenin bir matem göstergesi olduğuna Yaşar Çoruhlu şöyle işaret eder: “Saçın kesilmesi, erken devir Türklerinde bir matem işareti sayılmıştır. Proto-Türk ve Hun devirlerinde bile, matem alâmeti olarak, kurganlarda kuyruğu düğümlenmiş ve kesilmiş atlara rastlandığı gibi, kesilmiş örgülü kadın saçlarına veya bir kese içinde bir parça olarak muhafaza edilen kadın saçlarına da rastlanmıştır. Bu saçlar hem matem durumunu, hem de kadının ölen kişiye bağlılığını ifade eder.” [24, s. 64]. Bilinen ilk yazılı Türk eserlerinden olan II. Türk Kağanlığı yazıtlarından Bilge Kağan yazıtında da matem tasviri şu şekilde verilir: “Bunca halk (cenaze töreninde) saçlarını kulaklarını kesti.” [25, s. 79]. Hun ve Köktürk dönemlerinden sonra da bu gelenek devam ettirilmiş, bazı Uygur metinlerinden takip edilebildiği kadarıyla alplik kurumuna mensup savaşçıların aslan yelesine benzeyen saçları ancak matemdeyken kesilmiştir [24, s. 66]. Saç kesme, yas belirtisi olmakla birlikte iki tarafın anlaşması ile biat etmenin sembolü olarak da görülmüştür. Araştırmacı Mihail Gorelik’in ifadeleri bu bağlamda önemlidir: “Urallarda bulunan VIII. veya IX. Yüzyıla

ait bir Hazar gümüş tabağındaki iki güreşçinin müsabakasını resmeden kalıp kabartma resmi çok şaşırtıcıdır. (...) Mamafiş bu makalenin yazarına göre güreşçilerin ikisi de erkektir. Saçları çözümlü olan hükümdar (han), saçları örgülü olan diğeri ise tahta talip olan kişidir. Sahnede Hazarların yaşamlarından alınmış gerçekkesitleri yansıtan ritüeller de yer almaktadır. Tahta geçecek hükümdarı belirlemek için eski hükümdar tahtın talibini bir düelloya davet etmek zorundadır. Düelloyu kaybederse tahtı rakibine terk etmek zorundadır. Yeni hükümdar tahta oturduğu zaman saçlarını çözümlü serbest bırakır.” [22, s. 57]. Bu biat gösterisi bazen Tanrılar için de yapılmış olmakla birlikte bazı durumlarda kalıplaşmış anlayışlara ve düzene karşı çıkış belirtisi olarak uzun saçlardan vazgeçilmiştir [24, s. 63, 64].

Bu bağlamda saçın tamamen veya bir kısmının kesilmesi ya da örgü sayısının eksiltilmesi Türkiye Türkleri arasında da hem düğün hem de yas törenlerinde de görülen bir durumdur. Merhum araştırmacı Sedat Veyis Örnek bir çalışmasında yaşlı kadınların saçlarını kesmekle birlikte örgülerini de çözdüklerini ifade ettikten sonra Erzurum’da bir kadının kocasının ölümünden sonra şöyle bir ağıt yaktığını da belirtir: “Bir saçımı ağ ördüm / Bir saçımı kara ördüm / Senin uğruna dağıttım der.” [26, s. 84]. Bir başka araştırmacı Carol Delaney ise Türkiye’deki kadınlara mahsus saç kültürü üzerine yapmış olduğu bir çalışmada düğünlerdeki saç örgüsü pratiğini şu şekilde örneklendirir: “Uzun saç ‘saçı uzun aklı kısa’ deyimiyile kadınların erkeklerin sahip olduğu bir şeyden mahrum olduklarını belirtse de kadınlığın sembolü ve övüncüdür. Kadınların bir arada sahip olduğu düşünülen serbest ve sınır tanımayan cinsellikleri hafifletilmeli ve ayrıca da kontrol altına alınmalıdır. (...) Örgüler gelinin kostümünün, saç örme eğlencesi de düğün kutlamalarının önemli bir parçasıdır. Bu örgüler sadece iki adet örgüyü değil her biri gümüş tellerle örülmüş yirmi-otuz ince örgüyü içerir. Örgülerin gelinin ayaklarına kadar uzaması gerekir, fakat kızın saçının o kadar uzun olması az rastlanan bir şey olduğundan farkı kapatmak için siyah yün ipliği örülür. Örgülerin bir tanesinin ucuna mavi bir boncuk tutturulur. Bu, örgülerin arzulan bir nesne olduğunu gösterir; mavi boncuk da onlara gıpta eden kötü gözleri uzak tutmak içindir.” [27, s. 93].

3. Sonuç

Bir üst başlıkta verilen sözlü ve yazılı kültür

örneklerinden de görüleceği üzere *sas toy* veya tek bir yerde geçtiği şekliyle *hıs toy* görünen içeriği ve uygulamaları nispetince olumlu anlama sahip, eğlence merkezli bir toydur. *Sas toy*unda yapılan ve zaman zaman sayısı yetmiş bula örgü adedinin evlilik töreniyle birlikte ikiye düşürülmesi ve bu sembol ile çifte örgülü kadının toplum tarafından medenî hâlinin farklı algılanması gerektiğine yönelik bir işarettir. Bu işaret aynı zamanda *masumiyetin kaybedilmesi*dir [28, s. 441].

Bu minvalde bir eğlence pratiği olan *sas toy*, pratiğe konu olan ve pratiğin merkezinde yer alan saç örgülerinin sayısının önemli ölçüde azaltılmasından dolayı eski Türklere has bir yas uygulaması olan saç tamamen kesme, büyük ölçüde kesme veya saçın azaltılması/eksilmesi bağlamında bir arka anlam ya da sembolik anlam olarak bir yas düşüncesini ve dolaylı olarak da bir yas uygulamasını çağrıştırmaktadır. Yaşlı olmaya neden olan durum ise iki başlık altında değerlendirdik. Birincisi ezogamiye dayalı Hakas evlilik kurumundan dolayı günlük hayatta da ve bu günlük hayatın edebî sahadaki yansımalarından biri olan folklor metinlerinde de kahraman evlilik için mutlaka kendi boyunun dışında ve bazı mitik içerikli anlatılarda Üst veya Alt Dünya'ya gitmesidir. Evlilik için bile gerekirse Orta Dünya'nın haricinde diğer iki dünyaya gidilmesi gerektiği dış evliliğin ne kadar önemli olduğunun gelenek tarafından bir kez daha vurgulandığını göstermektedir. Dış evlilikten dolayı farklı boylardan eş edinilen kızlar ölüncüye kadar hayat sürecekleri kocalarının ata yurduna, çeyizleriyle birlikte gitmek durumundadır. Bu ele aldığımız ilk sebep ikinci sebebin de başlangıç noktasını oluşturmaktadır.

Sas toyu ile sembolik yası bağdaştırmamızın bir diğer sebebi ise saç ile yas töreni pratikleri arasındaki ilişkidir. Eski Türk kültürüne ait sanat tarihi, arkeoloji, dil yadigârları ve folklor ürünleri bize gösteriyor ki ağıt yakma, bağırıp-çağırma, yüzü kesip kan akıtma, karalara bürünme gibi uygulamalarla birlikte saç-baş yolma ve saçların kesilmesi acıyı gösterme biçimlerinin başında gelir. Bu saydıklarımız yasin doğasına uygun düşünce ve uygulama yapısıyla ilişkilidir. Yas tören ve uygulamalarının temel hareket noktası *yakını kaybeden bir insanın bu olay karşısında duyduğu tepkilerin şaşkınlık, isyan ve acı* olmasından kaynaklanmasındır [26, s. 81]. Ölünün ardından

düzenlenen cenaze törenlerindeki yas pratiklerinde saç kesmenin sıklıkla yapıldığı tarihî ve edebî kaynaklarda çokça geçmektedir ve bunlarla ilgili örnekler bir üst başlıkta verilmiştir.

Ele aldığımız iki başlıktan ve bunlara dair verdiğimiz örneklerden yola çıkarak; örneklerini çokça Hakas folklorunda ve diğer Türk boylarının folklor örneklerinde de gördüğümüz saç töreni ve buna ait uygulamaların görünen anlamıyla bir eğlence uygulaması, örtük/sembolik anlamıyla ise bir matem uygulaması olduğunu iddia etmekteyiz. Burada anahtar kavramlar ise kadın saçı, saçın evlilik akdinden önceki şekli, örülüş biçimi, örgü sayısı ile erkek evinde yapılan büyük toydan sonra kadının medenî hâlini de bâriz bir şekilde gösteren saç örgüleme sayısı ve biçimidir. Bu gösterge, kızın kendi baba ocağından başlayan acı ve yas içerikli yolculuğunun damadın baba evindeki toyuyla sonlanan ve işaretlenen kısmını oluşturur. Gelinin saflığı ve temizliği sembolik olarak zaten hayatının sonuna kadar kalacağı damat evine gelmesiyle bozulmuştur. Saç örgüsünün azaltılması ve gerdek ile de bu bozulma tamamlanacaktır. Bu sebeple *masumiyetin kaybolması da bir nevi geçiş törenidir* [28, s. 441].

Literature

1. Örnek Sedat Veyis Türk Halkbilimi. Ankara: T. C. İş bankası, 1977. 269 s.
2. Vardar Berke Açıklamalı Dilbilim Terimleri Sözlüğü. İstanbul: Multilingual, 2002. 289 s.
3. Karaağaç Günay Dil Bilimi Terimleri Sözlüğü. Ankara: TDK, 2013. 936 s.
4. Dietrich Ayşe Pamir Slovar' Lingvistiçeskih Terminov. İstanbul: Multilingual Yabancı Dil, 2001. 159 s.
5. Gürsoy-Naskali Emine Türk Dünyası Gramer Terimleri Sözlüğü. Ankara: TDK, 1997. 190 s.
6. Butanayev, V. Ya., Vernik A. A., Ulturgaşev A. A. Narodnie Prazdniki Hakasii. Abakan: HGU, 1999. 76 s.
7. Butanayev V. Ya., Butanayeva İ. İ. Hakasskaya Svad'ba. Abakan, 1993. 25 s.
8. Butanayev V. Ya. Traditsionnaya Kul'tura i Bit Hakasov. Abakan: Hakasskoe Knijnoe İzdatelstvo, 1996. 226 s.
9. Butanayev V. Ya., Butanayeva İ. İ. Mir Hongorskogo (Hakasskogo) Fol'klora. Abakan: HGU, 2008. 376 s.
10. Killi Yılmaz, Gülsüm Hakaslarda Ölüm İle

- İlgili Gelenekler, Modern Türklük Araştırmaları Dergisi. C. 4, S. 4. Aralık, 2007. S. 65–87.
11. Ergun Pervin Hakas Destancılık Geleneği ve Ay Huucın, Konya: Kömen, 2010. 391 s.
12. Maytakova A. K. Alıp Sarıĝ Plat Hıs Alıptıĝ Nımah, Hakas Çiri Gazetesi, 2002. 84, 85, 91, 95, 97, 100. sayılar.
13. Taçeyeva T.G. Kök Han Alıptıĝ Nımah. Abakan: Hakasskoe Otdelenie Krasnoyarskogo Knijnogo İzdatel'stva, 1974. 112 s.
14. İlgin Ali Hakas Destanları 2 Kara Kuzgun. Ankara: TDK, 2008. 300 s.
15. Aktaş Erhan Hakas Destanları 3 Han Orba. Ankara: TDK, 2011. 254 s.
16. Davletov Timur Han Mirgen Hakas Türklerinin Alplık Destanı Ankara: TÜRKSÖY, 2008. 311 s.
17. Davletov Timur Huban Arıĝ Hakas Türklerinin Kahramanlık Destanı. Ankara: TÜRKSÖY, 2006. 283 s.
18. Radloff W. Sibiry'a'dan 2 Ankara: T. C. MEB, 1994. 332 s.
19. Katanov N. F. Türk Kabileleri Arasında (çev. Atilla Bağcı) Konya: Kömen, 2004. 156 s.
20. Özkan Fatma Sibiry'a Türklerinde Geçiş Törenleri // Uluslar arası Türk Dünyası Halk Edebiyatı Kurultayı Bildirileri 26–28 Mayıs 2000. Ankara: TC Kül. Bak, 2002. S. 595–608.
21. Tanrıdaĝlı Gülzade Uygur Kültüründe Saç Örgüleri ve Anlamları // Saç Kitabı (edt. Emine Gürsoy Naskali). İstanbul: Kitabevi, 2004. S. 495–501.
22. Gorelık Mihail Moĝol Öncesi Dönemde Türklerin Saç Şekilleri // Saç Kitabı (edt. Emine Gürsoy Naskali). İstanbul: Kitabevi, 2004. S. 55–58.
23. Roux Jean-Paul Türklerin ve Moĝolların Eski Dini. İstanbul: İşaret, 1998. 303 s.
24. Çoruhlu Yaşar Uygur Sanatında Saçın İkonografik Tertibi // Saç Kitabı (edt. Emine Gürsoy Naskali). İstanbul: Kitabevi, 2004. S. 63–69.
25. Tekin Talat Orhon Yazıtları Kül Tigin, Bilge Kağan, Tunyukuk, İstanbul: Simurg, 1998. 128 s.
26. Örnek Sedat Veyis Anadolu Folklorunda Ölüm, Ankara: DTCE, 1971. 149 s.
27. Delaney Carol Türk Toplumunda Saçın Anlamı, Saç Kitabı (edt. Emine Gürsoy Naskali), İstanbul: Kitabevi, 2004. S. 89–110.
28. Estés Clarrisa P. Kurtlarla Koşan Kadınlar Vahşi Kadın Arketipine Dair Mit ve Öyküler, İstanbul: Ayrıntı, 2013. 547 s.

ДИНАМИКА НАЦИОНАЛЬНО-СМЕШАННОЙ БРАЧНОСТИ У ХАКАСОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

В. П. КРИВОНОГОВ

УДК 17.018.22

Для небольших по численности народов национально-смешанные браки играют важную роль, они нередко определяют направление этнических процессов. Исследование динамики браков хакасов проведено автором в 1975–2009 гг. в ходе этнографических экспедиций, а также в ходе изучения разного рода письменных и статистических источников, прежде всего материалов Комитета записи актов гражданского состояния при Правительстве Республики Хакасия (ЗАГС РХ) и похозяйственных книг сельских советов (администраций). Исследования показали устойчивый рост числа и доли смешанных браков, однако этот рост достаточно медленный и пока что не перешел ту грань, когда можно говорить о полном прорыве эндогамии. В статье рассмотрены различные факторы, влияющие на рост числа таких браков, прежде всего это изменение национального состава конкретных населенных пунктов. Национально-смешанные браки способствуют сближению с окружающим большинством, но в дальнейшем они могут привести к переходу от интеграционных к ассимиляционным процессам.

Ключевые слова: национально-смешанные семьи, межэтническая интеграция, ассимиляция, метисация.

THE DYNAMICS OF THE KHAKASS NATIONAL-MIXED MARRIAGE RATE IN THE SECOND HALF OF THE XX – BEGINNING OF THE XXI CENTURIES

V. P. KRIVONOGOV

For small-numbered peoples, nationally-mixed marriages play an important role, they often determine the direction of ethnic processes. The study of the dynamics of the Khakass nation was conducted by the author in 1975–2009 during ethnographic expeditions, and also within examination of, different kinds of written and statistical sources, primarily the materials of the Civil Registry office and household books of village governments. Studies have shown a steady increase in the number and percentage of mixed marriages, however, this growth is rather slow and has not yet passed the line where we can speak about a full breakthrough of endogamy. The article discusses various factors influencing the growth in the number of such marriages; primarily it is the national composition of specific settlements. National-mixed marriages contribute to the rapprochement with the surrounding majority, but they can lead to the transition from integration to assimilation processes.

Key words: national-mixed families, inter-ethnic integration, assimilation, miscegenation.

Национально-смешанные браки являются как следствием, так и условием активизации процесса межэтнической интеграции. Их роль в процессе сближения народов трудно переоценить [1]. При достижении определенного уровня количества таких браков интеграционные процессы могут перерасти в ассимиляционные.

Изучение материалов архива областного (республиканского) ЗАГС РХ позволило судить о браках хакасов, кроме того, были обработаны похозяйственные книги всех сельских советов в 1978, 1987 и 2007 гг., что позволило получить сведения о составе хакасских семей всего сельского населения Хакасии. В ходе этнографических экспедиций автора 1978–1979 гг. и 2008–2009 гг. было опрошено более 5% всего коренного населения Хакасии [2], что также позволило получить сведения и об их семейном составе. Всё это позволяет делать конкретные выводы о количестве национально-смешанных семей, динамике и этнических последствиях

В прошлом у хакасов смешанные браки случались нередко, о чём имеются упоминания у различных авторов [3, 4, 5]. Однако такие браки чаще встречались в зоне этнических границ, а в глубине этнической территории хакасов они были весьма редкими.

Этнические процессы в XX в. привели к созданию более благоприятных условий роста числа национально-смешанных семей. Состояние документации в ЗАГС РХ, а также отсутствие у

хакасов в недалеком прошлом стремления официально регистрировать браки не позволяет проследить динамику национально-смешанной брачности до середины XX в. Лишь с середины 1950-х гг. можно получить достаточно полные сведения по этому вопросу. Мы изучили эти браки до 1993 г., но позже использовать эти материалы стало невозможно, так как из актов о браках исчезла графа «национальность». Кроме того, эта графа не заполнялась с 1964 по 1970 гг. Результаты обработки материалов ЗАГС РХ представлены в таблице 1.

По этой таблице видно, что смешанных браков становится всё больше, но рост идет медленно, постепенно, в отдельные периоды происходит понижение показателя. У мужчин-хакасов с 1950-х гг. рост числа таких браков был не очень быстрым, а в 1980-е гг. даже происходило некоторое понижение этого показателя. У хакасок в 1950-е гг. показатель смешанной брачности был заметно ниже, чем у мужчин, но к 1970-м гг. положение изменилось, этот показатель у женщин подскочил в 2 раза. Однако в дальнейшем на протяжении более 20 лет он почти не менялся, стабилизировавшись на уровне $\frac{1}{5}$ браков женщин.

Количество национально-смешанных браков весьма существенно различается по отдельным районам в зависимости от численности в них хакасов и степени их территориального смешения с русскими (табл. 2).

По районам разница в показателях смешанной

Таблица 1

Динамика национально-смешанных браков сельских хакасов (в %)

Варианты браков	Годы			
	1955–1963	1971–1979	1980–1989	1990–1993
% смешанных браков у мужчин	12,9	16,3	15,8	20,1
% смешанных браков у женщин	9,6	18,6	19,8	19,7

Таблица 2

Динамика доли хакасов, вступивших в национально-смешанные браки, по районам
(сельское население, по данным ЗАГС РХ, в %)

Районы	Годы			
	1955–1963	1971–1979	1980–1989	1990–1993
Аскизский	6,3	9,2	8,8	10,5
Бейский	5,9	14,2	11,4	15,4
Таштыпский	14,3	21,3	19,3	19,9
Алтайский	11,9	12,6	17,7	23,7
Ширинский	17,5	30,7	36,2	34,0
Усть-Абаканский	19,8	33,7	34,6	53,3
Орджоникидзевский	19,0	33,5	32,9	55,0
Богградский	36,8	57,3	60,0	35,0

брачности весьма велика: в южных районах (Аскизский, Таштыпский, Бейский и Алтайский) доля таких браков намного ниже, чем в северных, что соответствует характеру расселения и численности национальностей. В южных районах численность хакасов больше и многие из них живут компактно, в однонациональных селах, на севере хакасов меньше и большинство проживает в смешанных поселках. Суммарно по 4 южным районам в 1950-е гг. вступили в смешанные браки 7,7% хакасов, в начале 1990-х гг. – 14,4%, на севере соответственно 20,2% и 43,7%.

Разработка данных похозяйственных книг по всему сельскому населению позволила подсчитать количество национально-смешанных семей, живущих в Хакасии на 1978 и 2007 гг. В 1978 г. однонациональных семей по сельскому населению оказалось 8613,

национально-смешанных – 2172, или 20,1%. Из числа смешанных семей 79,6% приходилось на русских, а всего число национальностей, с которыми хакасы состояли в смешанных браках, было 39.

Последнее исследование в 2007 г. показало следующую картину национального состава сельских семей. Однонациональных семей оказалось 8354, а смешанных – 2966, что составило 26,2% от общего числа. Расширился список национальностей, с которыми хакасы вступают в браки, в смешанных хакасских семьях встретилось 65 сочетаний разных национальностей, в том числе 24 сочетания, когда в семье проживает более 2 национальностей.

Здесь приведены данные по всем семьям, в том числе и неполным, не имеющим в своем составе супружеских пар. Но имеет смысл привести

Таблица 3

Национальный состав семей в 2007 г. по отдельным районам

	Орд-жоникидз.	Ширинский	Бог-радский	Усть-Абаканский	Алтайский	Бейский	Аскизский	Таштыпский	Всего
Однонациональные.	255	513	79	453	486	894	4219	1455	8354
Национально-смешанные	249	399	130	374	209	241	774	590	2966
% смеш. семей	49,4	43,8	62,2	45,2	30,1	21,2	15,5	28,9	26,2

Таблица 4

Национальный состав супружеских пар сельских хакасов в 2007 г.
(данные похозяйственных книг)

	Хак.*	Рус.	Укр.	Бел.	Пол.	Нем.	Лит.	Лат.	Эст.	Морд.	Мари
Муж	5238	835	11	7		47			1	10	3
Жен	5238	934	32	9	2	55	1	2	4	5	4

Удм.	Молд.	Тат.	Чув.	Азер.	Груз.	Арм.	Лезг.	Чеч.	Кабард.	Кумыки	Тад.
1	1	12	17			1		1			
2	4	24	29	22	3	5	2		1	1	5

Шор.	Тув.	Алт.	Куманд.	Эв.	Як.	Долг.	Нивхи	Бур.	Баш.	Калм.	Каз.
15	11	2		2	2	1		4	2	2	9
13	13		1		1	1	1	5	5	9	12

Кирг.	Узб.	Туркм.	Каракал.	Корейцы
4	2	1		3
16	15	3	2	1

*Сокращения: хак. – хакасы, рус. – русские, укр. – украинцы, бел. – белорусы, пол. – поляки, лат. – латыши, лит. – литовцы, эст. – эстонцы, морд. – мордва, удм. – удмурты, молд. – молдаване, тат. – татары, чув. – чуваша, азер. – азербайджанцы, груз. – грузины, арм. – армяне, лезг. – лезгины и т. д.

данные и по супружеским парам. В 1978 г. однонациональных супружеских пар у сельских хакасов обнаружено 6495, смешанных – 1961 пара или 23,2%. В 991 смешанной паре мужем был хакас, в 970 жена хакасса, то есть в смешанных браках состояло 13,2% мужчин и 13,0% женщин.

По нашим данным, в 2007 г. в сельском населении однонациональных пар хакасов оказалось 5238, а смешанных 2251, или 30,1% (табл. 4). Среди женатых мужчин имели жену нехакасской национальности 16,1%, среди замужних женщин имели мужа иной национальности 19,2%. Учитывая смешанный характер расселения хакасов, таких браков могло бы быть и больше, но, видимо, срабатывают определенные защитные механизмы сохранения этноса, не позволяющие привести к полному прорыву эндогамии.

Еще в 1950-е гг. в смешанные браки чаще вступали мужчины – например, в 1952–1954 гг. соотношение мужчин и женщин в смешанных браках хакасов было 74,6% и 25,4%, но к началу 1960-х гг. соотношение сравнялось: 1961–1963 гг. – 49,5% мужчин и 50,5% женщин. В последующем женщины вступали в смешанные браки всё чаще, в 1974–1976 гг. соотношение стало 39,3% и 60,7%, но к началу 1990-х гг. соотношение вновь стало равным, в смешанные браки вступало примерно одинаковое количество мужчин и женщин. В настоящее время в межнациональных браках по-прежнему состоит больше женщин, чем мужчин. В таблице 5 показано влияние

национального состава населенных пунктов на количество национально-смешанных браков на три даты – 1978, 1987 и 2007 гг.

Во всех типах сельская доля смешанных семей растет. Но надо иметь в виду, что между первым и вторым показателем прошло 9 лет, а между вторым и третьим – 21 год, а значит, рост числа таких семей несколько замедлился.

На количество таких браков влияет также длительность совместного проживания хакасов с представителями других национальностей [6]. Наибольшее число смешанных браков наблюдается в селах, где хакасы и русские проживают совместно длительный период и непосредственно общаются в течение не одного поколения. В качестве примера можно привести село Горюново Орджоникидзевского района, село Большая Сея Таштыпского и некоторые другие [7].

Число и доля горожан у хакасов растет, поэтому важно выявить уровень национально-смешанной брачности в городах. Можно предположить, что там таких браков больше, чем в сельской местности. Материалы ЗАГС РХ о браках городских хакасов говорят о том, что доля смешанных семей в городах превышает показатели по сельскому населению более чем в 1,5 раза (табл. 6).

Цифры таблицы 6 показывают, что тенденции роста или снижения показателя национально-смешанной брачности у городских хакасов не прослеживаются, периоды снижения сменяются повышением, оставаясь за 20 лет примерно на

Таблица 5

Доля национально-смешанных семей у хакасов в зависимости от национального состава населенных пунктов (данные похозяйственных книг всех сельсоветов Хакасии, сельское население, 1978, 1987 и 2007 гг.).

% хакасов в населении НП	1978	1987	2007
Менее 20	41,8	46,0	49,6
20–40	31,4	35,5	36,3
40–60	25,8	26,8	34,9
60–80	17,7	21,8	24,1
Свыше 80	6,3	8,0	9,9

Таблица 6

Доля национально-смешанных браков у городских хакасов (по данным ЗАГС РХ, в %)

	Годы			
	1975–1979	1980–1984	1985–1989	1990–1993
Вступили в смешанные браки				
Мужчины	29,4	25,5	26,9	31,9
Женщины	35,0	31,9	37,0	33,4

одном уровне. Такая неопределенность в показателях связана с тем, что в города в рассматриваемый период прибывали значительные группы мигрантов из сельской местности, в основном несемейная молодежь, которая переносила в город прежние национальные установки, а во многом и прежний круг общения, так как регулярные маятниковые миграции продолжали связывать их с земляками, родственниками. Эти связи обуславливали порой и выбор брачных партнеров. Таким образом, на брачность городских хакасов влияет ряд противоположных по характеру факторов – с одной стороны, городской образ жизни, резкое преобладание инонационального населения в городах должны были бы способствовать росту смешанных браков, с другой – сохранение и поддержание прежних связей с селом, а также постоянное прибытие всё новых многочисленных групп мигрантов из сельской местности объективно ведут к увеличению числа однородных браков хотя бы потому, что расширяют потенциальный круг брачных партнеров в своей среде. Эти две тенденции накладываются друг на друга, и в результате показатель колеблется примерно на одном уровне. Но в любом случае этот уровень выше среднего по сельскому населению. Наш опрос за 2008–2009 гг. также дал довольно скромную цифру смешанных семей в городах – 28,3%.

Девушки мигрируют в города чаще юношей, и там возникает диспропорция полов, в результате девушки в городе чаще юношей вступают в смешанные браки. В разных городах и поселках

городского типа уровень смешанной брачности различен, что обусловлено абсолютной и относительной численностью хакасов. В абсолютных числах больше всего хакасов в городе Абакане, а самый высокий процент их наблюдается в некоторых поселках Аскизского района, поэтому и в Абакане, и в поселках Аскизского района наблюдаются наименьшие среди горожан показатели смешанной брачности (табл.7).

Суммирование данных за все города и селу позволило получить общий показатель смешанной брачности по всей Хакасии – в 1980-е гг. (1980–1989 гг.) он оказался равен 19,0% у мужчин и 24,3% у женщин. По абсолютным цифрам больше всего межнациональных браков хакасы заключают с русскими, но по относительным показателям (по отношению к теоретической вероятности) заметно взаимное тяготение хакасов и соседних тюркоязычных народов [8]. В браках хакасов эти народы занимают большую долю, чем можно предположить исходя из численности этих национальностей в Хакасии.

Больше всего взаимное «притяжение» в браках с хакасами заметно у шорцев и тувинцев, далее следуют другие народы Сибири, причем не обязательно тюркоязычные: якуты, буряты, алтайцы, народы Севера. Далее можно назвать некоторые тюркские народы Средней Азии и Поволжья: казахов, киргизов, татар и др. К более далеким тюркским народам – азербайджанцам, чувашам и т. д. – «притяжение» уже не проявляется, показатели по бракам с ними (относительные) такие же, как с русскими и другими

Таблица 7

Национально-смешанные браки у хакасов в городах и поселках в 1990–1993 гг.
(архив ЗАГС РХ, в %)

	% хакасов, вступивших в национально-смешанные браки
Абакан	28,1
Черногорск	56,5
Саяногорск	40,4
Городское население районов:	
Аскизского	21,6
Усть-Абаканского	50,0
Орджоникидзевского	55,6
Ширинского	63,3
Таштыпского	84,0
Боградского	100,0

народами – украинцами, немцами, армянами, мордвой и т. д.

Высокий уровень межнациональной брачности у хакасов, естественно, ведет к появлению на свет значительного числа метисов. Доля их среди всех детей в хакасских семьях росла с 1950-х гг. параллельно с ростом смешанных браков и к концу 1970-х гг. приблизилась к одной трети. Но в дальнейшем этот показатель стабилизировался и к дальнейшему росту тенденции пока не проявляет (табл. 8).

Данные таблицы показывают, что доля метисов среди хакасских детей растет только в сельской местности, и то незначительно, а в городах тенденции к росту этого показателя нет, он даже несколько уменьшается. Причина этого рассмотрена выше, при анализе национально-смешанной брачности в городах

Высокий процент метисов среди хакасов мог бы заметно изменить антропологический

тип народа в течение 2-3 поколений, но этого не происходит, так как отнюдь не все метисы становятся хакасами. Часть в последующем, в юношеском возрасте, изберет национальность второго из родителей. Так что реальное расовое смешение на самом деле значительно меньше. Объективную картину дали материалы массовых опросов с разницей в 30 лет, 1978–1979 и 2008–2009 гг. (табл. 9, 10).

Анализ первой таблицы показывает, что лица смешанного происхождения 30 лет назад даже среди молодежи составляли только одну седьмую часть в городах и одну четырнадцатую – в селах. И хотя со сменой поколений доля метисов явно нарастала, но не такими уж быстрыми темпами, чтобы можно было бы говорить о значительном изменении генофонда этноса.

За истекшие 30 лет ситуация изменилась довольно существенно – доля метисов увеличилась во всех возрастных группах, сейчас среди

Таблица 8

Доля детей, имеющих одного из родителей не хакаса, среди родившихся в хакасских семьях
(по материалам ЗАГС РХ, в %)

	Годы			
	1977–1979	1980–1984	1985–1989	1990–1993
Город	42,8	40,9	40,2	38,9
Село	25,2	29,3	28,8	30,1
Город и село	30,4	33,0	32,8	33,4

Таблица 9

Доля лиц национально-смешанного происхождения среди хакасов разных возрастных групп
(данные массового опроса 1978–1979 гг., в %)

	Возраст					
	16–24	25–29	30–34	35–49	50–59	60 и старше
Село	7,1	7,1	7,9	3,7	6,4	3,4
Город	14,6	13,6	11,1	8,8	4,3	9,1
Город и село	9,3	9,1	8,9	5,0	5,9	4,3

Таблица 10

Доля лиц национально-смешанного происхождения среди хакасов разных возрастных групп
(данные массового опроса 2008–2009 гг., в %)

	Возраст					
	16–24	25–29	30–34	35–49	50–59	60 и старше
Село	38,8	28,0	33,6	19,5	19,5	16,8
Город	37,7	33,1	34,0	23,0	17,0	19,6
Город и село	38,2	30,9	33,8	20,7	18,6	17,7

хакасов метисы составили почти треть. Всего метисов среди хакасов, включая детей, сейчас оказалось 32,0% (в городах 33,0%, в селах 31,4%) И этот рост произошел не только в младших возрастных группах, но и в тех группах, которые 30 лет назад подвергались опросу, и тогда в этих же группах метисов было меньше. Оказалось, это связано с тем, что многие метисы, ранее писавшиеся и считавшие себя русскими, пересмотрели свою национальную ориентацию и стали определять себя как хакасов [7].

Выбор национальности детьми из национально-смешанных семей имеет значение не только для выяснения расового облика. Этот важнейший показатель позволяет выявить общее направление и характер этнических процессов. Если метисы предпочитают выбирать только одну из двух национальностей родителей, можно с большой степенью уверенности предположить, что один из контактирующих этносов ассимилируется другим. Если же метисы распределяются примерно поровну между двумя национальностями, то это, скорее всего, является отражением процесса межэтнической интеграции. Велико влияние выбора национальности метисами также и на демографические показатели контактирующих этносов. Перераспределение метисов в пользу одного из этносов может обеспечить ему убыстренный прирост, в то время как темпы прироста второго будут замедляться. Если взаимодействуют два резко различающиеся по численности этноса, как в нашем случае, то национальная ориентация метисов для меньшего из них имеет прямо судьбоносное значение. Этот показатель может дать ответ на прямой вопрос – поглощается ли маленький этнос большим или избегает этой участи.

Для освещения этой проблемы мы использовали похозяйственные книги сельских советов. В этих книгах национальность детей в смешанных семьях, согласно положению, представляется со слов родителей, и по существу эти записи отражают мнение родителей о национальности своих детей. Сами дети определяют свою национальность в 16 лет и, как оказалось при проверке, при опросах, национальность они чаще всего выбирают именно ту, которая ранее определялась их родителями (бывают и

исключения, но они достаточно редки, и ценности этого источника информации существенно не снижают).

Уровень ведения похозяйственных книг оказался таков, что часть детей из смешанных семей вообще не имела записи о национальности (9,4% таких детей в 1978 г. и 13,6% в 1987 г.). Чтобы не усложнять показатели, мы будем приводить сведения только по детям, имеющим запись о национальности.

В 1978 г. в селах Хакасии в смешанных семьях проживало 3045 детей, у которых один из родителей был хакас, из них записаны хакасами 1219 человек, русским 1308 чел., отнесены к иным национальностям 232 чел. и не имели записи о национальности 286 чел. Если последних не принимать во внимание, то доля записанных хакасами оказалась 44,2%, русскими – 47,4%, прочими – 8,4%. В 1987 г. таких детей в селах Хакасии обнаружено 3366 чел., записаны хакасами 42,1%, русскими – 50,1%, отнесены к другим национальностям 7,8%.

Записана хакасами была довольно значительная доля хакасских метисов – почти половина, а значит, прямой угрозы депопуляции, ассимиляции смешанные браки не несли. Не влияли такие браки и на демографические показатели хакасов, не вели к существенному замедлению темпов их воспроизводства.

Рассмотрим этот показатель по разным типам семей на 1970–1980-е гг. В семьях, образованных хакасами и русскими, наблюдалось некоторое доминирование русского самосознания: в 1978 г. были записаны хакасами 39,1% метисов, русскими – 60,9%, в 1987 г. соответственно 36,8% и 63,2%. Особенно часто детей записывают русскими, если отец русский – 80,6%, а если отец хакас, то несколько более половины детей записываются хакасами – 55,1% (1978 г.). В браках хакасов с иными, кроме русской, национальностями, доминирует хакасское самосознание: в 1978 г. 62,0% детей в таких семьях были отнесены к хакасам, 38,0% – к прочим национальностям, в 1987 году соответственно 60,7% и 39,3%. Хакасское самосознание доминировало в хакасско-украинских (обоих вариантов) семьях – были записаны хакасами 52,0% детей, хакасско-тувинских – 59,2%, хакасско-белорусских – 60,9%, хакасско-шорских – 64,4%, хакасско-калмыцких – 70,0%,

хакасско-немецких – 74,7%, хакасско-чуваши-ских – 78,3%, хакасско-мордовских – 79,3% и т. д. «Теряли» хакасы лишь в браках с татарами и казаками – в таких семьях отнесены к хакасам менее половины детей, соответственно 44,9% и 20,0%.

В целом можно сказать, что хакасы немного «теряли» в численности вследствие браков с русскими (причем весьма незначительно), но в большой степени компенсировали эти «потери» через браки с остальными национальностями.

Мы выдвигали предположение, что изменения в статусе Хакасии (преобразование из области в республику), активизация национальных движений, и другие тенденции 1990-х гг. могут повлиять на рост национального самосознания и усилить хакасскую ориентацию смешанного, метисного населения.

Сейчас можно выяснить, подтвердились ли эти предположения? Оказалось, что подтвердились. По данным массового опроса 2008–2009 годов нам удалось установить, что и в сельской местности (причем и на севере, и на юге), и в городах процент детей в смешанных семьях, относимых родителями к хакасам, подскочил с 30–40% до 70,8%. И это коснулось не только детей. Рост числа метисов в старших возрастных группах (табл. 12) позволяет прийти к выводу, что и в старших, и в средних возрастных группах произошла национальная переориентация, и многие метисы, которые ранее называли себя русскими, сейчас стали определять себя как хакасы. Не меньше этот процент оказался и в городах – 72,8%. Таким образом, смешанные браки если и влияют на демографические характеристики хакасов, то скорее положительно, так как доля детей в смешанных семьях, относимых родителями к хакасам, превышает половину.

При тесных брачных контактах с инациональным большинством не исчезает «престижность» своей национальности, а влияние таких контактов на естественное воспроизводство не ведет к уменьшению или заметному замедлению роста численности хакасов. В то же время такие браки способствуют сближению хакасов с русскими, установлению дружеских, родственных отношений с ними и являются каналами взаимной диффузии национальных черт. Правда, эта диффузия, учитывая соотношение численности

этносов, напоминает дорогу с односторонним движением – влияние идет в основном в «хакасскую сторону», обратное влияние невелико. Изменение самоопределения метисов в пользу хакасской национальности является одним из последствий роста национального самосознания, наблюдаемого у многих народов страны в 1990-е годы. Можно сказать, что национальное самосознание у хакасов за последние 20–30 лет укрепилось. И это произошло, несмотря на ассимиляционные тенденции в разных областях культуры, и особенно – в языке [2].

При опросе 2008–2009 гг. метисами оказались 32,0% хакасов, в сельской местности – 31,4%, в городах – 33,0%. В сельской местности в хакасских селах (хакасов – более $\frac{2}{3}$), доля метисов составила 25,5%, в смешанных (хакасов от $\frac{1}{3}$ до $\frac{2}{3}$ населения) – 37,1%, в преимущественно русских (хакасов менее $\frac{1}{3}$) – столько же, 36,6%. Распределение доли метисов по возрастным группам однозначно указывает на нарастание процесса метисации (табл. 11).

Сгруппируем метисов по отдельным типам и группам национальностей, в этом случае получается следующая картина. Чистокровных хакасов – 68,0%, метисов, смешанных с монголоидными, азиатскими народами – 5,1%, с русскими – 19,0%, имеют среди своих предков и русских, и монголоидные народы – 0,5%, имеют в генеалогии представителей прочих (кроме русских) европейских национальностей – 4,3%, и русских, и представителей других европейских народов – 2,5%, представителей европейских и монголоидных народов – 0,4%, русских, европейские и азиатские народы – 0,2%. Меняется ли антропологический тип хакасов в процессе метисации? Если речь идет о европеоидных народах, то да, а вот смешение с монголоидными народами к существенным изменениям не ведет. Высокие показатели метисации в младшей возрастной группе (почти половина детей – метисы) вроде бы позволяют сделать вывод о значительном изменении антропологического типа. Однако на самом деле это не совсем так, ведь в число метисов включены и те, у кого русским или представителем других европейских национальностей были не отец или мать, а более отдаленный предок, например дед, или прабабушка. В этом случае европеоидный компонент невелик и визуально эти метисы от чистокровных

Таблица 11

Доля метисов в разных возрастных группах (опрос 2008–2009 гг., в %)

Возраст	Чистокровнее хакасы	Метисы
80 и старше	97,1	2,9
70–79	81,5	18,5
60–69	79,5	20,5
50–59	81,4	18,6
40–49	78,4	21,6
30–39	73,2	26,8
20–29	66,9	33,1
10–19	59,3	40,7
0–9	51,3	48,7

хакасов почти не отличаются, так как и чистокровные хакасы также имеют древнюю европеоидную примесь [9]. Если у метиса европеоидный компонент в генеалогии составляет $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{8}$, то он по внешности не выделяется среди остальных хакасов, эта поздняя примесь может быть выявлена разве что специальными антропологическими исследованиями. Поэтому европеоидная примесь заметна только в том случае, если доля этого компонента $\frac{1}{2}$ или более. Запись генеалогий, произведенная во время массового опроса, позволяет высчитать число метисов с разными долями европеоидного компонента (имеется в виду поздний компонент, то есть, полученный примерно за последние 100–150 лет, но не принимая во внимание древний европеоидный компонент, вошедший в генофонд народа тысячелетия назад). Оказалось, что не имеют этого компонента 73,0% хакасов (это чистокровные хакасы, а также метисы с монголоидным компонентом – шорским, киргизским, казахским и т. д.), имеют европеоидный компонент менее $\frac{1}{4}$ – 5,7%, $\frac{1}{4}$ – 8,8%, $\frac{1}{2}$ – 10,5%, более $\frac{1}{2}$ – 2,0%. Таким образом, визуально заметный европеоидный компонент имеют только 12,5% хакасов – не так уж и много.

Как распределяются метисы с разными долями европеоидного компонента по возрастным группам (табл. 12).

По этой таблице видно, как нарастает к младшему возрасту доля метисов с европеоидным компонентом, достигая среди детей почти 40%, однако даже в этой возрастной группе дети с заметной долей этого компонента составляет только 19,5%, то есть один из пяти. Однако приведенная динамика указывает на то, что через 2–3 десятилетия метисы могут составить более существенную часть хакасского народа, и изменение антропологического типа будет более радикальным.

Как выясняется, не все метисы достаточно тверды в выборе хакасской национальности. У некоторых из них формируется двойственное самосознание, они относят себя порой к обоим национальностям родителей. У взрослых метисов степень устойчивости их самосознания выяснялась при непосредственной беседе с ними, а что касается детей, то нами выяснялась степень твердости родителей в отношении национальности детей-метисов. Некоторые родители в смешанных семьях затрудняются определить национальность

Таблица 12

Доля метисов с европеоидным компонентом в разных возрастных группах

Возраст	Доля европеоидного компонента				
	Нет	Менее $\frac{1}{4}$	$\frac{1}{4}$	$\frac{1}{2}$	Более $\frac{1}{2}$
80 и старше	97,1	-	-	2,9	-
70–79	83,5	4,9	8,7	1,9	1,0
60–69	82,1	2,7	9,9	5,3	-
50–59	83,2	3,0	4,7	8,6	0,5
40–49	81,4	4,4	6,9	6,9	0,4
30–39	79,1	3,8	8,7	8,1	0,3
20–29	71,2	6,0	8,8	11,3	2,7
10–19	65,9	7,3	10,2	13,9	2,7
0–9	60,1	8,7	11,7	14,9	4,6

своих отпрысков, считают, что когда они вырастут – выберут национальность сами. И только поставленные в беседе перед необходимостью всё же сделать выбор, они склоняются к той или иной национальности как наиболее вероятной или желаемой для своего ребенка. Впрочем, немало и противоположных примеров – когда сами метисы или родители детей-метисов вполне уверены в своем выборе и колебаний не проявляют. Итак, вот результат – из всех хакасов-метисов не проявляют колебаний в выборе хакасской национальности 57,9%, колеблются – 42,1%. Насколько этот выбор однозначен, и не вызывает сомнений – здесь проявились определенные различия в разных группах хакасов. В селах выбор хакасской национальности метисами более определенный – 64,0% метисов не сомневаются в этом выборе. В городах – только 48,5%, остальные – «колеблются», имеют неустойчивое, двойственное самосознание. Большое влияние на устойчивость выбора имеет родной язык хакасов-метисов. Если родной язык хакасский, то тверды в своем выборе 95,5% метисов, если родными являются оба языка, хакасский и русский, то показатель ниже – 68,0%, если родной язык русский – 50,6%.

Сравнение данных по метисам с данными по смешанным бракам выявляет определенное противоречие: рост числа смешанных браков в последние два десятилетия явно замедлился, а вот замедления процесса метисации мы не наблюдаем. Это связано с тем, что метисы рождаются не только в смешанных семьях, но и в таких, где оба родителя хакасы, но при этом один или даже оба являются метисами. Сейчас примерно половина детей-метисов появляется в национально-смешанных семьях, а вторая половина – в однонациональных хакасских [2].

Метисы отличаются от чистокровных хакасов не только антропологическими особенностями, но и более слабым владением хакасским языком, меньшей компетенцией в национальной духовной культуре, они занимают промежуточное положение между двумя основным национальностями региона – русскими и хакасами [7]. Кроме того, они имеют большую склонность вступать в смешанные браки с представителями иных национальностей. В нашей последней выборке имели супругов иной национальности 17,3% чистокровных хакасов и 34,3% – метисов, т. е., в два раза больше.

Для хакасов, живущих в смешанных семьях, характерно гораздо более полное освоение русского языка, русскоязычной культуры. Положительные установки на межнациональные контакты, свойственные всем хакасам в целом, имеют у них еще более высокие показатели. В то же время многие национальные особенности у них ослаблены, среди них можно чаще встретить не владеющих хакасским языком, не знакомых со многими элементами хакасской культуры.

Смешанные браки, метисация активизируют процессы межэтнической интеграции, сближения хакасов с русскими, но при этом в настоящее время заметней стали проявляться и ассимиляционные тенденции, особенно в языковой сфере. Тридцать лет назад они были менее заметны.

Литература

1. Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1977. 562 с.
2. Кривоногов В. П. Хакасы в начале XXI века: Современные этнические процессы, Абакан: Хак. книжное изд-во, 2011. 252 с.
3. Патачаков К. М. Т. А. Сайлотов как просветитель // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Абакан, 1965. Вып. 11. С. 101–116.
4. Патачаков К. М. Семейно-родственные отношения у хакасов // Вопросы этнографии Хакасии. Абакан, 1981. С. 82–100.
5. Потапов Л. П. Краткие Очерки истории и этнографии хакасов (XVII- XIX вв.), Абакан: Хак. обл. гос. изд-во, 1952, 218 с.
6. Кривоногов В. П. Межэтнические браки у хакасов в современный период // Советская этнография. 1980. № 3. С. 73–86.
7. Кривоногов В. П. Хакасы: Этнические процессы во второй половине XX века. Абакан: ТОО «Центавр», 1997. 144 с.
8. Кривоногов В. П. Национально-смешанные семьи сельского населения Аскизского района Хакасской автономной области // Современные этнические процессы у народов Западной и Южной Сибири. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1981. С.120–129.
9. Алексеев В. П. Происхождение хакасского народа в свете данных антропологии // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск: Краснояр. книжное изд-во, 1963. С. 135–164.

МОТИВ ПАРТЕНОГЕНЕЗА КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ВЛАСТИ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ

А. Р. МУХАМАДЕЕВ

УДК 321 (091)

В статье рассматриваются легендарные сюжеты о «небесном происхождении» представителей тюрко-монгольских правящих кланов. Сюжет о партеногенезе (непорочном зачатии) стал одной из основных идеологических основ для обоснования, объяснения и подкрепления «законности» власти царствующих личностей и родов в древних и раннесредневековых тюрко-монгольских государствах. Небесное происхождение, дававшее право на власть, не только было присуще конкретному правителю, но и являлось принадлежностью всего правящего рода, династии.

Одновременно мотив партеногенеза использовался для сакрализации власти. В обществе целенаправленно и методично распространялись легенды о чудесном рождении предков царствующего клана. Сакрализация власти начиналась с самого начала, с истории предков. Одной из самых известных исторических личностей, чье происхождение связывалось с партеногенезом, был Чингисхан. В целом ханские роды тюрко-монгольского происхождения в течение столетий строго следили за своей родословной.

Среди других известных исторических персонажей, которые использовали идею партеногенеза, – основоположник клана сяньбийских правителей Тяньшихуай, основатель киданьского государства император Елюй Амбаган, основоположник правящей династии государства Фуюй, располагавшегося на территории Маньчжурии, Дунмин.

Вместе с тем идея партеногенеза использовалась не только правящими кланами тюрко-монгольского общества. Сюжет о партеногенезе, положившем начало роду, не является узкоклановым, принадлежащим исключительно представителям правящей фамилии. Он был распространен по всему кочевническому миру, отголоски которого обнаруживаются и у ряда современных народов.

Ключевые слова: легенда, эпос, партеногенез, правитель, тюрко-монгольское сообщество, сяньби, кидани, Фуюй, маньчжуры.

THE MOTIVE OF PARTHENOGENESIS AS THE IDEOLOGICAL POWER BASIS OF TURKIC-MONGOLIAN RULERS

R. MUKHAMADEEV

The author considers legendary stories about “the heavenly origin” of representatives of Turkic-Mongolian ruling clans. The story about parthenogenesis (virgin birth) has become one of the main ideological bases to justify, explain and reinforce the “lawfulness” of the power of kings, personalities and childbirth in ancient and early medieval Turkic-Mongolian states. The heavenly origin, entitling to power, was not unique for a particular ruler, but also was an accessory of the entire ruling family, a dynasty.

At the same time the motive of parthenogenesis was used for the sacralization of power. Legends of the miraculous birth of the ruling clan’s ancestors were spread purposefully and methodically in a society. Sacralization of power started from the very beginning, from the stories of their

ancestors. One of the most famous historical figures, the origin of which was associated with parthenogenesis, was Genghis Khan. In general, Khan Turkic-Mongolian birth strictly followed own pedigree for centuries.

Among other well-known historical figures, who used the idea of parthenogenesis, is the founder of the clan of Xianbei rulers Tanshihuai, founder of the Khitan State, Emperor Yelu Ambagan, founder of the ruling dynasty of the State Fuyu, located in the territory of Manchuria, Dongming. At the same time, the idea of parthenogenesis was used not only by ruling clans of the Turkic-Mongolian society. The story of parthenogenesis, which put the beginning for a family line, is not clan-specific, belonging exclusively to representatives of a ruling family. It has been spread throughout the nomadic world, the echoes of which are found also in a number of modern nations.

Key words: legend, epos, parthenogenesis, ruler, Turkic-Mongolian community, the Xianbei, the Khitans, Fuyu, the Manchus.

Одним из ведущих сюжетных линий мирового, в т. ч. тюрко-монгольского эпоса и мифологии является чудесное рождение героя. Эпические сказания имеют многочисленные варианты рассказа о предыстории рождении героя и его чудесном появлении на свет. В целом характерно, что описание рождения героя связывается с таинственными, сверхъестественными, божественными явлениями. Это предполагает рождение богатыря, который обычно воплощает в себе силу и мощь всего рода, племени и народа. Чудесное рождение как одна из важнейших частей эпоса имеет множество его вариантов (рождение из разных частей тела, оживлением какой-либо вещи, с помощью тотемического животного, божественных сил и пр.).

Одним из вариантов предыстории рождения героя является сюжетный состав о девственном зачатии, т. е. о партеногенезе. Вместе с тем нам придется взять примеры и эпические сюжеты о непорочном зачатии. Речь пойдет о «связях» с высшими силами, приведших к появлению на свет эпических (мифологических) предков или самих властвующих личностей тюрко-монгольского общества. При этом не будут затрагиваться другие способы божественного происхождения героя (или предков героя), которые так же связаны с Небом, но формулируются как «посланный Небом», «Небороденный», «рожденный по изволению Неба», «сын Неба» и т. п.

В целом при происхождении героя Небо могло выступать и как женское и как мужское начало. В случае с партеногенезом Небо,

соответственно, всегда мужское начало. В данном случае можно заметить возможное родство подобных легенд.

Если обратиться к истории народов Центральной Азии, формирования их государств и воцарения правящих династий, то можно обнаружить, что во многих случаях воцарению предшествует легенда о чудесном происхождении этой династии, о чуде рождения ее основателя, о чудесных явлениях и знамениях, сопровождавших воцарение. Происходит процесс разработки идеологических основ власти. Издревле главным в верованиях народов Центральной Азии являлся культ Неба. Это в полной мере относится и к китайцам и указывает на культурно-историческую близость древних китайцев и предков народов Центральной Азии. «Право на власть», на управление народом, подданными, определенной территорией ставилось в прямую связь с избранностью правителя Небом – неперсонифицированным верховным божеством народов Центральной Азии и Китая.

И для Центральной Азии, и для Китая идея дарования власти Небом уходит в глубокую древность. По мнению Е. И. Кычанова, здесь могли иметь место процессы взаимопроникновения, но и у древних китайцев, и у народов Центральной Азии они развивались самостоятельно. Как пишет ученый, ошибочно полагать, как некоторые китаеведы, что в Китае есть трактаты, в которых сакральная сущность власти императора изложена системно. Таких трактатов нет. Неясно и точное время появления

многих основополагающих структурных частей этой системы взглядов, например, теории «мандата Неба» [1, с. 283–284, 316].

Мотив о партеногенезе довольно эффективно использовался тюрко-монгольской правящей элитой. В обществе целенаправленно и методично распространялись легенды о чудесном рождении предков царствующего клана. Подтверждение права на власть «свыше» требовало факта «божественного происхождения» правителя. Сакрализация власти начиналась с самого начала, с истории предков. Одной из самых известных исторических личностей, происхождение которой связывалось с партеногенезом, был Чингисхан. О его легендарной прародительнице Алан-гоа имеется огромное количество легенд и преданий практически у всех тюрко-монгольских народов в разных вариантах.

У Рашид-ад-дина имеется около пяти упоминаний об Алан-гоа и ее потомстве от трех сыновей, родившихся после «непорочного» зачатия. В одном из них говорится, что «Алан-гоа принадлежала к племени куралас, являющегося одной из отраслей монгол-дарлекинов. [Алан-гоа], согласно мнению и утверждению монголов, после кончины [своего] мужа забеременела от луча света, и от нее появилось на свет три сына; и тех, кто принадлежит к роду этих сыновей, называют нирун. Значение [слова] нирун есть чресла. Указание на эти чистые чресла в том, что они [сыновья] произошли от [сверхъестественного] света» [2, с. 152]. В других сообщениях об особенностях зачатия содержится схожая информация, с более подробным описанием в двух из них со слов самой Алан-гоа. Она объясняла, что перед ней по ночам появляется и исчезает сияние в образе «рыжеволосого и синеокого человека». Далее она утверждала: «Эти сыновья, которых я принесла, принадлежат к особому разряду [существ]» [3, с. 14]. Рашид-ад-дин пишет: «Так как еще в восьмом колене, которым является Есугей-бахадур, обнаруживают этот отличительный признак (рыжие волосы, голубые глаза – *А. М.*), а согласно их [монголов] словам, он является знаком царской власти детей» [3, с. 48].

Как видно, здесь речь идет не только о Чингисхане, как о потомке легендарной Алан-гоа, а

о целой группе «привилегированных» по происхождению племен нирун. Как справедливо заметил Р. С. Хакимов, речь идет о клане, в котором потомки «непорочной» Алан-гоа имели доступ к власти. Причем легенда об Алан-гоа очень похожа на рассказ о непорочном зачатии девы Марии. С учетом наличия несториан в окружении Чингизхана Р. С. Хакимов предположил, что, видимо, не без их помощи библейский сюжет был перенесен на Алан-гоа [4, с. 47–48].

Другая часть династического древа Чингисхана восходит к Бортэ-чино («Серый Волк»), родившегося по изволению Высшего Неба, супругой которого была Гоа-Марал («Прекрасная Лань»). Дарлекины относятся к патрилинейной общности потомков Бортэ-чино [5, с. 162]. Данные из «Сокровенного сказания» о Бортэ-чино приведены нами постольку, поскольку в дальнейшем следует переплетение этих сюжетов. В «Чингизнаме», сложенном, по мнению исследователей, в XIII–XIV вв. в тюркоязычной среде и «впитавшем в себя многое из древнетюркского фольклора», сообщается: «Алангова забеременела без мужа. Она заявила: «На меня спускается луч солнца, от меня же уходит волк». Тогда решили удостовериться. Трое мужчин... стали караулить у шатра Аланговы. Незадолго до рассвета они заметили, как с неба спустился белый блестящий свет... Через некоторое время он обернулся светлогривым серым волком» [6, с. 75–76].

Небесная благодать, дававшая право на власть, не только была присуща данному правителю, осчастливленному Небом, но и являлась принадлежностью всего правящего рода, династии. В Китае императорская идеология включала понятие «силы дэ» династии. У киданей считалось, что сила дэ была дарована всем представителям клана Елюй, права на власть могли иметь дядья и братья государя. Небесной благодатью «кут» и правом на власть обладали у тюрков все члены клана Ашина. Право на власть всего рода отчетливо прослеживается у монголов. «Во главе социальной лестницы, – писал В. А. Рязановский, – стоял неограниченный властелин – хан, его род держал кормило правления, его ближайшие родичи заправляли главными улусами, в том числе и покоренными государствами. Государство считалось

собственностью рода. Удельно-родовой принцип, военный дух и автократия проникали всё государство монголов» [7, с. 4].

В целом ханские роды тюрко-монгольского мира в течение столетий весьма строго следили за своей родословной. В тюркоязычном эпосе чаще встречаются более поздние вариации мотива чудесного рождения, притом в самых разнообразных, весьма оригинальных сюжетных ситуациях. В данном случае мы сталкиваемся именно с таким случаем. Возможно, это средневековое переосмысление и перемешивание весьма древних по своему происхождению, хоть и очень схожих сюжетов относительно чудесного рождения. В каких целях произошло это смешение, не совсем понятно. Возможно, это попытка «подкрепить» происхождение, а значит, и власть чингизидов среди многочисленных тюркских племен Евразии. Божественный (небесный) луч и образ древнего тотема тюрков – волка – в соединении могли существенно усилить представления кочевников о правящем клане.

Этот сюжет в несколько другом виде сохранился и в преданиях монгольских народов, например, в «Богатырских сказаниях о Чингисхане». В них сообщается, что Дуюн-Баян (Добун-Баян «Сборника летописей» Рашид-ад-дина – муж Алан-гоа) сам родился от солнечного света. Перед смертью он сказал: «Знаками моего прихода будут: после смерти я буду гореть, как солнце, выйду в виде волка». Его жена Алангу (Алан-гоа) предложила поставить стражу около ее шатра. Изумленная стража увидела сошедший с неба свет, а через некоторое время от Алангу вышел серый волк «величиной с лошадь» [8, с. 248–249]. Более поздние вариации преданий об Алан-гоа и Бортэ-чино в исторических сочинениях монгольских народов (монголов, бурят, калмыков) XIII–XIX вв. подробно описаны Г. И. Михайловым [9, с. 88–106]. Собственно, мифы в этих летописях, приведенных Г. И. Михайловым, нашли довольно слабое отражение. В центре внимания летописцев всё время находились родословные правящей верхушки различных улусов, деяния правителей, их высказывания, поучения и т. п.

Возможность проникновения сюжета о непорочном зачатии Алан-гоа к тюрко-монголам

через христиан-несториан, высказанная Р. С. Хакимовым, только подтверждает архаичность сюжета. Генетически связанный с первобытными представлениями, рассказ о девственном зачатии встречался в самых архаических образцах народного эпоса [10, с. 42]. Классическое отражение этого мотива можно найти еще в «Махабхарате», где Кунти сочетается с Солнцем:

«С пылающим богом она сочеталась,

Но девственной, чистой при этом осталась»

[11, с. 106].

Встречается этот сюжет и в армянском эпосе «Давид Сасунский». В нём рассказывается о том, как предки Давида, братья-близнецы Санасар и Багдасар, были зачаты непорочной девой Цовинар от глотка ключевой воды [12, с. 9].

Собственно, и сам сюжет об Алан-гоа представляется не менее архаичным и появившимся непосредственно в тюрко-татарской среде. Как пишет Б. С. Дугаров, известный сюжет об Алан-гоа, зачавшей прямого предка Чингисхана – Бодончара от лучей солнца, имеет глубокую основу в мифологии монгольских племен. Для сравнения: Манзан Гурмэ – прародительница Гэсэра из одноименного эпоса, в бурятском эпосе рождается от солнечных лучей, проникших в лоно ее космической матери Эхэ эхэ бурхан (Великая мать-богиня) [13, с. 122]. Прототипом же самого Гэсэра, по мнению Б. С. Дугарова, вероятней всего является Хухудэй Мэргэн – древнейший герой тюрко-монгольского эпоса, стадийно восходящий к его раннему «охотничьему» этапу и несущий в себе следы астрологии (миф о созвездии Орион – небесных оленях и небесном стрелке-охотнике). Это свидетельствует о глубокой архаичности данного эпического образа и его связи с уранической мифологией древних кочевников [13, с. 125].

Относительно же образа волка исследователи считают, что легенды и предания, связанные с ним, появились первоначально в тюркоязычной среде. При этом задолго до того, как Чингисхан вышел на мировую арену. Это дало возможность предположить, что легенда

о происхождении Чингисхана, связанная с Бортэ-чино, попала в монгольскую хронику из существенно более ранних источников представителей тюркских племен, чьи обширные территории в XIII в. были заняты Монгольской империей [10, с. 19].

Другой известный исторический персонаж, который «причастен» к партеногенезу – основоположник клана сяньбийских правителей Таньшихуай. В переводе Е. И. Кычанова «Хоу Хань шу» («История поздней династии Хань») это выглядит так: «Его отец Тоулухоу вначале три года сопровождал войска сюнну, его жена оставалась дома и родила сына. Когда Тоулухоу возвратился, то он счел его (ребенка. – *Е. К.*) за оборотня и хотел убить его. Жена сказала, что как-то днем она шла и услышала раскаты грома, подняла голову, чтобы посмотреть на небо, а градина упала ей в рот, и она проглотила ее. После этого забеременела и через девять месяцев родила. Этого ребенка обязательно ожидает нечто необыкновенное, следует его вырастить и посмотреть. Тоулухоу не послушался и выбросил его. Жена приказала домашним подобрать и вырастить его. Назвали [ребенка] Таньшихуай» [1, с. 68]. В дальнейшем Таньшихуай известен своими подвигами в 14–15 лет, избранием его старейшиной и введением законов и запретов, которые никому не позволено было нарушать [14, с. 154].

Следующую легенду о неземном происхождении, связанную с императором Елюй Амбаганом – основателем киданьского государства или империи Ляо (конец IX – начало X в.) приводит Б. С. Дугаров. В ней говорится о том, что перед тем, как забеременеть, его мать видела во сне, будто в ее грудь упало солнце. Родившийся младенец размерами был как трехлетний ребенок и сразу же мог ползать. Через три месяца он начал ходить, а когда ему исполнился год – разговаривать. С самого рождения император отличался великодушием, обладал большим умом и не был похож на остальных. Отличался крепким телосложением, смелостью, воинственностью и сообразительностью. Отлично ездил верхом и стрелял из лука, пробивая стрелой железо толщиной в один цунь. Он пользовался луком, для растяжки которого требовалось усилие, равное тремстам цзиням. Знак, подтверждающий

небесное происхождение императора, был продемонстрирован уже в его сравнительно зрелом возрасте. Однажды ночью над местом, где он спал, появился свет, что испугало и удивило окружающих. Все кочевья боялись его смелости, и не было ни одного, которое бы не повиновалось ему. Когда он впервые сам объявил себя императором, соотечественники стали называть его Тяньхуан-ван – Небесный император [13, с. 124].

Основоположником правящей династии государства Фуюй, располагавшегося на территории Маньчжурии, считается Дунмин (корейское Тон-мён) – «Свет на Востоке», «Восточный свет». Имя его осмысливается и как тунгусо-маньчжурское «тонг мангга» – «хороший стрелок из лука» (ср. монгольское «мэргэн»). Его мать была служанкой у вана одного из государств восточных варваров. Согласно преданию, она зачала сына оттого, что увидела на небе скопление воздуха величиной с куриное яйцо, которое опустилось на нее. Ван приказал заточить ее в темницу, где она и родила сына, а когда ребенок родился, велел отнести его в свинной загон. Свиньи обогрели его своим дыханием, а когда его перенесли в конюшню, то своим дыханием его обогрели лошади. Благодаря заботе животных мальчик не погиб, а ван счел его духом, позволил матери выкормить его и дал ему имя Дунмин. По одной из версий легенды, мальчик должен был стать рабом, по другой – он вырос и стал отличным стрелком из лука. Правитель страны Доли-ван вновь задумал убить его. Дунмин вынужден был бежать на юг. Путь ему преградила р. Яньди. Дунмин ударил луком по воде, и тогда собрались рыбы и черепахи. Они плавали по поверхности воды, создав плавучий мост, по которому Дунмин и переправился через реку. После этого он добрался до Фуюй, где и стал ваном [1, с. 84].

Вкратце маньчжурская легенда гласит следующее. К востоку от гор Чан-байшань имеется гора Букули (Букури). У ее подножия находилось небольшое озерцо, называемое Булахули (Булхури). Однажды здесь купались три небесные девы. Священная сорока, которая держала во рту красный плод, положила его на одежду младшей девушки по имени Фокулунь. Девушка взяла этот плод в рот и нечаянно проглотила.

Вскоре она забеременела и родила мальчика. Только что родившись, он уже умел говорить, наружности он был необыкновенной и быстро вырос. Мать дала ему наставление, сказав, что его фамилия Айсинь Гиоро, а имя – Букури Ионшунь («Букури-миротворец», «Букури, стремящийся к установлению согласия»). Небо породило его, чтобы прекратить беспорядки в государстве. Наказала, чтобы, прибыв к людям, он управлял ими.

В это время в тех землях три рода (сань син) боролись за старшинство, ежедневно они затевали сражения и истребляли друг друга, и смуты никак не прекращались. Однажды необыкновенный мальчик был обнаружен людьми у речной переправы. На расспросы мальчик ответил, что он Небесный мальчик, рожденный Небесной девой. Небо породило его, чтобы прекратить среди них беспорядки. По всем признакам люди признали в нём мудреца, рожденного Небом. Три раза представители родов собирали совет, задумались о прекращении вражды и сделали юношу государем. Женили его на своих дочерях и поднесли ему титул бэйлэ. Тотчас беспорядки у них прекратились. Затем Букури Ионшунь жил в городе Одоли к северу от гор Чанбайшань. Государство было названо «Маньчжу» [1, с. 293–294].

Горы Шаньян-алинь, или по-китайски Чанбайшань, их юго-западные склоны и долины стали родиной маньчжурского народа. Легенды часто опираются на реалии. И сейчас на вершине самой высокой из гор Чанбайшань – горе Белоголовой – в горном кратере есть озеро Тяньчи («Небесный водоем»), достигающее 40 км в окружности, в котором, по преданию, купались небесные девы. Еще в начале XX столетия эта гора почиталась как священная у окрестного населения Южной Маньчжурии. «Вся окружающая местность, – отмечал полковник Генерального штаба, подполковник Хвостов, производящий здесь осмотр местности на случай возможных боевых действий в будущем – посвящена предкам ныне царствующей в Китае Маньчжурской династии» [15, с. 24].

До недавнего времени бытовала среди маньчжуров и другая устная легенда, начало которой обыденнее официального. Как пример она более подходит для нашего исследования. Девушка

пошла в лес на горы Чанбайшань. В лесу она ела землянику и от этого забеременела. Когда родился ребенок, она положила его в колыбель и пустила по Сунгари. Ребенок доплыл до Саньсина, где люди трех родов (сань син) боролись за власть. Увидев ребенка, они перестали сражаться, достали его из колыбельки и сказали: «Он станет нашим ханом!» В некоторых вариантах устное маньчжурское предание именуется ребенком Танханье. Когда Танханье вырос, Никан-вайлан узнал, что он имеет знаки рождения, свидетельствующие о его предназначении судьбой основать империю. Было приказано казнить Танханье (мотив «истребления младенцев»), но он бежал и после долгих скитаний основал государство, которое позднее стало Маньчжурской империей.

В данной устной версии вместо небесных дев – просто девушка, которая беременеет от плода, и имеется сюжет о том, что будущий основатель династии избегает гибели и скитается. По преданию, реальный основоположник цинской династии Нурхаци находился в чреве матери 13 месяцев. Во время рождения мудрец предсказал ему великое будущее. Внешность Нурхаци была необыкновенной: он был ликом как чистый нефрит, имел уши Будды и глаза феникса, обладал таким чистым голосом, который, услышав раз, уже нельзя было забыть. Отличался большой силой, в частности при стрельбе из лука. В младенчестве и юности Нурхаци по крайней мере дважды помогало Небо, оно молнией во мраке ночи указывало ему на его врагов, которые покушались на его жизнь, и он убивал их или брал в плен [1, с. 294]. Исходя из того, что в маньчжурской легенде «отцом» будущего правителя является красный плод (или земляника), то чудесное зачатие происходит по принципу «плод порождает плод».

Сюжет о партеногенезе, положившем начало роду, не является узкоклановым, принадлежащим исключительно представителям правящей фамилии. Вероятно, он был распространен по всему кочевническому миру, отголоски которого обнаруживаются и у ряда современных народов. Так, генеалогическая легенда о происхождении рода, где присутствуют «небесная градинка», от которой забеременели молодые женщины, зафиксированы у алтайского рода

мундус и бурятского рода хангин. В связи с этим интересны выводы Б. С. Дугарова о том, что сам факт существования мифа о небесном происхождении хангинов, тесно связанных с общим этногенезом бурятского народа, свидетельствует о древних корнях их этнической истории и о возможных этнокультурных связях их предков с сяньбийцами начиная с I в. н. э. С сяньбийской этнической основой связан генезис протобурят хоринского племени, ответвлением которого, согласно устной традиции, считается род хангин [13, с. 124].

А. Н. Веселовский приводит следующую киргизскую (видимо казахскую) легенду: «Хан Алтын-Бель запирает свою дочь красавицу в подземный покой, дабы никто ее не видел. Однажды она спросила свою кормилицу: «Куда уходишь ты время от времени?». Кормилица отвечала, что в великий мир. Однажды, по просьбе девушки, женщина взяла ее с собой; когда же девушка стала смотреть на мир, ей стало дурно, и в это время взгляд божественного ока упал на нее, и она зачала» [16, с. 537].

В мотиве о чудесном рождении отражено не так уж много чистых сюжетов о партеногенезе. Речь, по мнению исследователей, идет лишь о тех или иных отголосках, древнейшие историко-этнографические корни которых могут быть восстановлены лишь при сравнительно-историческом изучении конкретного материала [10, с. 43]. По мнению некоторых ученых, в целом представление о партеногенезе восходит к эпохе матриархата и связано с оргиастическими праздниками [17, с. 436]. Относительно же нашей темы более подходит толкование мотива чудесного рождения П. А. Гринцером, когда он придает этому более широкое значение, чем просто пережиткам представлений о партеногенезе. По мнению ученого, «в эпосе божественное происхождение героя – традиционный знак исключительности» [18, с. 180]. Мысль об исключительности, божественном происхождении героя (богатыря) в мотиве чудесного рождения доказывается им множеством конкретных примеров из эпоса древнего мира – египетского, индийского, греческого и пр.

Таким образом, мы можем предположить, что сюжет о партеногенезе, как и сюжеты о других способах чудесного рождения, связанных с

Небом, был немаловажной частью идеологии правящих кругов тюрко-монгольского общества. Близость менталитета и генетическая родственность племен способствовали широкому распространению этого мотива среди многочисленных племен тюрко-монгольского сообщества. Как видно, сюжет о партеногенезе стал одним из опытов идеологизации института сакральности, «божественности», «небесности» происхождения монгольских, сяньбийских, киданьских и фууйских правителей. Вместе с тем этот сюжет применялся и в отношении не царствующих тюрко-монгольских родов. Прочно укрепившись в эпических сказаниях, мотив чудесного рождения столетиями поддерживал авторитет царствующих кланов.

Литература

1. Кычанов Е.И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010. 364 с.
2. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 1. Книга первая. М. – Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1952. 221 с.
3. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 1. Книга вторая. М. – Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1952. 315 с.
4. Хакимов Р. С. Татары: судьба этнонима. (Средние века). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 56 с.
5. Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. Империя Чингис-хана. М.: Восточная литература, 2006. 557 с.
6. Короглы Х. Огузский героический эпос. М.: Наука, 1976. 240 с.
7. Рязановский В. А. Великая Яса Чингиз-хана. Харбин, 1933. 216 с.
8. Автобиография Тимура: Богатырские сказания о Чингис-хане и Аксак-Темире. М.: Academia, 1934. 352 с.
9. Михайлов Г. И. Мифы в исторических сочинениях XIII–XIX вв. монгольских народов // Фольклор и историческая этнография. М.: «Наука», 1983. С. 88–107.
10. Урманчеев Ф. И. Эпические сказания татарского народа. Сравнительно-исторические очерки. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1980. 120 с.

11. Махабхарата. Рамаяна. М.: Художественная литература, 1974. 608 с.
12. Героический эпос народов СССР. Т. 1. М.: Художественная литература, 1975. 558 с.
13. Дугаров Б. С. Концепт сына Неба и прообраз Гэсэра // Вестник НГУ. 2010. Том 9. Вып. 4: Востоковедение. С. 122–126.
14. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. Т. I. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 471 с.
15. Хвостов А. М. Описание Мукденской провинции и Южной Маньчжурии. СПб.: Военно-стат. отдел Гл. штаба. Типография Главного штаба, 1903. 270 с.
16. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л.: Гос. изд-во «Художественная литература», 1940. 648 с.
17. Семенов Ю. И. Как возникло человечество? М.: Наука, 1966. 567 с.
18. Гринцер П. А. Эпос древнего мира // Типология и взаимосвязи литератур древнего мира. М.: Наука, 1971. С. 134–206.

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ В МАТЕРИАЛЬНЫХ КУЛЬТУРАХ НАРОДОВ ХАКАССКО-МИНУСИНСКОГО КРАЯ В XVIII–XX ВВ.

Е. В. ПРИЩЕПА

УДК 394

Исследование посвящено проблеме взаимодействия хакасской и русской материальной культуры Хакасско-Минусинского края в XVIII–XX вв. Исторические процессы и комплементарный характер этнокультурных взаимодействий, способствовали развитию традиционной культуры и мира ценностных оснований этносов региона. Автор ставит цель проследить эволюцию ряда строительных традиций, обрядовой строительной практики, особенностей планировки населенных пунктов в ХМК у рассматриваемых групп населения. В результате комплекса причин и факторов взаимодействий, автор приходит к выводу, что материальная культура коренного населения в большей степени оказалась подвержена трансформации и изменениям со стороны культуры пришлой.

Ключевые слова: Хакасско-Минусинский край, хакасы, русские, традиционная материальная культура, жилище, аал, традиции, взаимодействия.

INTERACTION IN TANGIBLE CULTURES OF THE PEOPLES OF THE KHAKASS-MINUSINSK REGION IN THE XVIII–XX CENTURIES

Y. V. PRISHCHERA

The research is devoted to the problem of interactions in the Khakass and Russian tangible culture of the Khakass-Minusinsk Region (KhMR) in the XVIII–XX centuries. Historical processes and complementary nature of ethnic and cultural interactions contributed to the development of traditional culture and the world of value bases of ethnic groups in the region. The author aims to trace the evolution of the number of building traditions, ritual building practice, features of the layout of settlements in the KhMR of the considered groups of the population and concludes that as the result of the complex of interaction reasons and factors, the tangible culture of the indigenous population in a greater degree appeared to be subjected to the transformation and changes from the part of an alien culture.

Key words: the Khakass-Minusinsk Region, the Khakass, the Russians, traditional tangible culture, dwelling, aal, traditions, interactions.

Приход русских на земли неславянских народов Сибири привел к многочисленным межэтническим контактам и межкультурному взаимодействию. Эти процессы коснулись и Хакасско-Минусинского края, где началу межэтнического взаимодействия русских с коренным населением предшествовали военно-политические события XVII–XVIII вв.: строительство острогов в регионе в первой четверти XVIII в.,

завершение вооруженной борьбы во второй половине XVIII в. С начала XVIII в. началась русская колонизация долины Среднего Енисея.

Колонизационные процессы порождали межэтнические контакты и разнообразные по характеру варианты межкультурного взаимодействия. Объективная необходимость контактов поддерживалась спецификой русского расселения в ХМК, адаптацией к условиям освоения

Южной Сибири. Контакты между народами региона носили обоюдный характер, скреплявшийся взаимным интересом и нужде во взаимопомощи друг к другу. Исследователями отмечено, что мирное сосуществование славянских и неславянских этносов в Сибири обеспечивалось охранительной политикой правительства по отношению к ясным и отсутствием социальных барьеров между ними [1, с. 79].

Адаптация русских к новым условиям жизни в Южной Сибири влекла необходимость заимствования ими традиционного и полезного опыта аборигенного населения. Без помощи коренных жителей ХМК русские не смогли бы приобрести в короткие сроки необходимые навыки и опыт в непривычных им формах хозяйствования. Различные контакты приводили к обогащению культур соседствующих этносов/этнических групп региона. Привнесенная традиционная культура в новых условиях приобретала новые признаки, подвергалась объективным изменениям, приспосабливалась к новым условиям существования. Результатом такого взаимодействия между народами региона явилось возникновение нового цивилизационного социокультурного пространства, в котором межэтническое взаимодействие исторически приобретает многоуровневый характер.

Взаимовлиянию в традиционных материальных культурах народов ХМК в XVIII–XX вв. посвящена этнографическая работа А. А. Кузнецовой [2]. Проблемы сравнительного анализа жилищно-бытовой народной культуры русского старожильского населения ХМК, в том числе ее мировоззренческих основ, рассматривались в монографических исследованиях А. А. Верника, Е. В. Прищепы [3, 4]. Изучению традиционного жилища хакасов, выявлению типов жилищ и их конструкций в процессе перехода с кочевого к оседлому образу жизни и изменения образа жизни населения посвящены исследования К. М. Патачакова, В. Я. Бутанаева [5, 6].

Материальная культура в составляющих ее компонентах является фактором жизнеобеспечения этноса. Жилище в этом ряду занимает одно из значимых мест, являясь традиционным вариантом жизненной модели этноса, наиболее полно реализованной в его устройстве.

Цель работы: характеристика эволюции своеобразия культурных контактов в материальной культуре (жилище и поселения) аборигенного и русского населения ХМК в XVIII–XX вв. Задачи: изучение, выявление характера взаимовлияния и анализ заимствований в материальной культуре, появившихся у народов в ходе их исторического развития на территории ХМК.

Обустройство и строительство в новых условиях ХМК пришлым населением шло постепенно и поэтапно. Первые русские селения, возникшие в регионе в начале XVIII в., из-за нестабильной политической ситуации находились вблизи или под защитой острогов. Первые деревни Беллык, Ерба, Сыда, Бирь (Козлова) находились под защитой Абаканского острога и возникли в удобных для земледелия районах ХМК [7, с. 196]. Если первоначально казаки были связаны с военным делом, то впоследствии с появлением сельских поселений с земледелием, торговлей, промыслами и ремеслами. К середине XVIII в. казацкие форпосты уже не имели укреплений и находились в запустении, в непосредственной близости с ними, как отмечал И. Пестов, были выстроены «прекраснейшие деревни с чистыми домами» [8, с. 276].

К концу XVIII в. на правобережье Енисея русские стали численно преобладать, а в начале XIX в. эта территория становится областью преимущественно русского расселения, основная часть аборигенного населения была сконцентрирована на левобережье. Основным типом крестьянских поселений русских старожилов ХМК, как и в целом в Сибири, была деревня. Жилище, его типология и в целом крестьянские селения ХМК были адаптированы к природно-географическим особенностям региона и к хозяйственной деятельности – земледелию.

Исследователи материальной культуры славян отмечают, что все наземные жилища XII–XIII вв. были срубные [9, с. 196]. Практика постройки срубного дома была отработана веками коллективной традицией народа, перенесена на новые сибирские условия и успешно адаптирована в Сибири. В XVII–XVIII вв. в целом в Сибири, как и на севере России, жилище строили более развитое, в традициях северорусского типа [9, с. 205, 220].

Наиболее распространенным типом жилища у хакасов в XVII в. – в первой половине XIX в.

была переносная юрта («иб»). Под этим названием у хакасов известны четыре типа жилищ: «киис иб» (войлочная юрта), «тос иб» (берестяная юрта), тирмелиг иб (решетчатая юрта) и «хараачылыг иб» (название верхнего обруча юрты) [5, с. 9]. Описание этого распространенного вида жилища встречается в работах различных авторов путешественников и исследователей хакасской традиционной культуры [10, с. 135; 2, с. 112; 11, с. 30; 12, с. 149–150; 5, с. 5–33; 6, с. 47–68]. Юрты делались из войлока, бересты, коры лиственницы и дерева в виде сруба, имеющего 4, 5, 6, 8, 10, 12 и 14 углов с куполообразной крышей [2, с. 112]. 12- и 14-угольные юрты, т. е. почти круглые, могли себе позволить состоятельные жители, по мнению коренных жителей, они были более эстетичными и вместительными.

В истории развития и эволюции переносной юрты можно выделить несколько ключевых этапов. До конца XIX в. она являлась основным распространенным типом жилища хакасов. К концу XIX в. в некоторых ведомствах и улусах в незначительном количестве сохранялись переносные юрты, которые уже были нежилыми и находились в ветхом состоянии. В связи с переходом на оседлый образ жизни появляется более прочная и устойчивая непереносная юрта («тос иб») [5, с. 12–15]. Ее соседствование в это время в оседлых улусах с бревенчатыми избами и срубными деревянными юртами становится нормой. Срубная юрта («кирткен иб») являлась самым распространенным летним жилищем хакасов в конце XIX – начале XX вв. [5, с. 19]. Многоугольная юрта, служившая летним помещением у кизильцев, вышла из обихода с середины XIX в. [13, с. 193]. Вариантами зимних жилищ хакасов были землянки («чир тура») [5, с. 31] и наиболее распространенные «соол», деревянные однокамерные избушки, с земляным или деревянным полом, с плоской или двускатной крышей, небольшими окнами. Печью такой избушки служил чувал – глиняная печь с трубой [11, с. 32].

По рассказам стариков-кызыльцев, образ жизни и быт которых оказался под сильным влиянием русской культуры, войлочные юрты существовали еще в самом начале XIX в. На 1841 г. по Кизильской управе сведений о войлочных юртах не встречается. Берестяные и деревянные юрты упоминаются как летние постройки, а к концу XIX в. берестяные

юрты совсем не сохранились у кызыльцев [2, с. 112]. Берестяные и войлочные юрты к концу XIX в. сохраняются в Аскизской управе в улусах по рекам Монок, Тее. Жители устья рек Уйбата, Камышты, Ташебы перестали строить берестяные юрты главным образом по причине того, что деревянные намного теплее и прочнее [2, с. 114]. К концу XIX в. в качинских землях у местного населения берестяные юрты становятся редкостью, основной причиной малого их распространения становятся меньшая их практичность и недолговечность в сравнении с деревянными юртами. Войлочные юрты здесь уже не встречаются.

Строительство деревянной многоугольной юрты («граненой юрты») доверяли русским плотникам или строили сами. Устраивали помочи. Хакасское население прибегало к традиции помочей¹ для постройки срубных домов, заготовки сена и других работ.

Изначально, помочи («помочана»)² являлись трудовым выражением традиций и менталитета русских сибиряков. Помочи собирались круглогодично для различных целей: для выполнения сложных работ, оказания помощи малосемейным, зажиточным семьям и в целом всем, кто без этой помощи сам не справится. В частности, для заготовки леса, строительства домов, строений, их починки, покоса и др. После помочей полагалось угощение со стороны хозяев («хозяева столуют») помочанам (приглашенным работникам)³. Характер работ, выполняемых с помощью помочей хакасами, отражает процессы взаимовлияния культур и

¹ Помочь – по-хакасски «помыс» т. е. помочь, помощь. Организовать помощь – «помыс идерге». Другое значение слова – субботник [15, с. 379–380], также отражало коллективный, безвозмездный характер работ. В Таштыпском районе Республики Хакасия у населения используется термин «помыш» – полевые материалы автора (ПМА), Шульбаев Валерий Константинович, 1945 г. р., род. в аале Анжуй, Таштыпского района Республики Хакасия.

² ПМА, Обручев Андрей Парфенович, 1922 г. р., род. в с. Кортуз Краснотуранского района Красноярского края, чалдон.

³ ПМА: Калачов Александр Гаврилович, 1919 г. р., род. в с. Каптырево Шушенского района Красноярского края; Угдыжеков Серафим Николаевич, 1922 г. р., род. в с. Верх-Аскиз Аскизского района Республики Хакасия.

сильное оказываемое влияние здесь русской старожильческой культуры.

На постройку деревянной юрты шел лиственничный или сосновый лес. Юрту, как и избу, рубили на месте постройки, затем разбирали и перевозили в аал. Нижний ряд бревен иногда клали на фундамент из камней. Рубили юрту в «замок» или чаще всего «в лапу». Средняя юрта имела 8–10 венцов, длина каждой стороны достигала 5 аршин (3,55 м. – *П. Е.*). Длина восьмиугольной юрты достигала от 8½–12 аршин (6–8,5 м – *П. Е.*) и 4½ аршина до дымового отверстия (примерно 3,2 м – *П. Е.*) Венцы юрты, как и избы, прокладывали мхом, снаружи обмазывали глиной. Пол был земляной, в редких случаях деревянный, окон не было [2, с. 117–118]. Приведенные А. А. Кузнецовой размеры юрты, по свидетельству К. М. Патачакова, совпадают с восьмиугольными юртами, сохранившимися в 80 гг. XX в. в Аскизском районе. К. М. Патачаков упоминает о многоугольной деревянной юрте, венцы которой были уложены не срубом, а в пазы («ырган») массивных столбов («трес»). Юрта называлась «столбалыҕ иб». Такая юрта с тесовой крышей была обнаружена им в Таштыпском районе в 1954 г. [5, с. 22–23].

Упоминание о срубных избах русского типа появившихся у хакасов-качинцев в результате влияния русской народной культуры, относится уже к первой половине XVIII в. [13, с. 116]. П. С. Паллас, путешествовавший в 1772 году в ХМК, оставил упоминание о койбалах, многие, из которых «...имели деревянные на зиму дома» [15, с. 527]. Из описания койбалов П. С. Палласа мы наблюдаем, что они были уже все крещены, занимались земледелием и в целом уже заимствовали и переняли образ жизни русских, в том числе и традицию проживания в домах. Хакасы заимствовали строительную практику русских, начали строить срубные жилища, но вместе с тем и сохранили традиционные жилища. Первый благоустроенный дом с балконом, построенный по-русскому образцу, был выстроен кизильским князем Ульгегачевым близ Ужура в конце 60-х годов XVIII в. [13, с. 122]. Постройка и проживание в жилище русского типа состоятельных хакасов свидетельствует о престижности обладания им для того времени.

Традиционализм в культуре хакасов

способствовал длительному сохранению укоренившихся архитектурно-строительных форм жилищ, однако влияние пришло культуры оказалось решающим. Срубные дома русского типа стали появляться у хакасов под влиянием русской старожильческой культуры с середины XVIII в. [5, с. 33; 13, с. 116]. В результате к XIX – началу XX вв. срубная изба русского типа становится основным типом зимнего жилища хакасов.

Характерной особенностью поселений в ХМК была их разбросанность, что было обусловлено географическим расположением основных водных магистралей ХМК. Сначала русскими осваивались главные магистрали – Енисей, затем его крупные притоки, а лишь немногие старожильческие деревни располагались у озер или при ключах [3, с. 61]. Архивные описания русских селений ХМК свидетельствуют об отсутствии четкой планировки селений: «...во многих деревнях устроены дома довольно хорошей архитектуры, однако ж, более применяясь к собственному вкусу, при том же не линейно, а кто где захотел по произволу, от чего во многих деревнях при хорошем строении улиц (в значении видимо: вытянутости, протяженности – *П. Е.*) совсем не образовались в улицах деревни красивого расположения»⁴. Ввиду данной специфики застройки поселений и ненужности в экономии земли избы «рублись» попарно, а между домами тем самым образовывались проулки: «...от такой смещенности строений между каждыми двумя домами явится проулок»⁵.

По мере увеличения и укоренения пришло населения появляется уличная планировка поселений. Постройка дома вдоль улицы носила название «поставить конем»⁶. В настоящее время в старой части сёл и деревень в ХМК еще можно наблюдать старинную планировку с длинной улицей, вытянутую в линию, и проулки, еще оставшиеся и не пригороженные к территории двора.

⁴ Архив Русского географического общества (АРГО). Р. 57. Оп 1. Д. 9. Л. 6.

⁵ АРГО. Р. 57. Оп 1. Д. 9. Л. 6.

⁶ ПМА, Обручев Андрей Парфенович, 1922 г. р., род. в с. Кортуз Краснотуранского района Красноярского края, чалдон.

Отмечено, что в традиционной культуре коренных народов Сибири окружающая природная среда рассматривалась как неотъемлемая часть их собственного бытия [16, с. 223]. Специфика расселения для коренных жителей заключалась в выборе более удобных и пригодных для скотоводства мест, поэтому поселения в степной части ХМК носили непостоянный характер. В последующее время свободный и временный характер поселений, уже уходит в прошлое, однако пространственное восприятие территории ХМК всё еще остается определяющей. Данная специфика повлияла на отсутствие четкой планировки селений коренных жителей ХМК: «Поселения инородцев, их улусы, представляют собой или раскиданные в беспорядке по степи, стоящие в значительном отдалении друг от друга юрты и избы, или беспорядочные группы юрт и изб. Или же, подобно крестьянским деревням, представляют собой улицы из изб, среди которых встречаются и юрты». Далее из представленного текста следует, что коренные жители уже находятся на постоянном местожительстве, т. е. в состоянии оседлости [17, с. 80.] Редкий и разбросанный способ расселения для коренных жителей был характерен и для XIX в., чем создавал сложности для содержания ими земской гоньбы и ремонту дорог [13, с. 170–171]. В XIX в. кочевой образ жизни аборигенного населения сохранялся. Они полгода (с сентября до конца марта или половины апреля) проживали в зимниках, где стояли бревенчатые избы и дворы для скота. С марта (апреля) по сентябрь жили на летниках, представлявших собой бревенчатые берестяные и войлочные юрты и дворы из плетня или жердей [18, с. 8]. Описанные летники и зимники никаких других построек, кроме указанных типов жилищ и построек для скота, не имели.

Традиционным поселением у хакасов были аалы⁷ – полукочевые объединения нескольких домохозяйств из 10–15 юрт, обычно родственных между собой, хотя в дальнейшем все роды уже жили смешанно [6, с. 47]. Месторасположение аала менялось в связи с перекочевкой на новые

⁷ В русских официальных документах и источниках дореволюционного периода применительно к населенным пунктам хакасов в основном использовалась тюрко-монгольская номинация «улус».

места или смертью кого-либо из членов семьи.

Сложившийся в регионе многоукладный комплекс связей коренного и русского населения свидетельствует о результатах межэтнического взаимодействия в рамках традиционных культур с общими целями жизнеобеспечения. В итоге русская строительная традиция в XVIII–XX вв. оказала влияние на развитие строительной культуры коренного населения. Развитие и эволюция жилища хакасов в этот период шли по линии вытеснения национального традиционного типа жилищ и перехода к домам русского типа срубной деревянной конструкции, соответствующих оседлому образу жизни.

Литература

1. Этнические и религиозные факторы в формировании и эволюции российского государства / Отв. ред. Т. Ю. Красовицкая, В. А. Тишков. М.: Новый хронограф, 2012. 448 с.
2. Кузнецова А. А. Жилища, одежда и пища минусинских и ачинских инородцев. Красноярск: Тип. Енисейского губернского управления, 1898. С. 109–151.
3. Верник А. А. Традиционная культура русских старожилов Хакаско-Минусинского края (вторая половина XIX – начало XX вв.). Красноярск: Сибирский юрид. инст-т МВД России, 2005. 228 с.
4. Прищепа Е. В. Мифологические и магические представления чалдонов Хакаско-Минусинского края. – 2-е изд., испр. Красноярск: Краснояр. гос. аграр. ун-т, Хакас. фил., 2011. 200 с.
5. Патачаков К. М. Очерки материальной культуры хакасов. Абакан: Хакасское отд. Красн-го кн. изд-ва, 1982. 88 с.
6. Бутанаев В. Я. Традиционная культура и быт хакасов. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1996. 224 с.
7. Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности) / гл. ред. В. Я. Бутанаев; научн. ред. В. И. Молодин. Абакан: Изд-во Хак гос. унив-та им. Н. Ф. Катанова, 2008. 672 с.
7. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири 1831 года / Составленные И. Пестовым. М.: Университетская типография, 1833. 310 с.
8. Русские: история и этнография / под ред. Власовой И. В. и Тишкова В. А. М.: АСТ: Олимп, 2008. 751 с.

9. Степанов А. П. Енисейская губерния. СПб.: Типография К. Винтебера, 1835. 603 с.
10. Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического музея. Вып. 4. Минусинск: Типография В. И. Корнакова, 1900. 122 с.
11. Попов А. А. Жилище // Историко-этнографический атлас Сибири. М. – Л.: АН СССР, 1961. С. 131–226.
12. Потапов Л. П. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII–XIX вв.). Абакан: Хакаское обл. гос. изд-во, 1952. 220 с.
13. Хакаско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
14. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. III. СПб.: ИАН, 1788. 624 с.
15. Самрина Е. В. Хакаско-Минусинский край в XVII–XVIII вв. (Трансформация традиционной жизнедеятельности хакасов). Махачкала, 2015. 246 с.
16. Лаппо Д. Е. Троеверы. Из жизни минусинских инородцев // Живая старина – III. Книга для чтения по историческому краеведению (XIX – начало XXI вв.) / Сост. В. Ф. Буров. Абакан: Хакаское кн. изд-во, 2010. С.141–173.
17. Катанов Н. Ф. Отчет о поездке, совершённой с 15 мая по 1 сентября 1896 года в Минусинский округ Енисейской губернии. Казань: Типо-литография Императорского Казанского унив-та, 1897. 104 с.

ЗАГОТОВКА СЕНА ЛЕТОМ В ЯКУТИИ

В. В. УШНИЦКИЙ

УДК 394 (=512.157)

Статья посвящена сенокосу – одному из самых важных циклов сельскохозяйственных работ в якутском селе. Сенокосение и уборка сена из-за природно-климатических особенностей якутских аласов имели свои особенности. Всё короткое лето якутское население с июля до сентября занималось заготовкой сена. За короткий летний период надо было заготовить сено, необходимое для содержания всего скота в долгий зимний период. Покос постоянно усовершенствовался. От косы-горбуши постепенно перешли к литовке. Затем его сменила косилка на конной, потом на тракторной тяге. Для состязания косарей богачи устраивали *күүлэй*, приглашая знатных косарей. Стогование и установка копен тоже были одним из традиционных, любимых занятий якутских сельчан. После дождя копны сушили. В уборке скошенного сена, в метании копен в стога использовались полозья на конной тяге, затем стали использовать трактора, а также использовали носилки.

Ключевые слова: этнография, якуты, культура жизнеобеспечения, скотоводческое хозяйство, сенокос, покос, орудия труда, детский и женский труд.

HAYMAKING IN THE SUMMER IN YAKUTIA

V. V. USHNITSKY

The article is devoted to haymaking – one of the most important cycles of agricultural work in a Yakut village. Hay and harvesting of hay due to natural and climatic characteristics of Yakut alasses had its own features. All short summer from July to September the Yakut population was engaged in haymaking. During the short summer it was necessary to prepare the hay needed for the maintenance of all cattle in a long winter period. Hay cutting was constantly improved. They gradually shifted from a scythe to a scythe with a long, straight snath, and then changed it to a mower with a horse and then tractor traction. Richmen organized *kuulei*, inviting notable haymakers, for competitions among haymakers. Stacking and installing stacks were also one of the traditional favorite activities of Yakut villagers. After the rain stacks were dried. In harvesting of mown hay, throwing hay cocks into stacks horse-drawn skids were used. Then they began to use tractors as well as hand-barrows.

Key words: ethnography, the Yakuts, culture of life-support, cattle farming, hay cutting, haying, tools, child and women labour.

Несмотря на огромное значение заготовки сена для якутского народа, сохранилось мало этнографических описаний сенокоса. Описание сенокосного труда оставили В. Л. Серошевский и С. И. Николаев. Без заготовки сена в летний период невозможно было бы содержать скот в зимний период. Территория Центральной

Якутии состоит из аласов – плейстоценовых долин в тайге, имеющих в середине озеро. Много и просторных долин – сыһыы, используемых в качестве пастбищ для скота. Из них издревле получали множество тонн сена. Из-за нехватки сена приходилось наниматься к богатеям, получать от них сено за труд в их

хозяйстве. Бедняки имели мало коров, были вынуждены косить небольшие аласы, труднодоступные речные участки. Чтобы взять в залог сена от баев, они были вынуждены работать в хозяйстве богача, готовить ему сено.

Подготовка к сенокосу начиналась с приготовления всех орудий труда, необходимых для заготовки сена. Косить начинали в тех местах, где трава считалась «созревшей» («сиппит») для кошения. Такой покос продолжался в течение 10–15 дней и представлял собой первоначальный этап сенокосных работ. Он известен якутам под названием «избранного покоса» – «тала сылдыан от охсоосун» [2, с. 146].

Со второй половины июля начинался основной этап, когда заготовители приступали к кошению сена на основных массивах сенокосных угодий. Именно с этого времени наступал самый напряженный этап заготовки сена – люди работали «от восхода солнца до его захода» [2, с. 146–147].

Сенокосение было известно якутам задолго до прихода русских. Сохранились свидетельства очевидцев о технике косьбы якутской косой. По описанию, якуты не скашивали траву железной горбушей, а, раскачиваясь, подрубали наотмашь. По описанию В. Л. Серошевского, косцы размахивали ею над головою, затем, нагибаясь, концом железа подрезали полукругом траву перед собою. Были косари, которые умудрялись ударить последовательно вправо и влево, наотмашь, у этих прокос был значительно шире. При нормальной обычной косьбе косили таким образом: приостановившись на одном месте во время кошения, вокруг себя делали в одном направлении двух-трех-, редко даже четырехкратные удары [1, с. 19].

Основным орудием заготовителей была якутская коса-горбуша (саха хотуура). Нож якутской косы имел дугообразную форму. Характерная черта работы хотууром, отмеченная В. Л. Серошевским, – это «наотмашь подрубают, а не скашивают», «ударяют вправо и влево». Косьба горбушами представляла самую трудную работу по заготовке сена. С конца XIX в. горбуша начала вытесняться литовкой.

Работу с ручной косой якуты издавна относили к числу наитруднейших занятий. До появления косы-литовки к ней не допускали ни

женщин, ни малолетних детей. Крутя над головой саблевидное орудие, косец изгибался очень низко и «вычерпывал» в полулунной форме растущую траву. При этом весь торс косца выше пояса совершал вращательное движение, напоминающее вид свиваемой веревки, или выкручиваемого белья. Значительная часть движений косца здесь уходила на непроизводительное изгибание, подъем и извивающееся верчение вокруг «оси». Калечиться подобным образом якутские косцы перестали лишь после распространения косы-литовки [5, с. 44].

Якуты начинали откладывать необходимые запасы наиболее калорийных видов пищевых продуктов для косца еще в начале зимы. Ремонт косы и уход за ней производились тщательно, задолго до наступления летней страды. Наиболее рачительные при приближении косьбы в число подготовительных мероприятий включали целенаправленную тренировку мускулов и особый режим питания. Стремились постепенно свести к минимуму потребление воды, т. е. приучали себя к выносливости в перенесении жажды. Этого принципа придерживались они и во время летней страды: косец и в летнюю жару старался пить как можно меньше. Во время косьбы якут-скотовод в ограниченном количестве утолял жажду только горячим чаем. Пить холодную воду считалось вредным для здоровья [5, с. 44–45].

Во время подготовки к началу косьбы опытные косцы и повседневный труд умели упорядочить так, чтобы получилась постепенность в закалке организма перед неимоверным перенапряжением в погоне за коротким приполярным летом. И начало страды косцы проводили по-своему. В первый день сенокосной страды, любой косец должен был работать не более одного часа, не допуская ни в коем случае перенапряжения. Затем с каждым днем продолжительность труда увеличивали понемногу [3, с. 461].

Умелые косари (охсооччу) за день скашивали до десятины и более. В среднем на скашивание, уборку, стогование, огораживание урожая с одной десятины площади, требовалось до 4 рабочих дней с восхода до захода солнца [6, с. 114].

При уборке сена якуты употребляли грабли,

заимствованные у русских, о чём говорит и название кыраабыл (с рус. «грабли»). До знакомства с граблями якуты собирали скошенное сено вилами. Традиционные якутские вилы – деревянное орудие с развилчатым заостренным концом, разных размеров – в зависимости от выполнения той или иной работы. Вилы просты по устройству, но не встречаются у других народов. К заостренному шесту прикреплялся и привязывался тальником в двух местах заточенный короткий рожок (чолой). Последний крепко привязывался к основному шесту в двух местах тальниковой обвязкой.

По размерам вилы делились на три вида. Маленькие, до двух метров, вилы широко использовались в быту: для кормления скота сеном, копнения, погрузки и разгрузки сена и т. д. Такие вилы применялись и при стоговании, и они назывались түгэтиир атырдьах или уллунахтыыр атырдьах. По мере повышения стога брали вилы длиннее, до трех метров – ортолуур атырдьах, а самые длинные вилы, завершающие стогование, длиной до 4 м, назывались кыдама [1, с. 8–29].

На заготовку сена уходило 70–75 дней. Поэтому к ней привлекались все трудоспособные члены семьи. Сенокос начинался в первых числах июля и заканчивался поздней осенью; люди работали «от восхода солнца до его захода». Копнение и стогование сена, произведенное своевременно, обеспечивало должное качество сохранности сена [3, с. 461].

По подсчетам В. Л. Серошевского, в Петров день (29 июня по старому стилю) по всей Якутии косу в руки брали до 20 тыс. сенокосчиков, и число их изо дня в день возрастало до 40 тыс. человек [7, с. 272]. Русские служилые люди еще в XVII в. отмечали огромную роль, которую играла заготовка сена в скотоводческом хозяйстве якутов.

Для транспортировки закопненного сена к месту стога использовалась, как правило, два вола. К волам прикреплялись мальчики-поводыри. Один работник, наваливающий сено на сани, один – подгребающий остатки сена из-под копен, третий – набрасывающий сено на стог, четвертый – подравнивающий поверхность стога, – таков основной состав этой слаженной рабочей группы. Наваливающий сено на сани должен

был работать в таком темпе, чтобы работник у стога не стоял свободным, и наоборот [2, с. 148].

Якуты сушат сено в зависимости от погоды, сорта трав, расположения местности (возвышенная или низменная) и времени кошения. «Петровское (июльское) сено, сушат 4 дня, а осенние травы, начиная со второго Спаса, сушат 2 дня, еще более поздние травы оставляют в прокосах нередко только сутки. Мелкое сено, богатое разного рода листовыми кормовыми растениями: клевером, горошком и т. п. (сэбирдэхтээх от), просушивают старательнее; злаки и осоку (хара от) сушат мало. Хвощи (боруу) никогда не досушивают, ввиду того, что совершенно сухие, они крошатся в «пыль», вообще собрать их чрезвычайно трудно, раз в них нет большой примеси других трав» [1, с. 23].

Сушили сено «с косы», без ворошения. Просушивали с ворошением в случае попадания под дождь уже подсыхающего сена. После двух-трехдневной просушки в прокосе сено сгребалось и затем копнилось. Копны делались высотой в 110–120 см, диаметром в 140–150 см, масса их в среднем достигала 3 пудов. Для того чтобы ветер не разрывал и не разбрасывал сено, только что сложенное в копны, последние крепились тычинами [6, с. 114].

Сена приходится заготовить 6 десятибуласных стогов, из них 5 стогов для коров и один для лошади и ночлежников. Собственными силами семья может накопить в среднем 4 стога, поэтому приходится нанять одного косца или держать у себя бедного родственника, что обходится еще дороже. На косца полагается летом две коровы; если в семье один взрослый мужчина, то, следовательно, на всех семь человек, включая косца, потребуется молоко от девяти коров, или, если дети очень малы, то от восьми, но зато приходится нанимать гребницу; значит – понадобятся те же 9 коров. Из числа 20 штук скота следует положить 10 штук на быка, лошадь, подростков и яловых, так что будет доиться не более 10 коров. Таким образом, на молочные скопы остается молоко от одной коровы. Так как семья только изредка балуется сливками, то, можно полагать, летом она продает самое большее пуд свежего нетопленного масла, считая по 50 к. безмен [4].

Метали сено в стога в ясную, недождливую

погоду. Стога имели различные формы: в одних районах им придавалась круглая конусообразная форма, в других – форма параллелепипеда с отвесными боками, верх оформлялся со скатами на две стороны – крышеобразно. Размеры стогов колебались от 6,5 до 25 т, достигая в отдельных случаях 50–65 и более тонн. Стога сена, заготовленного в урожайные годы на случай засухи (кур от), достигали 150–170 т и сохранялись 3, 4, 5 и более лет. Работа по заготовке сена на зиму завершалась огораживанием стогового сена [6, с. 114].

Стогование – наиболее любимое занятие якутских сельчан. В постсоветское время стогование превратилось в праздник труда, так как обозначает конец сенокосных работ. Обычно имеют два вида стогования: когда стог ставят в поле, туда возят все копны и бросают вилами в середину стога. В стоге стоит кыдамаһыт с вилой и указывает, куда бросать сено и поправляет брошенное сено, делает стог. Поэтому обычно сюда ставят опытного в стоговании старика. Второй вид стогования заключается в перетаскивании копен грузовым автомобилем или прицепом трактора в усадьбу в селе. Там разгружают привезенное сено и ставят сено. Преимущество второго вида заключается в том, что зимой не надо возить сено из аласов в село. Также стог в этом случае бывает любого размера. Но данный вид имеет и отрицательные стороны. Он подразумевает двойной труд. В первом случае надо трудиться, чтобы заполнить сеном кузов или прицеп, потом для того, чтобы поставить стог в домашней усадьбе из сена, привезенного в прицепе трактора или в кузове автомобиля.

По описанию В. Л. Серошевского, «сено к зародам подвозят на саях, на которые накладывают не больше 4–5 копен и затягивают наискось ремнем. У зарода сани опрокидывают. Таким образом кругом остожья воздвигается огромный вал сена, из которого уже вилами оно систематично складывается в стог. Среди разных сортов вил, атырдах, есть огромные, достигающие двухсаженной длины. Применения коромысел и поднимания сена вверх целыми возами якуты не знают. Стога их маленькие; ставят их они из года в год в одних и тех же местах, самых высоких точках лугов, не заливаемых наводнениями

и весенней талой водой. В основание зарода всегда кладут худшие травы: они всё равно отсыреют и почернеют. Лучшее сено кладут в середину; более влажные копны укладывают с края. Края сильно утаптывают и убивают рабочие, обыкновенно женщины и подростки. На одного мужчину, поднимающего и укладывающего сено вилами, нужен один подросток на стогу, один или два подростка с быками на саях и две гребщицы. Такое количество рабочих-якутов в состоянии сметать в день от 25 до 30 возов сена (кубических сажень), то есть два раза переложить с места на место, свезти и поднять на некоторую высоту от 500 до 600 якутских копен в один пуд весом. Форма стогов круглая или четырехугольная; вторая предпочитается особенно для влажного, подмоченного дождями сена.

Якуты не стесняются метать даже сильно влажное сено, лишь бы влажность происходила от дождя, а не от сочности недостаточно провянувшей травы, ёльбётёх от – «неумершей», как называют ее якуты. Иногда внизу стогов для вентиляции делают сквозные ходы или в середине ставят несколько тальниковых прутьев, которые раздвигают сено и способствуют проникновению воздуха внутрь... Верхушку стога делают круто-круглую. Наверх, подобно тому, как снизу и с боков, кладут худшие и хуже просушенные сорта сена. Таким образом, зеленое сено как оболочкой окружено в зароде тонким слоем прелого сена. Это прелое сено якуты называют тас (камень), иногда такой тас рано и плохо сметанных стогов достигает двух аршин толщины и составляет несколько возов сена... Под крышу якуты никогда сена не сметывают. Старые зароды у них иногда прорастают сверху травой и кустами» [7, с. 270].

Высушенное на солнце сено при помощи деревянных орудий метали в снопы, а затем – в стога. Передвигали снопы, как правило, при помощи конной тяги, используя для этого свитые из лошадиной гривы веревки или волокуши из трех-четырех березок.

Выкошенное сено сушат, сгребают в валы, копнят. Копны свозят на лошадях, для этого в конные носилки, состоящие из двух прутьев (сыһылба) кладут копны, затем вокруг заполненного в носилке копы протягивают веревку,

затягивая сверху. Из копен ставят стог.

Сено раньше вывозили на санях – сырга с помощью лошадей или волов. Это было утомительным занятием, надо было всю зиму совершать в день несколько рейсов. В советское время стали практиковать вывоз с помощью тракторов на носилках – сыһылба. На нём вывозится практически всё сено [2, с. 148].

Заготовленное сено скирдовалось и складывалось в недоступных для скота местах. С наступлением зимы, когда якуты переезжали в кыстыки (зимовки), сено постепенно транспортировали ближе к жилищу [3, с. 461–642].

В советский период колхозы и совхозы создавали механизированные, конно-механизированные звенья для заготовки сена. Они были укомплектованы тракторами и конной тягой. Также существовало звено ручного труда, колхозники косили сено косой и убирали сено граблями, обычно работали на дальних участках – үрэх баһа. Частные хозяйства вынуждены были косить дальние, малопригодные участки и отдавать большую часть заготовленного сена арендатору – коллективному хозяйству. Их называли «моой отчуттар» от слова моой – шея.

После развала совхозов возникли частные хозяйства. Лишь часть их стала фермерскими и объединилась в кооперативные хозяйства. Большая часть частных хозяйств для уборки сена применяет сельскохозяйственную технику, доставшуюся при разделе имущества совхозов и покупные малогабаритные китайские тракторы. Все земли, годные для сенокоса, были распределены между частными хозяйствами. Многие хозяйства получили наследственные земли, в которых их предки косили еще до советской коллективизации. В заготовке сена снова стали участвовать все члены домашнего хозяйства, в том числе дети и женщины. Некоторые хозяйства заготавливают сено для своего скота за два-три дня за

счет участия многочисленных родственников в процессе труда и оснащения хозяйств современной техникой. Так они, бросив все силы, убирают сено с закрепленных им участков. Из городов на помощь, для участия в сенокосе приезжают дети и родственники. Другие, имеющие по одному или два работника в хозяйстве, вынуждены весь период от июля до сентября работать на сенокосе.

Таким образом, от заготовки сена в летний период зависит выживание крупного рогатого скота в зимний период. Раньше, до внедрения механизации в сельскохозяйственный труд, подготовка к сенокосу и сам сенокос занимали весь летний хозяйственный цикл. И в советское время коллективные хозяйства ради выполнения плана были вынуждены мобилизовывать на проведение заготовки сена технику и людей всей деревни. Сейчас на сенокосе работают все родственники, получающие свою долю от своего труда.

Литература

1. Зыков Ф. М. Традиционные орудия труда якутов (XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1989. 144 с.
2. Иванов В. Н. Социально-экономические отношения у якутов. XVII в. Якутск: кн. изд-во, 1966. 424 с.
3. Якутия. Историко-культурный атлас. М.: Изд-во «Феория», 2007. 872 с.
4. Ковалик Т. Верхоянские якуты и их экономическое положение. Койданава, 2013. 224 с.
5. Николаев С. И. Сомоготто. Народ саха. Якутск: Якутский край, 2009. 300 с.
6. Атласов С. В. История развития скотоводства и коневодства в Якутии (1917–1928 гг.). Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1992. 152 с.
7. Серошевский В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е издание. М.: РОССПЭН, 1993. 736 с.

ИСТОРИОГРАФИЯ, ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

СОСЛОВИЕ, СОСЛОВНАЯ ГРУППА, КЛАСС? ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ В РОССИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Е. В. БОРОДИНА

УДК 930

В статье освещена проблема изучения социальной истории России Нового времени в англоязычной историографии. При характеристике состояния исследований по данному вопросу особое внимание было обращено на дискуссии, развернувшиеся вокруг понятийного аппарата, используемого историками при описании основных категорий российского общества. Среди них наибольшее значение имели понятия «класс» и «сословие». Автор пришел к выводу, что британские и американские историки традиционно стремятся употреблять понятие «класс», отмечая неоднозначность понятия «сословие». Там, где это оказывается возможно, историки избегают оперирования этими социальными категориями, применяя более нейтральные слова и термины.

Ключевые слова: история России, Новое время, социальная стратификация, сословие, класс, историография, социальная история, история понятий.

ESTATE, ESTATE GROUP, CLASS? PROBLEM OF SOCIAL STRATIFICATION IN RUSSIA OF MODERN PERIOD IN RESEARCHERS WRITTEN IN ENGLISH

E. V. BORODINA

The article is devoted to the problem of research of Russian social history of modern period by English-speaking historians. The characteristic of current situation in this field was focused on debates concerning the implementation of terminology which is used by historians for description of main categories of Russian society. These terms are class and estate. The author came to the conclusion that Britain and American historians prefer to exploit concept "class" as they underline the multiplicity of meaning of "estate" concept. In many cases historians avoid operating these wide and vague social categories and change them by more neutral terms.

Key words: Russian history, Modern period, social stratification, estate, class, historiography, social history, history of concepts.

История социальных отношений и проблема социальной стратификации в России нового времени продолжают привлекать внимание многих исследователей как в нашей стране, так

и за рубежом. Несмотря на значительное количество научных трудов, посвященных истории образования и развития различных социальных групп, и установление постоянных контактов

ученых, занимающихся сходной тематикой, историки продолжают по-разному характеризовать и оценивать процессы социальной дифференциации Московского государства и Российской империи. В отличие от российских ученых зарубежные исследователи по-иному смотрят на процессы формирования социальных страт и иных общностей, проживавших на территории Российского государства. В качестве одной из ключевых проблем они выделяют вопрос об особенностях разграничения социальных групп в стране, где важную роль играло властное структурирование общества, сопровождавшееся стихийными процессами создания новых социальных единиц.

Как в таких условиях дать определение социальной структуре и найти универсальный язык для описания социальной реальности России нового времени? Поиск путей решения этой задачи продолжает будоражить умы ученых, что становится заметным при изучении работ зарубежных историков. В частности, в одной из статей 2008 г. Майкл Конфино отметил, что, несмотря на значительное количество исследований, однозначного ответа о сущности и природе социальной стратификации в России нового времени не существует [1]. Ему вторит Саймон Марк Диксон, подчеркивая разнообразие точек зрения по проблеме социального структурирования Российского государства [2].

Таким образом, одной из комплексных проблем постижения природы социальной организации России в ее исторической динамике продолжает оставаться вопрос о роли и значении разделения общества на группы – крупные страты и более мелкие социальные общности. С одной стороны, данная проблема кажется простой, не требующей дополнительного исследования ввиду сложившейся традиции деления общества на сословия и классы. С другой стороны, ученые, неоднократно обращавшиеся к конкретно-историческому материалу, часто оказываются в затруднительной ситуации при попытках определить место той или иной группы в общественном ландшафте России, не всегда удачно расчлняющемуся по сословно-классовому признаку. Попробуем разобраться, каким образом выходят из положения историки, пишущие и думающие на английском языке.

В стремлении определить особенности социальной организации России периодов Нового и Новейшего времени историки встают перед задачей выбора адекватного понятийного аппарата, релевантного изучаемой проблеме. Думается, что одной из причин сложности с определением границ социальных групп является различие в традиции использования понятий, применяющихся для определения крупных социальных общностей. Так, например, в англоязычном мире развитие социума чаще всего характеризуется при преимущественном употреблении понятия «класс». Трехуровневая классовая система (высший класс – средний класс – низший класс) эволюционировала вместе с британским обществом, активно осваивавшим новые территории. По мнению Дэвида Кэннэдайна, в разные исторические периоды понятие «класс» наполнялось новыми смыслами, в целом сохраняя свои позиции в социальных описаниях на страницах философских и литературных текстов [3, p. 17, 164–171].

По замечанию Уильяма М. Редди, концепт «класс» никогда не использовался историками с высокой степенью точности, так как ученые не имели возможности установить устойчивые признаки принадлежности к классу и определить четкие границы между ними. Тем не менее, понятие «класс» и его субституты – крестьянство, рабочий класс, буржуазия, аристократия, мелкая буржуазия и другие – продолжают употребляться, так как вызывают значительное число ассоциаций у исследователей [4, p. 13–14].

Наряду с работами, посвященными социальной организации общества и написанными при активном использовании концепта «класс», в англоязычной историографии можно найти исследования, связанные с изучением отдельных групп общества, которые с определенной долей условности можно назвать классами и квази-классами. В частности, тщательному изучению подвергается такое понятие, как аристократия. Как отмечает Эллис Уоссон, нигде, в том числе в Западной Европе, ни одно важное событие не происходило без участия данной социальной группы, благосостояние которой первоначально измерялось площадью земельных владений.

Несмотря на то, что дать точное определение этой социальной общности представляется затруднительным, а понятие «класс», по мнению ученого, продолжает оставаться важной рамкой для проведения исследований, понятие «аристократия» для современников являлось необходимым. Э. Уоссон удалось выделить ряд черт, на основании которых можно отделить данную социальную группу от всех остальных социальных образований. По мнению историка, именно с данной социальной категорией ассоциировались власть, определенный набор ментальных установок (чувство чести) и характеристик образа жизни. Для рассматриваемого общественного слоя имели значение титулатура, система семейно-брачных связей и отношений и уровень образования [5, р. 2, 9–19]. Таким образом, аристократия, связанная с элитой и выступающая в качестве высшего класса общества, имеет самостоятельное значение на арене истории.

Именно по этой причине многие ученые, занимавшиеся историей России Нового времени, не раз обращались к анализу элитных групп, касаясь в первую очередь вопросов прав и привилегий российского дворянства. Так, например, Роберт Джонс посвятил свою работу процессам становления особого статуса дворянства в России 1762–1785 гг. [6]. Изабель Мадариага рассмотрела процессы развития российского дворянства на протяжении XVII–XVIII вв. [7, р. 311–376]. Примечательно, что при характеристике дворянства историки применяли термины «nobility», «noblemen» (знать), не называя его ни классом, ни сословием.

Данная ситуация является прекрасным отражением состояния взглядов на сущность социальной стратификации России нового времени в англоязычной историографии, где ведутся споры не только о терминологии, но и о ведущей парадигме, использующейся для характеристики социального развития Российского государства. Дискуссии о ведущей парадигме нашли отражение на страницах периодики и монографических изданий. Наиболее активно обсуждается возможность применения «сословной парадигмы» при исследовании социальных структур России нового времени.

Если в конце 1960-х – начале 1970-х гг. проблеме адекватного отображения социального

устройства Европы Средневековья и раннего Нового времени обсуждали преимущественно французские ученые, которые внесли значительный вклад в формулирование основных подходов к описанию особенностей устройства того или иного общества, то в конце 1970-х – начале 1980-х гг. дискуссии переместились на страницы англоязычных изданий [8, р. 1–2; 9]. В 1990-х – начале 2000-х гг. обсуждение проблемы осталось актуальным, объединив представителей разных стран международного сообщества историков, включив в полилог российских коллег [10]. Исследования французских историков оказали значительное влияние на формирование взгляда на развитие общества в России Нового времени английских и американских ученых. Данное утверждение подтверждается фактом перевода на английский язык работ Ролана Мунье и ряда других французских ученых [11].

Английские и американские историки-теоретики также заимствовали ряд подходов к изучению социальных структур у немецких ученых. Это можно увидеть при анализе одной из программных статей Грегори Фриза, посвященной применению «сословной парадигмы» при реконструкции социальных процессов в России Нового времени. Основываясь на подходах *Begriffsgeschichte*, Г. Фриз проанализировал ключевые понятия, использовавшиеся в России для структурирования социальной реальности в различные периоды истории. Американский ученый отметил невозможность выявления принципов социальной организации Московской Руси XVII столетия, подразделявшей общество на чины и иные социальные группы, и констатировал длительность традиции употребления понятия «чин». Ученый обратил внимание, что в течение XVIII в. в Российской империи наблюдался переход от оперирования понятием «чин» к использованию понятия «состояние». По его мнению, понятие «состояние» отражало легальный статус жителей государства и являлось базовым орудием иерархизации и классификации основных групп российского общества до падения Российской империи.

Г. Фриз также акцентировал внимание на смысловой нагрузке, которой было наполнено

появившееся в России конца XVIII в. понятие «сословие», заметив, что оно отличалось как от иных эквивалентов, использовавшихся в имперской России, так и от его зарубежных аналогов – *état* и *Stand*. По его мнению, данное понятие прошло ряд этапов эволюции. Если в конце XVIII в. в число сословий входили только горожане и дворяне, получившие жалованные грамоты, то в 1820-е гг. этот термин мог применяться для всех социальных групп. В середине XIX в. понятие «сословие» достигло последней стадии своего развития и стало наиболее употребительным словом, использовавшимся при характеристике социальной системы имперской России.

Автор отметил, что у государства не было стремления создать сословную структуру, подобную той, что существовала во Франции. В России она оказалась более дробной и пластичной, чем у западноевропейских соседей, способствовала формированию и укреплению коллективных структур и идентичностей. Поддержание сословности являлось необходимым фактором сохранения социального спокойствия.

Как и Г. Фриз, Альфред Рибер также указал на неустойчивость крупных социальных общностей в России. В своей работе, посвященной купцам и предпринимателям, историк обратил внимание на условность выделения общественных групп Российской империи. В частности, развитие сословной структуры он определил как колебательное движение всех социальных групп между двумя полюсами – формами социальной стратификации, базирующимися на принципах дифференциации людей на касты и классы [13, р. XX–XXII]. А. Рибер отметил неполноту охвата сословной структурой всех категорий российского общества, последовательно доказав свое утверждение на примере развития купечества.

Историк акцентировал внимание на особом положении купечества в социальной структуре Российской империи. Имея определенный набор прав и обязанностей, купцы не могли передать свой статус всем членам своей семьи. Его получение было сопряжено с необходимостью доказательства своей финансовой состоятельности и приобретения разрешения на ведение торговли. Таким образом, купцы не являлись сословием

в полном смысле этого слова, так как не имели возможности передать свою социальную позицию по наследству. Данная сословная группа являлась одной из уязвимых частей населения Российской империи.

По мнению А. Рибера, до конца имперского периода социальная структура России продолжала оставаться фрагментарной. Множество «чинов» среднего уровня к 1917 г. оказалось раздроблено на еще большее количество социальных общностей, которые, не будучи сословием, так и не превратились в классы. В частности, купечество не смогло слиться с предпринимателями других социальных слоев, составив гомогенную группу. Еще одной характеристикой социально-экономического развития России XVIII–XIX вв. была изолированность общественных групп [13, р. 415–416].

Элис Кимерлинг Виртшафтер сконцентрировала внимание на формировании социальных идентичностей в процессе развития российского общества. Она отметила, что в имперской России шел процесс складывания идентичностей нескольких типов. Так, в ходе противодействия стремлениям государства расширить свое влияние на локальные сообщества внутри них развивается политическая идентичность, которая ассоциировалась в первую очередь с особенностями местной, локальной культуры [14, р. 9]. Кроме того, большую роль при определении социальной принадлежности продолжало играть чувство принадлежности к той или иной семье. Семейная идентичность была важным элементом, участвовавшим в конструировании социального статуса [14, р. 9–18].

Для того, чтобы дать представление об особенностях социальной организации России периода империи, Э. Виртшафтер оперирует удобными для ее понимания понятиями «социальная структура», «социальный статус», «класс», «группа», «элита». В частности, при определении описываемых ею категорий исследовательница использует понятие «класс» относительно правящей элиты страны. Несмотря на попытки применить «традиционную» для англо-американской литературы градацию социальных слоев с точки зрения классового подхода, Э. Виртшафтер приходит к выводу о невозможности определения российского дворянства

как класса. Фундаментальный труд историка говорит о невозможности жесткого разделения российского общества XVIII – начала XX в. ни на классы, ни на сословия. Все общественные группы были переплетены, тесно связаны друг с другом.

Подводя итоги современному состоянию взгляда на сущность стратификации российского общества Нового времени, следует остановиться на работе Элисон Смит, посвященной развитию сословий в имперской России. Уже во введении монографии историк отметила сложность определения понятия «сословие» применительно к российским историческим реалиям, которое переводилось на другие языки как *estate*, *état*, *Stand*, а иногда даже как *caste* и *class*. Ученый обратила внимание, что в некоторых случаях историки социальных структур России заменяют понятие «сословие» словосочетаниями «легальная социальная категория» и «легальный социальный статус». На взгляд Э. Смит, данная неточность определения связана с двойственностью значения слова, под которым может подразумеваться и большая социальная общность, и менее крупная, специфичная социальная группа [15, p. 1–6].

Несмотря на споры о сущности сословной системы в России, автор дополнила традиционное для понимания слова «сословие» определение трактовками, господствовавшими в ментальной картине человека прошлого. По мнению Э. Смит, сословная принадлежность имела значение в течение всего имперского периода российской истории, так как обладала несколькими уровнями смыслов, актуальными для каждого жителя страны. Во-первых, включенность в то или иное сословие могла восприниматься как совокупность обязанностей. Во-вторых, сословный статус ассоциировался с возможностями, которые давали законодательно закрепленные права. В-третьих, быть членом сословия означало входить в состав какой-либо социальной группы, уже – территориальной общности. В данном значении сословие связывалось с уровнем культуры (шире – образом жизни), профессиональной занятостью, а также территорией проживания и ролью сообщества в системе социальных отношений. В-четвертых, сословная система

всегда подразумевала под собой существование иерархии [15, p. 14–45].

Исходя из имеющейся системы прав и обязанностей, многочисленные социальные группы Российской империи были строго иерархизированы, но далеко не каждая социальная общность представляла собой отдельное сословие. Как отмечает Э. Смит, все индивиды были помещены в сеть отношений, понятную как государству, так и отдельным представителям населения страны. Правда, данная сеть состояла не только из сословий, так как в ряде случаев из сословной системы были исключены некоторые профессиональные сообщества и женщины [15, p. 10, 97, 268].

Обзор лишь незначительной части исследований, посвященных проблеме социальной стратификации России нового времени показателен. Споры о понятийном аппарате, которым ученые оперировали при характеристике российского социума Нового времени, способствовал осознанию неоднозначности использования существующих определений и терминов. Попытки классификации и структурирования российского общества дали возможность выявить большее количество оснований для выделения социальных групп, существовавших в разные периоды московской и имперской истории России. Поиск критериев, которые бы позволили объяснить, что из себя представляло общество прошлого, привел к совершенствованию исследовательского инструментария, подходов и методов изучения как отдельных социальных общностей, так и масштабных социальных процессов. На наш взгляд, результаты исследовательских усилий зарубежных коллег требуют более пристального внимания российских ученых, а их опыт работы в рамках изучения истории социальной стратификации должен учитываться при работе над трудами по социальной истории России.

Литература

1. Confino M. The soslovie (estate) paradigm. Reflections on some open questions // *Cahiers du monde russe*. 2008/4. Vol. 49. P. 681–704.
2. Dixon S. Russia's soslovie paradigm revisited // *Slavonic and East-European Review*. 93. 4. 2015. P. 732–740.

3. Cannadine D. *Class in Britain*. New Heaven; London: Yale University Press, 1998. XIII, 242 p.
4. Reddy W. M. The concept of class // *Social orders and social classes in Europe since 1500: Studies in social stratification / Edited by M. L. Bush*. London; New York: Longman, 1992. P. 13–25.
5. Wasson E. *Aristocracy and the Modern World*. Hampshire; New York: Palgrave Macmillan, 2006. 304 p.
6. Jones R. E. *The emancipation of the Russian nobility. 1762–1785*. Princeton: Princeton University Press, 1973. XII, 326 p.
7. Madariaga I. de. *The Russian Nobility in the seventeenth and eighteenth centuries // The European nobilities in the seventeenth and eighteenth centuries. Vol. II: Northern, Central and Eastern Europe*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007. VIII, 315 p.
8. Burke P. The language of orders in early-modern Europe // *Social orders and social classes in Europe since 1500: Studies in social stratification / Edited by M. L. Bush*. London; New York: Longman, 1992. P. 1–12.
9. *The American Historical Review*. 1986. Vol.91. № 1.
10. *Cahiers du monde russe*. 2008/4. Vol. 49.
11. Mousnier R. *Social Hierarchies. 1450 to the present*. London: Croom Helm, 1973. 206 p.
12. Freeze G. L. The Soslovie (Estate) Paradigm and Russian Social History // *The American Historical Review*. 1986. Vol. 91. № 1. P. 11–36.
13. Rieber A. *Merchant and entrepreneurs in Imperial Russia*. Chapel Hill: University of North Carolina Press. 1982. XXVI, 464 p.
14. Wirtschafter E. K. *Social identity in Imperial Russia*. Dekalb; Illinois: Northern Illinois University Press, 1997. XI, 260 p.
15. Smith A. *For the common good and their own well-being: Social Estates in Imperial Russia*. Oxford: Oxford University Press, 2014. IX, 278 p.

М. А. КАСТРЕН И ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ХАКАССКО-МИНУСИНСКОМ КРАЕ (СЕРЕДИНА XIX ВЕКА)

В. К. ЧЕРТЫКОВ

УДК 930

В статье исследуется научная деятельность финского филолога и этнолога М. А. Кастрена. Основное внимание уделено его путешествию по территории Хакасско-Минусинского края, где он занимался изучением языка и этнографии коренных народов.

Ключевые слова: М. А. Кастрен, сибирское путешествие, Хакасско-Минусинский край, татары, самоеды, остяки, улусы, жилища, обряды.

M. A. CASTRÉN AND HIS RESEARCHES IN THE KHAKASS-MINUSINSK REGION (THE MIDDLE OF THE XIX CENTURY)

V. K. CHERTYKOV

This article examines scientific activities of the Finnish philologist and ethnologist M. A. Castrén. The focus is on his journey around the territory of the Khakass-Minusinsk Region, where he was engaged in the study of language and ethnography of indigenous peoples.

Key words: M. A. Castrén, Siberian journey, the Khakass-Minusinsk Region, the Tatars, Samoyeds, the Ostyaks, uluses, dwellings, rituals.

Матиас Александр Кастрен (1813–1825), финн родом, швед по языку, из любви к родине еще в детстве выучил финский язык. Он провел большую часть жизни в непрерывных научных путешествиях по северу России и по Сибири. М. А. Кастрен в Гельсингфорском университете изучал древнегреческий и восточные языки. В 1836 г. получил степень магистра философии, в 1839 г. стал доцентом «финских древнесеверных языков». Научные путешествия продолжались 11 лет (1838–1849). Сначала он объездил европейский Север – был у лопарей, карелов, ненцев, коми-зырян, доехал до Обдорска (совр. г. Салехард). Он работал в чрезвычайно трудных материальных условиях, которые разрушили его здоровье и привели к преждевременной смерти. Во второй период путешествия его поддерживала Петербургская

Академия наук, платившая ему регулярно субсидию и финансировавшая его поездки. Хотя и плохо зная русский язык, Кастрен предпочитал держать связь с русской наукой [1, с. 220].

В 1845–1849 г. он совершил на средства и по инструкции Академии наук путешествие по Уралу, Саянам, Забайкалью, для чего был определен на службу в Академию в качестве путешественника-этнографа по северной экспедиции. Академия наук была заинтересована в поездке ученого-филолога в Хакасско-Минусинский край. Дело в том, что в 1835 г. бывший енисейский гражданский губернатор А. П. Степанов издал книгу «Енисейская губерния», в которой в категоричной форме отрицал утвердившееся со времен Г. Ф. Миллера, И. Э. Фишера и П. С. Палласа мнение о тюркоязычных койбалах как о бывших прежде самоедах и енисейских

остяках. В своей книге Степанов писал, что койбалы всегда были татарами по языку. Он также считал неправильными результаты исследования Г. И. Спасского, который незадолго до него подтвердил точку зрения своих предшественников и даже составил словари койбалского и маторского языков [2, с. 142–145].

М. А. Кастрену и было поручено разрешить этот спор. В отчете Академии наук (1849) по этому поводу он писал: «У древнейших писателей упоминается, что по верхнему течению Енисея и по притокам его: Абакану, Тубе, Кану, Мане и прочим – рассеяны самоедские племена под именем койбалов, маторов, аринов, асанов, камассинцев, карагасов, сойотов и т. д. А так как это показание г. Степанов опровергал решительно, то Академия и поручила мне добратся до истины и порешить этот спорный вопрос окончательно. По моим разысканиям оказалось, что старинное показание, хотя во многом неопределенное, неполное и запутанное, в сущности, верно. Но, чтобы добратся до этого результата, я должен был приобрести сведения в тюркском и монгольском языках, ибо народы, о коих шел спор, почти все приняли эти языки, удержав, впрочем, некоторые идиотизмы (идиоматизмы – В. Ч.) и особенности языков остяцкого и самоедского. В мои занятия тюркским и монгольским наречиями входили несколько различных наречий, которыми говорили эти народцы остяцкого и самоедского происхождения» [3, с. 313].

В продолжительное сибирское путешествие, длившееся более 4 лет, он посетил остяков и вогулов, селькупов, кетов, эвенков, хакасов, тувинцев, камасинцев, бурят. Его путь пролегал по маршруту: Санкт-Петербург – Тобольск – Сургут – Нарым – Томск – Енисейск – Туруханск – Толстый Нос – обратно в Енисейск – Ачинск – Ужур – Минусинский округ – Саянские горы до китайской границы – Красноярск – Канск – Нижнеудинск – Иркутск – Кяхта – Чита – Нерчинск. Обратно он ехал через Иркутск, Красноярск, Омск, Златоуст, Петропавловск, Уфу, Казань и далее в Санкт-Петербург.

Главной целью путешествий Кастрена было выяснение языковой связи финнов с другими народами Севера. Он придерживался незадолго до него возникшей теории об общности т. н.

алтайских языков. Главным результатом его трудов было накопление огромного материала по языкам угро-финских, самоедских, тюркских, монгольских, тунгусских народов. Его работы положили начало систематическому сравнительному изучению упомянутых языков. Он обосновывал историческое родство этих языков, которые объединял под понятием «алтайские» языки (ныне они называются урало-алтайскими). В наиболее близком родстве с угро-финскими оказались самоедские языки. В то же время они, по мнению Кастрена, близки к тюркским. Тем самым самоедские языки оказывались связующим звеном между угро-финскими и собственно алтайскими языками. Родной урало-алтайских народов Кастрен считал Саяно-Алтайское нагорье [1, с. 221].

Главным объектом его исследований являлись самодийские языки, но он был также первым, кто описал живые бесписьменные языки сибирских тюрков (койбалов и карагасов), монголов (бурят) и тунгусов (эвенков). Так же он занимался енисейскими языками (кетским и коттским).

Во времена Кастрена родство финно-угорских языков было известно, и эти языки было принято делить на две группы: западные, или «финские», и восточные, или «угорские». В то же время положение самодийских языков было совершенно неизвестным, тем более, что никаких надежных данных по этим языкам у ученых не было. Это и было причиной того, что он занялся в первую очередь исследованием самодийских языков, которых в его время было всего пять: ненецкий, энецкий, нганасанский, селькупский и камасинский (самодийский маторский язык исчез за несколько лет до приезда Кастрена в Минусинский край). Самодийские языки являлись для него как раз тем недостающим звеном, которое могло связать «финские» и «угорские» языки с более восточными языками. Он полагал, что языки двигаются по карте вместе со своими носителями. Этот взгляд он представил в популярном виде публике города Гельсингфорс на лекции о «колыбели финского народа». По его мнению, предки финнов когда-то жили на Алтае (куда он включал и Минусинскую котловину), откуда постепенно мигрировали через Урал до берегов Балтийского моря. Тюрки, монголы и

тунгусы соответственно мигрировали в разные другие стороны от общей алтайской прародины [4, с. 13–15].

Подводя итог своим исследованиям, Кастрен писал: «Разыскания о происхождении самоедов и енисейских остяков завели меня в область языков тюркского и монгольского. Заметок о тюркском, или татарском, наречии у меня набралось столько, что со временем я надеюсь составить татарскую грамматику с хрестоматией и словарем. Почти столько же собрано мною и для наречий монгольского и бурятского.

Из прочих сибирских народов особенно занимали меня минусинские татары как нравами и обычаями, так и религиозными их понятиями. Этнографическое описание их – также одно из моих предположений, оно кажется мне необходимым, потому что минусинские татары значительно отличаются от остальных сибирских соплеменников своих.

Песни и сказки собирал я преимущественно между самоедами и минусинскими татарами. Они записаны частью на их языке, частью в переводе. Первые я предполагаю приложить к задуманным грамматикам и, сверх того, издать в переводе целое отдельное собрание самоедских, татарских и бурятских песен и сказаний.

По части археологии я обращал внимание главнейшим образом на многочисленные могилы и надписи Минусинского округа» [3, с. 313–315].

По возвращении на родину он стал первым профессором финского языка в Императорском Александровском (Гельсингфорсском) университете. Здесь он читал лекции по языкознанию и этнологии алтайских народов, занимался обработкой собранного материала, прежде всего по самодийским языкам. Преждевременная смерть (1852 г.) не дала осуществиться его планам.

При жизни Кастрена вышли в свет лишь немногие его труды. Большую часть своих материалов он не успел обработать. Они были обработаны под редакцией академика Франца Антона (рус. Антон Антонович) Шифнера (1817–1879) и изданы им на немецком языке в 12 томах под общим названием «Nordische Reisen und Forschungen» (СПб., 1853–1858, 1862). Путевые наблюдения Кастрена напечатаны на русском языке во 2-й части VI тома «Магазина

землеведения и путешествий Н. Фролова» (М., 1860) [1, с. 221–222]. Эти путевые наблюдения были переизданы в 1999 г. в Тюмени в 2 томах: т. 1. – Лапландия (1838 г.), поездка в Русскую Карелию (лето 1839 г.) и путешествие в Лапландию, Северную Россию и Сибирь (с ноября 1841 до марта 1844 гг.). Во 2-й том вошли записи Кастрена о его путешествии в Сибирь 1845–1849 гг.

В соответствии с инструкцией, составленной академиком А. М. Шёгреном (1794–1855), Кастрен не получил специального задания по собиранию тюркологического материала; изучение тюркоязычных племен имелось в виду лишь как подсобное задание, которое могло бы пролить свет на вопрос о распространении самоедского и енисейско-остяцкого населения Сибири.

В тюркском языкознании М. А. Кастрен известен своим «Опытом грамматики койбальского и карагасского диалектов»: «Versuch einer Koibalischen und Karagassischen Sprachlehre» (St.-Pbg., 1857; переизд.: Lpz., 1969). Кастрен не был подготовлен к тюркологическим исследованиям, так как, по его словам, только в 1845 г. «немножко осмотрелся в татарском языке»; по-видимому, работа над тюркскими языками была начата им в 1847 г.: именно в этом году он просил прислать ему грамматику А. Казем-бека. Граматику Кастрена редактировал А. Шифнер, который снабдил книгу обстоятельным предисловием. В предисловии отмечено, что Кастрен, знакомившийся с печатавшейся при его жизни грамматикой якутского языка Бётлингга по корректурам, не успел использовать этот труд для улучшения своей грамматики.

Грамматика Кастрена состоит из частей фонетической (параграфы 1–35) и морфологической (36–113). К ней приложены: 1) койбальско-карагасско-качинско-камасинский словарь сначала с переводом на немецкий, затем в обратном порядке (с немецкого); 2) койбальское богатырское сказание в 1427 стихов, с немецким переводом. А. Шифнер издал отдельной книгой свою стихотворную обработку на немецком языке богатырских сказаний, собранных Кастреном и Титовым (Heldensagen der Minussinschen Tataren, 1859). В общей сложности Кастрен составил научное описание (составил грамматики) 20 языков и диалектов и составил для

некоторых из них – особенно самоедских – обширные словари.

Он также занимался археологическими раскопками в Минусинском крае, копированием енисейско-турецких надписей, для более подробного изучения которых Финно-угорское общество предприняло впоследствии специальные экспедиции [5, с. 245–247].

Представляют большой интерес и теоретические взгляды Кастрена, находившегося под сильным влиянием идей Гегеля. Общие задачи этнографии он понимал широко. Этнография для него была наукой о религии, социальной организации, нравах и обычаях, образе жизни, жилищах, одним словом наука обо всём, что относится к внутренней и внешней жизни народов. Кастрен, подобно Гегелю, делил народы на «исторические» и «неисторические». В этнологической лекции об алтайских народах (май 1851 г.) он говорил: «Можно было бы рассматривать этнографию как часть истории культуры, но не все нации имеют историю в высоком смысле этого слова, история многих из них заключается именно в этнографии» [6, с. 49]. Он считал, что в древний период истории и сами финны не имели настоящей истории, а была так называемая этнография.

Помимо чисто лингвистического материала, послужившего основным вкладом Кастрена в науку, в записях его путешествий содержится очень много наблюдений над бытом, материальными условиями жизни посещенных им народов. Как отмечено выше, Кастрена из сибирских народов особенно занимали минусинские татары как нравами и обычаями, так и религиозными понятиями. Сведения о хакасах он получил из немногих источников: в основном из работ Г. И. Спасского и А. П. Степанова. Из иностранных авторов он особенно часто ссылается на книгу «Asia Polyglotta» (Paris, 1823) немецкого ориенталиста Г. Ю. Клапрота (1783–1835).

В Хакаско-Минусинском крае он наблюдал за жизнью и бытом хакасов (ачинских и минусинских татар, по тогдашней терминологии – *В. Ч.*), изучал язык, интересовался их историей. На его пути сначала встретились улусы хакасов-кызыльцев. От Ужура, оставив большую дорогу, Кастрен повернул в татарские степи, где безостановочно в течение 14 дней проезжал

из улуса в улус, посетил двух башлыков, трех князей и одного татарского магната – владельца 70 табунов (т. е. 3500 коней), который угостил его кониной и чаем из китайских фарфоровых чашек. От Ужура он ехал прекраснейшей дорогой, идущей мимо небесных озер к Кизильской управе, а отсюда до качинских форпостов вверх по Белому Июсу, и потом снова повернул к Енисею, объездив большую часть кизильских и качинских степей. У кызыльских татар он был проездом и не оставил подробного их описания. Он писал, что «кизильские татары – смесь различных родов, из которых один даже калмыцкого происхождения, почему и называется Калмах. Другой именуется Камнар (по татарскому произношению *Qamnar*), а также и Камлар (*Qamlar*); это последнее название в инструкции г. Кёппена превращено по ошибке в Кашлар» [3, с. 203, 205].

Качинские же татары еще в XVIII в. разделились на две ветви, из которых одна осталась на реке Кача и в ее окрестностях, другая же перебралась в бесплодную степь между Белым Юсом и Абаканом и даже на юг от Абакана в страну койбалов. Северная ветвь качинцев к середине XIX в. уже совершенно обрусела, а южная ветвь была наибольшей из всех татарских племен Сибири (до 9436 душ). Качинские татары называли себя *Kashlar*. Они приняли и слили с собою аринов и остававшихся в этой стране киргизов, именем которых на качинском языке назывался Тубинский улус. От этих киргизов происходят разные принадлежащие к Ужурской волости полурусские. Давно уже отатарившиеся арины (бывшие енисейские остяки) составляли всего один улус из 60 человек, причисленный под названием Ара к Качинской управе [3, с. 205–206].

Качинцы были самыми богатыми из всех минусинских татар. Один бедный койбал говорил Кастрену, что айран и кумыс водятся у них круглый год, а скот кишит вокруг их палаток, как муравей в муравейнике. У одного татарина было 6000 лошадей, 2000 коров, 1000 овец и коз, да сверх того чистыми деньгами несколько сот тысяч рублей. Хозяин встретил Кастрена в шелковой рубашке и бархатном кафтане, опушенном соболем; но только они познакомились поближе – последний тотчас же сменился старым козым

тулупом. Как христианин, он не ел конины и не пил кумыса, но айран (Кастрен по ошибке называет айраном продукт его перегонки, т. е. молочное вино – В. Ч.) был его любимым напитком и единственным лекарством во всех болезнях.

На примере этого татарина Кастрен описал хакасский обряд сватовства «по чести». Он пишет, что в выборе жены этот богатый татарин был необыкновенно счастлив: она молода, хороша собою, предана мужу и мастерица готовить айран. Богач сознался, что ухаживал за своей молодой женой целых два года. Три раза в год ездил к ближайшими ее родственникам, возя с собой айран, мясо, масло, сыр, дорогие ткани, прекрасных лошадей, словом, обычный калым. Калым составлял важную статью в татарских брачных условиях; он не требовался только тогда, когда невеста была вдова, или убежала от первого мужа, или продана им. Наш хозяин женился на дочери своей родной сестры, следуя в этом случае своей татарской, а не христианской совести. Но такое нарушение христианского закона не обошлось ему даром, потому что недавно избранный новый племенной старшина выступил против него с требованием 100 хороших быков как очистительной жертвы. Это требование заставило богатого татарина хлопотать о смене племенного старшины [7, с. 382–383].

Кастрен описал внутреннее устройство юрты, которое у всех татар одинаково. Во всех юртах вместо пола – голая земля, вместо трубы – отверстие в крыше, вместо печи – очаг из нескольких камней, сложенных посередине юрты в кружок. Дверь всегда на восток; и напротив ее в каждой юрте диван из мягких войлоков – это ложе хозяина и хозяйки. Направо от входа женское, а налево – мужское отделение. Кругом по стенам поделаны полки, уставленные на мужской половине ящиками и сундуками, на женской – котлами, чашками, самоварами и другой хозяйственной утварью [7, с. 382].

Проезжая по левому берегу Абакана, въехав на небольшую гору Ю-таг (Yu-tag), Кастрен увидел один улус, который значительно отличался от всех ранее им виденных. Вместо обыкновенных берестяных юрт здесь были войлочные и несколько небольших избушек, построенных на манер русских. Возчик сообщил ему, что

этот улус – татарское зимовье, что качинские татары меняют свои жилища обыкновенно по три раза в год: весной, летом и осенью; что имеющие большие стада принуждены даже и летом несколько раз перекочевывать. Однако бедные семейства остаются целое лето на одном месте, многие не имеют даже и особенных весенних становищ [3, с. 218].

По заданию Академии наук Кастрен занимался изучением языка и быта койбалов. Они жили в степи вдоль правого берега Абакана, между Енисеем и впадающим в Абакан Табатором. Как племя бедное и угнетенное, койбалы не могли воспрепятствовать переходу на свою плодородную степь значительного числа качинских и сагайских татар. Кроме того, к ним ежедневно переселялись и русские, выстроившие уже большие деревни по небольшим речкам. Следуя их примеру, несколько бедных койбальских семейств построили себе также маленькие хижины по берегу ручья Ут, от которого койбальская деревенька и получила впоследствии свое название. Здесь Кастрен прожил почти три недели и ежедневно был в обществе койбалов, которые оказывали ему особенное расположение. Живя в деревне Ут, он ездил и в соседние улусы, от койбала Собакина записал песню о Тьенар-кус [3, с. 225, 227].

К этому времени одни койбалы (жившие на правобережье Енисея) уже обрусели, а другие – отатарились. Кастрен писал, что койбалы, о которых так много спорили, считают себя вместе с облеченной в мифический мрак чуждо древнейшими обитателями этой страны. Они составляли восемь родов: большой и малый Байгадо (Бай), Канг, Тараджак, Тйода, Мадор, Кель, Ингара, Бёгёды, Ирген, Арты, Кёйек и Кайденг. В отношении к своему происхождению эти роды, совершенно отатарившиеся, распались на самоедов и енисейских остяков. Остяцкого происхождения только большой и малый Байгадо и Кайденг, всё же остальные – самоедского. Кастрен застал несколько престарелых койбалов, которые помнили несколько слов своего прежнего языка. На этих словах и основал он свое мнение о происхождении койбалов [3, с. 224].

Он описал похоронно-погребальные обряды койбалов и других татар. При известии о

чьей либо смерти татары собираются во множестве копать могилу для покойника. Каждый считает священной обязанностью почтить этим память усопшего; родственники его не должны принимать участия в этой работе. Татары хоронят своих мертвых всегда на возвышенных местах, и стараются, чтобы на общих кладбищах могильные насыпи находились в одной линии, а сами могилы копались в одном направлении от востока к западу. Что же касается до величины, то могилы бывают длиною от двух до четырех аршин и редко глубже аршина. Для взрослых людей в самой могиле делается род деревянного ящика; шаманов же кладут всегда прямо в землю, а детей обернув только берестой. Самого покойника одевают по большей части в лучшие его платья, и сверх того обертывают шелковой или другой тонкой тканью; в могиле, по теперешнему обычаю, ему дают лежачее положение, лицом вверх и с обращенными к востоку глазами. В ноги покойника кладут седло, ставят водку, творог, мясо, масло и т. п. как припасы в дорогу. Могилу засыпают землей и сверх того наваливают на нее продолговатый бугор высотой от одного до двух футов, и покрывают его сверху камнями.

Схоронив таким образом покойника, присутствующие, большею частью родственники, устраивают на могиле пир, причем не жалеют ни айрана, ни разных яств. Это пиrowание продолжается обыкновенно три дня. На двадцатый день родственники вторично собираются на могиле и снова пируют в память покойника. То же повторяется и на сороковой день, и тут убивают любимую лошадь покойника, которая со дня смерти своего господина до этого дня пользуется совершенною свободою. Лошадь съедают, а голову ее надевают на палку, воткнутую на одном конце могилы. Затем празднуют еще поминки через сто дней. Каждый приносит с собой айран, вареное и жареное мясо, сыр, молоко, масло и другие кушанья [7, с. 379–380].

Кастрена особенно заинтересовали близкие к койбалам по происхождению камасинцы, жившие в Канском округе, на правом берегу Енисея. Побывав у них, он выяснил, что так называемые камасинцы были неоднородны по составу. Они жили в трех улусах и говорили на

трех совершенно различных языках: татарском, самоедском и коттском.

Выяснилось, что к камасинцам были причислены тюркоязычные качинцы, жившие прежде под Красноярском. При основании Енисейской губернии они сами изъявили желание переселиться к камасинцам, где составили отдельный Угумаков улус. Все татары Канского округа называли себя Djase-djon (степной народ), русские – степными камасинцами. Они делились на хлебопашцев и пастухов. Первые уже обрусели, вторые еще сохраняли язык своих предков [3, с. 256–257].

Настоящие (лесные) камасинцы-самоеды составляли Абалаков улус. Они оказались единственными самоедами, оставшимися в южной части Енисейской губернии. По религии они были христиане, а в большей части других отношений – татары. Они носили татарское платье, держались татарских обычаев. Самоедского в них осталось только то, что занимались они оленеводством и леса предпочитали степям. Летом они жили близ истоков рек Кана и Маны, где «Белые горы» доставляли их оленям не только прохладу, но и корм. Осенью лесные камасинцы снимали свои шатры и отправлялись на охоту за дикими оленями. Голод и болезни уменьшили это некогда многочисленное племя так, что их осталось не более 150 душ мужского и женского пола [3, с. 257–258].

Третий камасинский улус – Агульский. Жители улуса были христиане и совершенно обрусели. Кастрен выяснил, что эти люди – остаток древних коттов, говоривших раньше на енисейско-остяцком языке (т. е. на кетском – В. Ч.). Он приводит этому следующие доказательства: 1) что выше упомянутые камасинцы с незапамятных времен живут в той же области, как и котты; 2) что они называют себя Kottu (множ. Kottuan) и известны под этим названием не только лесным камасинцам, но и татарам; 3) что они говорят наречием языка енисейско-остяцкого. Последнее доказательство самое сильное; однако, в настоящее время только шесть человек могут говорить друг с другом на языке своих отцов. Прежде это было многочисленное племя, но оспа и другие заразные болезни действовали на них так смертоносно, что в настоящее время это племя составляют всего 76 душ мужского и

женского пола [3, с. 258–259].

Несколько обрусевших коттов Кастрен встретил около Канска: в деревнях Анзире, Барнауле и Еланске. Эти котты выдавали себя за остатки так называемого Багиновского улуса, некогда находившегося на реке Пойме, впадающей в Ану. О них упоминал и Клапрот и при этом говорил еще о других коттах, называвшихся конгроичами. Эти последние, вероятно, слились с койбалами и отатарились. Что же касается до названия конгроичи или конгороичи, то им обозначается, собственно, не само коттское разветвление, а вообще все татары, платящие подать в Красноярске, который по-татарски называется Конгорай, то есть место, в котором звонят в колокола [3, с. 262].

Сагайские татары жили по левому берегу Абакана. При впадении р. Аскиз в Абакан стояло несколько ветхих избышек, в одной из них помещалась канцелярия Сагайской думы. Значительнейшими из принадлежащих к Сагайскому управлению родами считались Сагай и Белтир. Они считали себя первобытными жителями страны и уверяли, что прежде жили по рекам Абакану и Юсе. Все остальные роды – Том, Сор, Кей, Кизил-кая, Карга, Коби и Тайас – переселились в недавнем времени из Кузнецкого округа Томской губернии.

О енисейских кыргызах, ранее главенствовавших в этой стране, у Кастрена сложилось неправильное представление. В те времена в России киргизами именовали как енисейских кыргызов, так и казахов и тянь-шаньских киргизов. Кастрен считал, что все киргизы составляют один народ и в древние времена жили они в Забайкалье. Посетив забайкальских бурят, он писал: «О древнейших, исчезнувших народах изустных преданий нет; из письменных же памятников видно, что Монголы, хотя и живут здесь с незапамятных времен, нисколько, однако ж, не древнейшие обитатели байкальской страны. Рассказывают, что первое монгольское переселение пришло под предводительством Бурте Чино к «великой байкальской реке» и нашло поблизости ее народ, называвшийся Бите. Об этом народе я не узнал никаких дальнейших подробностей; но многие ученые и неученые Буряты, высказывали мне предположение, что народ Бите

были Киргизы, т. е. тюркское племя. Название Бите уже исчезло из памяти народной, но, что Киргизы жили в этой стране до пришествия Монголов, об этом есть, по крайней мере, предание, весьма распространенное по реке Селенги. – Многочисленные каменные холмы или курганы, встречающиеся на Селенгинской степи, приписываются именно Киргизам, и на самом месте, особенно на западе от Селенги, называются Kirgil-ür, т. е. киргизское жилище» [7, с. 439–440]. Во время переселения часть киргизов, по его мнению, и оказалась на Енисее, остальные же двинулись дальше на запад.

В этнологической лекции об алтайских народах он говорил: «Киргизы сами себя называют казаками, что означает наездник или воин, а ранее звались хакасами. Это племя, как и ногайцы, в значительной степени перемешалось с монголами, но, несмотря на это, язык их остался тюркским. Предки киргизов поселились в сибирских степях и, по всей вероятности, именно они возвели большую часть сибирских курганов. Отсюда они двинулись на запад и расселились в предместьях Ташкента и Коканда, в верховьях Иртыша, у Аральского и Каспийского морей, а также близ реки Яик. Черкесы считаются потомками киргизов, однако эта гипотеза основана на одном только сходстве названий» [6, с. 70].

Итак, М. А. Кастрен своими полевыми исследованиями разрешил научный спор о койбалах, как о бывших прежде самодийцах и енисейских остяках. Его работы в области тюркологии подготовили почву для последующих исследователей: В. В. Радлова, Н. Ф. Катанова и С. Д. Майнагашева. В Хакасско-Минусинском крае он собрал новые этнологические и статистические сведения о койбалах, качинцах, кызыльцах, сагайцах, камасинцах, которые не потеряли научного значения и по сей день.

Литература

1. Токарев С. А. История русской этнографии (дооктябрьский период). М.: Наука, 1966. 453 с.
2. Степанов А. П. Енисейская губерния. Красноярск: Горница, 1997. 223 с.
3. Кастрен М. А. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845–1849) / под ред.

С. К. Пархимовича. Тюмень: Изд-во Мандрюка, 1999. 351 с.

4. Янхунен Ю. М. Кастрен и алтайская теория // Уральские и алтайские языки и народы: сопоставительно-типологический взгляд: материалы Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения выдающегося финно-угроведа и алтаиста М.-А. Кастрена (1813–1852) (Абакан, 25–28 сентября 2013 г.) / отв. ред. А. Д. Каксин. Абакан: Изд-во ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2013. С. 12–16.

5. Благова Г. Ф. История тюркологии в России (вторая половина XIX – начало XX в.): в 2 ч.

М.: Вост. лит., 2012. 310 с.

6. Этнография и хакасский фольклор глазами немецкоязычных исследователей XIX века: сборник научных работ и фольклорных текстов: пер. с нем. / отв. ред. И. П. Амзаракова, А. В. Лоевская; под общ. ред. И. П. Амзараковой. Абакан: Изд-во ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2016. 192 с.

7. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири (1838–1844, 1845–1849) // Магазин земледелия и путешествий. Географический сборник Николая Фролова. Т. VI. Собрание старых и новых путешествий, ч. II. М., 1860. 495 с.

ИСТОРИЯ НАУКИ

ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКА ПРИРОДЫ «БУЗУЛУКСКИЙ БОР» В XVIII В.

Т. Н. САВИНОВА

УДК 001(470.56)(09)

Статья Т. Н. Савиновой «Изучение памятника природы „Бузулукский бор“ в XVIII в.» посвящена первому этапу исследования, длившемуся с 1736 г. по конец XVIII в., самого крупного в степной зоне Северной Евразии и единственного в степном Заволжье реликтового лесного массива – Бузулукского бора. Территориально бор находится в пределах Оренбургской (57 тыс. га) и Самарской (54,1 тыс. га) областей. Ученые считают, что возраст леса примерно 6–7 тыс. лет, но сосновый бор начал формироваться около 3–4 тыс. лет назад. Лесной массив не единожды привлекал к себе внимание ученых и изучался специалистами различных дисциплин во многих направлениях и аспектах, в том числе топографами, ботаниками, лесниками и др.

Ключевые слова: Бузулукский бор, история науки XVIII в., карты XVIII в., И. Г. Гейнцельман, М. Пестриков, П. И. Рычков, Красильников, П. С. Паллас

STUDYING OF NATURE SANCTUARY “THE BUZULUK PINE FOREST” IN THE 18TH CENTURY

T. N. SAVINOVA

T. N. Savinova's article "Studying of Nature Sanctuary "The Buzuluk Pine Forest" in the 18th Century" is devoted to the first investigation phase lasting since 1736 until the end of the 18th century, the largest in a steppe zone of Northern Eurasia and the only thing in steppe Zavolzhye of the relic forest area – to the Buzuluk pine forest. Territorially the pine forest is within the limits of Orenburg (57 thousand hectares) and Samara (54,1 thousand hectares) areas. Scientists consider that age of the wood is about 6–7 thousand years, but the pinery has begun to be formed about 3–4 thousand years ago. The forest area not once drew attention of scientists to itself and was studied by experts of various disciplines in many directions and aspects, including topographers, botanists, foresters, etc.

Key words: Buzuluk pine forest, history of science of the 18th century, card of the 18th century, I. G. Geyntselman, M. Pestrikov, P. I. Rychkov, Krasilnikov, P. S. Pallas

Уникальный памятник природы, расположенный в степи, – Бузулукский бор – в 2017 г. отмечает сразу несколько юбилеев. Сто лет назад, в октябре 1917 г., В. П. Семёнов-Тян-Шанский предложил организовать в России не менее 46 национальных парков, в том числе и

Бузулукский бор [1, с. 21]. 85 лет назад, 8 августа 1932 г., благодаря усилиям В. Н. Сукачёва, И. И. Спрыгина, Е. П. Кнорре и других ученых, постановлением Средне-Волжского крайисполкома была заповедана центральная часть лесного массива [2, с. 160]. 40 лет назад

Распоряжением Совета Министров РСФСР от 2 сентября 1977 г. № 1444-р вся территория Бузулукского бора отнесена к особо ценным лесным массивам с допущением в них только рубок ухода за лесом и санитарных рубок. 10 лет назад, 2 июня 2007 г., распоряжением Правительства Российской Федерации № 709-р был учрежден национальный парк «Бузулукский бор», а постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2007 г. № 1952-р создано федеральное государственное бюджетное учреждение «Национальный парк „Бузулукский бор“».

Бузулукский бор – самый крупный в степной зоне Северной Евразии и единственный в степном Заволжье реликтовый лесной массив. Считается, что возраст леса примерно 6–7 тыс. лет, но сосновый бор начал формироваться около 3–4 тыс. лет назад. Территориально Бузулукский бор находится в пределах Оренбургской (57 тыс. га) и Самарской (54,1 тыс. га) областей.

Лесной массив не единожды привлекал к себе внимание ученых и изучался специалистами различных дисциплин во многих направлениях и аспектах: исследовались почвы, флора и растительность, животный мир, микроклимат, в бору ставились лесотехнические эксперименты, производились картографические и лесоустроительные работы. В данной работе нами предпринята попытка собрать сведения о первом этапе научного изучения Бузулукского бора – с 1736 г. по конец XVIII в.

Началом исследования территории будущего Оренбургского края можно считать деятельность экспедиции 1734–1744 гг., возглавленной известным географом И. К. Кириловым. С ноября 1736 г. ее центром была Уфа, затем до строительства Оренбурга (1743 г.) – Самара, откуда началось строительство Самарской дистанции. В конце июля – начале августа 1736 г. была основана Борская крепость, в трех верстах от которой располагался сосновый бор, давший ей название [3, с. 225]. По данным В. П. Путнихина, в составе отряда, закладывавшего крепость, находился и ботаник экспедиции Иоганн Готфрид Гейнцельман (1701–?) [4, с. 30]. Делались ли в это время сборы растений хотя бы на опушке бора, пока не установлено. Свои

отчеты и коллекции (преимущественно семена) ботаник посылал в Академию наук И. Амману (1707–1741) [5, с. 236]. И. Г. Гейнцельманом написана книга «Флора Самарской Татари» [6], но растения, описанные в ней, собирались им в 1737 г. около города и реки Самары [4, с. 30], так что описаний около крепости Борской в ней быть не должно.

В октябре 1737 г. В. Н. Татищев, принявший руководство экспедицией, уволил И. Г. Гейнцельмана от службы. А через десять лет, в декабре 1747 г., в Кунсткамере произошел пожар. По данным «Реестра трав, которые в средней зале Кунсткамеры в нижних шкафах под № IX. X. XI. XII. XIII и XIV. расположены были, и в приключившейся декабря 5. числа 1747. году пожаре сгорели», значатся гербарии Ф. Рюйша, И. Аммана, сибирские собрания И. Г. Гмелина и Г. В. Стеллера, и оренбургские – И. Г. Гейнцельмана [7, с. 212].

Огромнейшее значение для изучения и освоения края имели картографические исследования. В 1736 г. геодезист Оренбургской экспедиции М. Пестриков составил на основании работ других геодезистов сводную карту Башкирии: «Plankart Уфимской провинции или всему башкирскому жилью и около положенной живой линии от Волги до Сибири на 1200 верст, также прежней земляной линии и прочему. Собрал с разных карт геодезии прапорщик Михаил Пестриков в Мензелинске. 1736 месяца декабря», на которой показаны границы, рельеф, реки, населенные пункты, дороги (пунктиром), но леса, в том числе и бор, не изображены [8, с. 305–306].

На последующих картах появляется обозначение леса. Важным документом по исследуемой теме можно считать «Ландкарты или чертежи географические, на которых представляется Оренбургская губерния с смежными с ней местами. Сочинены в Оренбурге по определению Оренбургской канцелярии декабря ... дня 1752 чрез геодезии прапорщика Красильникова с товарищи... Приобщено к ним краткое особое историческое описание под именем Топографии Оренбургской губернии ... 1755». Атлас составили новая генеральная карта Оренбургской губернии и двенадцать частных. На оборотной стороне карт размещен текст

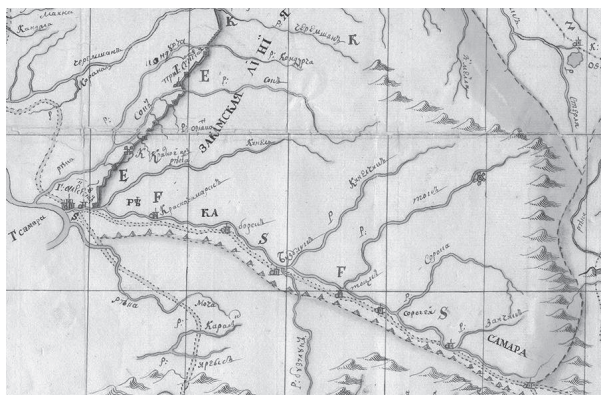

Рис. 1. Фрагмент «Plankart Уфимской провинции» 1736 г.

первой части «Топографии Оренбургской» П. И. Рычкова (1712–1777), написанный как пояснение к ним. На «Карте, представляющей от Оренбурга большую Московскую дорогу до Кичуйского фельдшанца и всю Закамскую линию – а также от Кичу вниз по реке Яику до Яицкого казачьего городка и по Самаре до города Самары ново построенные крепости и Ставропольским ведомством и смежными к тому местами» условными знаками изображен лес между Борской и Елшанской крепостями, т. е. бор.

Атлас Красильникова впервые был издан только в 1880 г. по инициативе Оренбургского отдела Императорского Русского Географического общества [9]. Но «Топография» несколько раз печаталась еще в XVIII в. П. И. Рычков писал, что крепость Борская называется так, потому что «верстах в трех от нее имеется тут немалый сосновый бор, какого при всех линейных крепостях не находится; и если бы он с бережностью [был] рублен и от пожаров сохраняем был, то его бы для всех по сей дистанции имеющих крепостей было б довольно» [10, с. 123]. Далее он сообщал, что «в выше означенном бору и в лесных ее местах водится множество лосей, за которыми обыватели в марте месяце по насту ходят на промысел и, убивая их немало, продажею коже и мясом сих зверей пользуются» [10, с. 123–124]. В Бузулукской крепости «обыватели тем же боровым лесом довольствуются и выше означенные промыслы имеют» [10, с. 126].

Эти сведения П. И. Рычкова вошли в географические энциклопедии Ф. А. Полунина и Л. М. Максимовича [11, с. 37, 40; 12, с. 102,

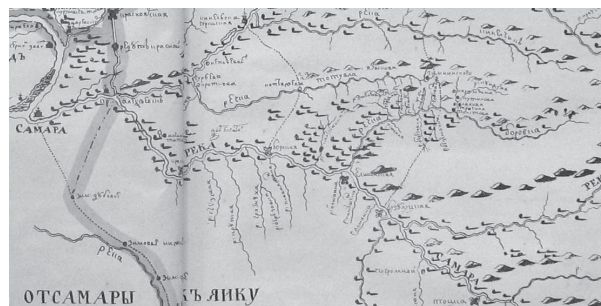

Рис. 2. Фрагмент «Карты, представляющей от Оренбурга большую Московскую дорогу до Кичуйского фельдшанца <...> и смежными к тому местами» из атласа Красильникова (1755)

110] и в до сих пор не изданный «Лексикон» П. И. Рычкова¹.

На план-карте «Осмотру и описания Оренбургской губернии Самарской линии в их положенные и ... по реке Самаре и впадающим в оную речкам от Бузулукской крепости далее до города Самары крепостным землям отводам и оставшей по исчислению речкам жителям излишней земли, також и в сем оказавшимся как по той линии, так и в Ставропольском уезде дачам и порозжим землям кои значат крепостные и порозжие под литерами, а прочие владеющие разными людьми под номерами [1771]. Присланный из Межевой конторы ланкартой свидетельствовал землемер Дадонов» можно видеть условный знак «лес» на территории бора и границы «Самарской линии по реке Самаре: 1. А. Бузулукской крепости земля. 2. В. Елшанской крепости земля. 3. С. Борской крепости земля».

В 1793 г. было произведено первое генеральное обмежевание бора, ставившее задачей выяснение его значения для сельского и лесного хозяйства [13, с. 276]. Общая площадь обмежеванной лесной дачи «Бузулукский бор» составила 54004 га. Во многих местах она была ограничена от помещичьих земель глубокой канавой, препятствовавшей заезду в лес на гужевом транспорте².

¹ Рычков П. И. Лексикон или словарь топографической Оренбургской губернии Петра Ивановича Рычкова [рукопись]: в двух томах: [писарской список]. [Б. м.], 1776, 1777 гг. // РГБ. Ф. 313 № 17.1, 2.

² Терентьева О. С. Из прошлого – в будущее. Национальный парк Бузулукский бор. URL: <http://buzulukskiybor.ru/menu/novosti/izoarol>.

Рис. 3. Фрагмент плана-карты «Осмотр и описание Оренбургской губернии Самарской линии все их положения... по реке Самаре и впадающим в оную рекам, крепостным землям отводам и остальным...» (1771 г.), на котором приведена территория расположения Бузулукского бора

Одними из первых исследователей бора являлись лесники и лесные ревизоры. Именно в их отчетах можно найти сведения о состоянии лесного массива. «Несчастливыми для бора были годы после генерального обмежевания его, когда он сторел почти дотла, и, по рассказам старых полесовщиков, голые пески без леса были на много верст», – сообщается в «Полном хозяйственном описании дачи Бузулукский бор», документе 1843 г., составленном местным лесным ревизором [14, с. 7]. По его же данным, в течение 50 лет «в нём не велось правильного хозяйства, велись неправильные выборочные рубки и без знания дела» [14, с. 7]. В июне 1769 г. Оренбургский край посетил академик П. С. Паллас (1741–1811). Маршрут его экспедиции лежал по Самарской укрепленной линии на Оренбург [15, с. 12]. 21 июня 1769 г. он проехал Борскую крепость [16, с. 312–313]. В бор ученый не заезжал. Описывая окрестности Борской, П. С. Паллас сообщал, что «весь широкий буерак [ранее он называет его Старица], или, лучше сказать, глубокая долина, заросла соснами, липами, дубами, березами, осинами, тополью, татарским кленом, крушиной, раkitником, таволгою и сибирским гороховым деревом. Смешанный сосновый лес простирается вниз Самары почти непрерывно даже до Красносамарска; да и лежащие от Борска к правому берегу Самары горные увалы по большей части обросли высоким смолистым лесом и чепыжником. Такой с соснами смешанный лес называют там бором, по чему и крепость проименована» [16, с. 312–313]. Еще он сообщал, что около

Борской на песчаных местах видел много жуков «особенного рода, которых далее в северной стороне не находится» [16, с. 313]. Это практически всё, что было известно о Бузулукском боре к концу XVIII в.: лесной массив, расположенный на песках, подвергавшийся частым пожарам.

Таким образом, XVIII в. завершился значимым событием в лесном деле: 26 мая 1798 г. Павел I учредил Лесной департамент, целью деятельности которого было сохранение лесов от истребления, извлечение из них наибольшего дохода и умножение лесов на территориях, где в них нуждаются, а начало XIX в. (1802 г.) ознаменовалось выходом первого Лесного кодекса России – «Лесного устава». Начинаясь новый этап и в исследованиях Бузулукского бора.

Литература

1. Штильмарк Ф. Р., Аваков Г. С. Первый проект географической сети заповедников // Опыт работы и задачи заповедников СССР. М.: Наука, 1979. С. 20–23.
2. Борейко В. Е. Словарь деятелей охраны природы. Серия: История охраны природы. 2-е изд., доп. / Киевский эколого-культурный центр. Киев, 2001. 524 с.
3. Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Уфа: Китап, 1999. 309 с.
4. Путенихин В. П. Ботаник Оренбургской экспедиции И. Г. Гейнцельман – первый исследователь флоры Южного Урала и Самарского Поволжья (315 лет со дня рождения) // Биоэкологическое краеведение: мировые, российские и региональные проблемы : материалы V междунар. науч.-практ. конф. (Самара, 14 дек. 2016 г.). Самара, 2016. С. 20–34.
5. Бобров Е. Г. Карл Линней. 1707–1778. Л.: Наука, 1970. 286 с.
6. Heinzelmann J. G., Gerber T. (1737–1738). Flora Samarensis Tatarica seu plantae quas circa Samaram urbem et fluvium Aor. (?) 1737 observavit et collegit Dr. I. G. Heinzelmannus, Historiographus et Asector expeditionis Asiaticae, Sacr. Mac. (?) Imp. Russorum in classes Ordinis et Nomina reduxit.; Traugott Gerber Med. Dr., Hort. Med. Mosc. Praefect. Moscua ex Horto Medico d. 8 Febr. 1738. 21 p. [4, 28].

7. Летопись Кунсткамеры. 1714–1836 / авт.-сост. М. Ф. Хартанович, М. В. Хартанович; отв. ред. Н. П. Копанева, Ю. К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2014. 740 с.

8. Гнучева В. Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века. Труды Архива Академии наук СССР / под общ. ред. Г. А. Князева и Л. Б. Модзалевского; Акад. наук. СССР; Вып. 6. М.; Л.: Изд-во и 1-я тип. Изд-ва АН СССР, 1946. 446 с.

9. Оренбургская губерния с прилежащими к ней местами по «Ландкартам» Красильникова и «Топографии» П. И. Рычкова 1755 г. Изд. на средства И. Ф. и Ф. И. Базилевских. Оренбург: Тип. Бреслина, 1880. 54 с.

10. Рычков П. И. Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии. Ч. II. СПб., 1762. 262 с.

11. Географический лексикон Российского государства, или Словарь, описующий по азбучному порядку реки, озера, моря, горы, города, крепости, знатные монастыри, остроги, ясашные зимовия, рудные заводы и почия достопамятные места обширной Российской Империи, собранный коллежским асессором и г. Вереи воеводой Ф. П., а с поправлениями

и пополнениями изданный трудами и с предисловием Герарда-Фридриха Миллера. М.: Имп. Моск. ун-т, 1773. 479 с.

12. Новый полный географический словарь Российского государства, или Лексикон, описующий азбучным порядком географически, топографически, гидрографически, физически, исторически, политически, хронологически, генеалогически и геральдически, наместничества, области и уезды обширной империи Российской в нынешнем ее состоянии, в царствование императрицы Екатерины Великия новоустроенном. Ч. I. М.: Унив тип., у Н. Новикова, 1788. 663 с.

13. Кин Н. О. Особенности современной флоры Бузулукского бора // Поволжский экологический журнал. 2008. № 4. С. 275–281.

14. Бузулукский бор: В 4 т. Т. 3: Ахромейко А. И. Физиологическое обоснование разведения сосны в степях. М. – Л.: Гослесбумиздат, 1950. 264 с.

15. Научное наследие П. С. Палласа. Письма. 1768–1771 гг. СПб.: Тиаид, 1993. 250 с.

16. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. 2-е изд. СПб.: При Имп. АН, 1809. 657 с.

ПОЗДРАВЛЯЕМ! ШЕКШЕЕВУ АЛЕКСАНДРУ ПЕТРОВИЧУ – 70 ЛЕТ!

Александр Петрович Шекшеев – известный сибирский историк, кандидат исторических наук, специалист по аграрной истории Сибири, родился 24 февраля 1947 г. в с. Краснотуранск Красноярского края. Его отец – фронтовик, принимал участие в штурме Берлина, после войны много лет проработал главным бухгалтером районной потребкооперации, строительного управления. Мать была учительницей Краснотуранской средней школы. С детства Александр Петрович проявлял любознательность, читал много книг, увлекался фотографией, на досуге занимался лыжным и велосипедным спортом.

После окончания средней школы А. П. Шекшеев решил попробовать себя в нескольких профессиях. Он работал корректором в редакции районной газеты, учителем в вечерней школе и сопровождающим на почте. В 1966 г. Александр Петрович поступил в Абаканский государственный педагогический институт на филологический факультет. После окончания вуза А. П. Шекшеев несколько месяцев преподавал литературу в школе № 11 г. Абакана, а затем был призван в армию. Военную службу проходил в ракетных войсках на Камчатке. В декабре 1971 г. по рекомендации преподавателей АГПИ он был принят на должность старшего научного сотрудника сектора истории Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. С этого времени его научная деятельность оказалась крепко связанной с институтом на долгие годы.

В ХакНИИЯЛИ Александр Петрович

занимался исследованием проблем аграрной истории Хакасии в XX веке, прежде всего изучением совхозного строительства в данном регионе. С 1978 по 1982 гг. без отрыва от производства он учился в аспирантуре Института истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР. Его научным руководителем был известный сибирский ученый, доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором данного института Н. Я. Гущин. А. П. Шекшеев подготовил диссертационное исследование, в котором рассмотрел вопросы совхозного строительства в Хакасии с 1917 по конец 1950-х гг. Диссертация была успешно защищена в 1983 г. и в дальнейшем переработанная и дополненная новыми фактами рукопись под названием «Совхозное строительство в Хакасии (1917 – конец 1950-х гг.)» была издана в 1988 г. в Абакане. Избранная область научных интересов станет основной для исследователя на долгие годы. После защиты диссертации он продолжал заниматься изучением аграрной истории советской Хакасии.

За время работы в ХакНИИЯЛИ Александр Петрович активно участвовал в подготовке и редактировании сборников научных трудов. Им были написаны рецензии на изданные труды коллег и авторефераты диссертаций. Он являлся участником международных, всесоюзных и региональных научных симпозиумов и конференций в Екатеринбурге, Новосибирске, Омске, Барнауле, Якутске, Красноярске,

Иркутске, Абакане и др. Александр Петрович повышал свою профессиональную подготовку, участвовал в работе методологического семинара. В 1991 г. решением Высшей аттестационной комиссии при Совете Министров СССР А. П. Шекшееву было присвоено ученое звание старшего научного сотрудника, а в 1995 г. за многолетнюю научную деятельность и в связи с 50-летием ХакНИИЯЛИ Президиум Верховного Совета Республики Хакасия наградил его почетной грамотой.

В начале 1990-х гг. избирался депутатом Абаканского городского Совета народных депутатов, участвовал в заседаниях городского клуба «Гражданин». До 1993 г. был председателем комиссии по межнациональным отношениям и членом его президиума. Он принимал активное участие в жизни института, был редактором стенной газеты, членом правления первичной организации общества «Знание». Александр Петрович известен как популяризатор истории, выступал с научно-популярными лекциями перед коллективами предприятий и организаций.

В 1997 г. А. П. Шекшеев стал руководителем энциклопедической группы «Хакасия» Института саяно-алтайской тюркологии ХГУ. Под руководством директора института С. П. Ултургашева осуществил создание рабочего варианта «Словника» энциклопедического словаря и написал для энциклопедии «Хакасия» более 90 научных статей. С 2002 по 2009 г. Александр Петрович был старшим научным сотрудником Гуманитарного научно-исследовательского института Хакасии ХГУ. В 2013 г., являясь ведущим научным сотрудником ХакНИИЯЛИ, участвовал в написании «Очерков истории Хакасии советского периода».

В результате многолетней и скрупулезной работы исследователя в архивах были подготовлены свыше 200 научных статей. А. П. Шекшеев публиковался в таких научных журналах, как «Родина», «Вопросы истории», «Гуманитарные науки в Сибири», в «Вестниках» Новосибирского и Красноярского государственных университетов и др. Он является автором книг «Гражданская смута на Енисее: победители и побежденные» (Абакан, 2006) и «Власть и

крестьянство: начало Гражданской войны на Енисее (октябрь 1917 – конец 1918 гг.)» (Абакан, 2007). На широкой источниковой базе представлена история Приенисейской Сибири в 1917–1932 гг. Большой заслугой его работ можно считать введение в научный оборот ранее не опубликованных источников. Особый интерес вызывает освещение автором реалий смутного времени, а также биографических сведений об исторических деятелях, оставивших политический след в истории Красноярья и Хакасии. В центре внимания его последних работ личность и ее роль в истории. Следует заметить, что исследователь стремится на примере исторических персонажей показать многомерность человеческого сознания и поведения. Он напоминает нам, живущим в современном мире, как переменчива и непредсказуема судьба человека. Александр Петрович призывает не забывать уроки прошлого, вовремя определить ориентиры и дать объективную оценку историческим процессам и деятелям.

А. П. Шекшеев – активный участник краеведческого движения в Хакасии. Заслуга исследователя в том, что он стремится сделать свои работы интересными не только для специалистов, но и для любителей истории. Он плодотворно сотрудничает с местным обществом «Краевед», часто выступает перед публикой, дает многочисленные интервью, выступает консультантом. Широкую известность получили его многочисленные газетные статьи, посвященные истории Гражданской войны на Енисее, отдельным историческим деятелям.

Александр Петрович был подготовлен в лучших сибирских традициях научной школы сибирских историков-аграрников. Его авторитет признан как в профессиональной среде, так и местными краеведами, работниками архивов, музеев и библиотек, широкими слоями населения Хакасии. В 2017 г. ему исполнилось 70 лет, и он не собирается останавливаться на достигнутом. Пожелаем ему новых творческих успехов, хорошего здоровья и долгих лет.

Т. А. Кискидосова, заведующий сектором истории Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, канд. ист. наук

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акташ Эрхан – доктор, помощник доцента отделения современных тюркских языков и литературы, факультет искусств и науки, университет г. Кырklarэли (г. Кырklarэли, Республики Турция), erhanaktas35@hotmail.com.

Бородина Елена Васильевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург), sosnovi-bor@yandex.ru.

Каташев Максим Степанович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института алтаистики им. С. С. Суразакова (г. Горно-Алтайск), kms_37@mail.ru.

Кискидосова Татьяна Александровна – кандидат исторических наук, заведующий сектором истории ХакНИИЯЛИ (г. Абакан), tak_74@mail.ru.

Комлева Евгения Владиславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН (г. Новосибирск), feodal@history.nsc.ru.

Кривоногов Виктор Павлович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Гуманитарного института Сибирского Федерального университета (г. Красноярск), victor950@yandex.ru.

Кышпанакон Владимир Алексеевич – доктор исторических наук, профессор Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (г. Абакан), kyshpanakov@mail.ru.

Мухамадеев Алмаз Раисович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан (г. Казань), almazrm42@mail.ru.

Печерский Владимир Арнольдович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора истории ХакНИИЯЛИ (г. Абакан), volody75.75@mail.ru.

Прищепа Евгений Валерьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора экономики и социологии ХакНИИЯЛИ (г. Абакан), pri-evg@mail.ru.

Савинова Татьяна Николаевна – кандидат исторических наук, библиограф Института степи Уральского отделения РАН (г. Оренбург), anaitat2009@yandex.ru.

Самрина Елена Васильевна – кандидат географических наук, старший научный сотрудник сектора истории ХакНИИЯЛИ (г. Абакан), esamrina@mail.ru.

Тугужекова Валентина Николаевна – доктор исторических наук, профессор, директор ХакНИИЯЛИ (г. Абакан), khaknauka@yandex.ru.

Ушницкий Василий Васильевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Сибири СО РАН (г. Якутск), voma@mail.ru.

Фаронов Вячеслав Николаевич – кандидат исторических наук, докторант Алтайского государственного университета (г. Барнаул), Faronoff-vn@mail.ru

Чертыков Валерий Карпович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ХакНИИЯЛИ (г. Абакан), chertykov2010@mail.ru.

Шекшеев Александр Петрович – кандидат исторических наук, Хакасская республиканская организация «Общество Мемориал» (г. Абакан), turan47@yandex.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСИ

Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлениям:

- отечественная история;
- археология;
- этнография, этнология и антропология, культурология;
- история, источниковедение и методы исторического исследования;
- история науки;
- история международных отношений и внешней политики;
- история и структура языка;
- языковые связи;
- литературоведение;
- фольклористика;
- персоналии.

Принимаются статьи, документальные публикации, материалы обзорного и информационного характера, рецензии.

Автор представляет:

- заверенную рецензию доктора или кандидата наук по специальности;
- статью в файле в формате Microsoft Word (кроме Word-2007) (файлы с расширением doc или rtf);
- идентичный текст в печатном виде;
- краткую аннотацию (700–850 знаков с пробелами) на русском и английском языках, которая должна включать: фамилию автора, название, цель статьи, характеристику проблемного поля, перечень основных проблем, затронутых в статье, основные научные результаты, ключевые слова (не более 10).

Титул статьи должен содержать фамилию, имя, отчество, должность, ученую степень, место работы, служебный адрес, электронную почту, индекс УДК. Объем статьи не должен превышать 0,5 п. л. (20 тыс. знаков) с учетом пробелов, примечаний и объема аннотации, а также таблиц и рисунков, объем информационных заметок и рецензий – 0,2 п. л.

Статья оформляется со следующими параметрами:

- стандартный набор шрифтов Windows, кегль 14;
- если автор использует дополнительные шрифты, не входящие в основной набор Windows, эти шрифты должны быть записаны в электронном виде и переданы со статьей;
- межстрочный интервал – 1,5;
- не использовать макросы и стилевые оформления Microsoft Word;
- поля: сверху и снизу – 2 см, слева – 3, справа – 1,5 см.

Фамилия, имя, отчество автора и расположенный под ними заголовок должны быть написаны строчными буквами, жирным шрифтом и выровнены по центру страницы. Сведения об авторе размещаются под заголовком с правой стороны. Ниже следует аннотация с ключевыми словами на русском языке, под ними — фамилия, имя, отчество автора, заголовок, аннотация и ключевые слова на английском языке.

Текст статьи начинается на этой же странице.

Список литературы оформляется в конце статьи:

- названия работ приводятся в порядке упоминания;
- ссылки в тексте на упомянутые труды оформляются в квадратных скобках [1], при необходимости с указанием страницы [1, с. 21];
- сноски пояснительного характера, а также ссылки на архивы, рукописные собрания даются постранично с использованием последовательной нумерации (1...10 и т. д.), причем в тексте статьи номер сноски печатается в верхнем регистре;
- в публикациях документов могут быть использованы буквенные постраничные ссылки.

Графики и диаграммы представляются отдельными файлами, выполненными в Microsoft Excel 6.0/7.0/97/2000; иллюстрации в формате JPG.

От автора к публикации принимается не более одного материала в год. Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с аспирантов за публикацию не взимается. Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу членов редколлегии и при необходимости направляются на внешнее рецензирование. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру.

Корректурa не высылается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

Полная текстовая версия выставляется <http://www.haknii.ru>

Рукописи направлять по адресу:

655017, Абакан, Щетинкина, 23.

Редакция журнала «Научное обозрение Саяно-Алтая».

E-mail: khaknauka@mail.ru

**Номер 4 (20), 2017
Выпуск 6
Серия: История**

НАУЧНОЕ ОБОЗРЕНИЕ СЯНО-АЛТАЯ

Подписано в печать 04.07.2017 г. Формат 60x90 1/8
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Печ. л. 12.
Тираж 500 экз. Заказ № 4546.

Изготовлено и отпечатано:
ООО «АЛЕКС ПРИНТ», 394007, г. Воронеж, ул. Ленинский пр-т,
д. 94, к. 5, кв. 52. Тел.: 8 (473) 290-45-17.
E-mail: sl.vrn@yandex.ru